

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Отделение историко-филологических наук

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Журнал основан в январе 1952 года

Выходит 6 раз в год

6

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

Москва

2022

Главный редактор:

В. А. Плунгян д. ф. н., проф., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Зам. главного редактора:

Н. Б. Вахтин д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Европейский университет в Санкт-Петербурге; Институт лингвистических исследований РАН

В. И. Подлесская д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет

Редколлегия:

В. М. Алпатов д. ф. н., проф., академик РАН, Институт языкознания РАН

Ю. Д. Апресян д. ф. н., проф., академик РАН, Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

И. М. Богуславский д. ф. н., проф., Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Мадридский политехнический университет, Испания

М. Д. Воейкова д. ф. н., Институт лингвистических исследований РАН

В. З. Демьянков д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН

Д. О. Добровольский д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Институт языкознания РАН; Стокгольмский университет, Швеция

В. А. Дыбо д. ф. н., академик РАН, Институт славяноведения РАН

А. Ф. Журавлёв д. ф. н., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

П. В. Иосад Ph.D., Эдинбургский университет, Великобритания

Н. Н. Казанский д. ф. н., проф., академик РАН, Институт лингвистических исследований РАН

В. И. Киммельман Ph.D., Бергенский университет, Норвегия

Г. И. Кустова д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

А. М. Молдован д. ф. н., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

М. С. Полинская Ph.D., проф., Мэрилендский университет, США

Е. В. Рахилина д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Я. Г. Тестелец д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет; Институт языкознания РАН

Л. А. Янда Ph.D., проф., Университет Тромсё — Норвежский арктический университет, Норвегия

Зав. редакцией: Н. В. Ганнус

Зав. отделами: Л. С. Козлов, А. С. Кулева

Статьи отбираются редколлегией журнала на основе анонимного независимого рецензирования.

Индексируется в: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ); Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; EBSCOhost MLA International Bibliography (Modern Language Association); Elsevier BV Scopus; European Reference Index for the Humanities and Social Sciences (ERIH PLUS); Gale MLA International Bibliography (Modern Language Association); ProQuest Linguistics and Language Behavior Abstracts (Online), Core; ProQuest MLA International Bibliography (Modern Language Association); Russian Science Citation Index (RSCI); Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (ESCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»

Телефон: +7 495 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Сайт: <https://vja.ruslang.ru>

© Российская академия наук, 2022

© Составление. Редколлегия журнала «Вопросы языкознания», 2022

ISSN 0373-658X

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Department of History and Philology

VOPROSY
JAZYKOZNAIJA
(TOPICS IN THE STUDY OF LANGUAGE)

Founded in January 1952

6 issues per year

6

NOVEMBER — DECEMBER

Moscow

2022

Editor-in-chief:

Vladimir A. PLUNGIAN Vinogradov Russian Language Institute (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Assistant editors:

Vera I. PODLESSKAYA Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
Nikolai B. VAKHTIN European University at St. Petersburg; Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia

Editorial board:

Vladimir M. ALPATOV Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
Yury D. APRESJAN Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS); Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
Igor M. BOGUSLAVSKY Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS), Moscow, Russia; Universidad Politécnica de Madrid, Spain
Valery Z. DEMYANKOV Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
Dmitrij O. DOBROVOL'SKIJ Vinogradov Russian Language Institute (RAS); Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia; Stockholm University, Sweden
Vladimir A. DYBO Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia
Pavel IOSAD University of Edinburgh / Oilthigh Dhùn Èideann, UK
Laura A. JANDA Universitetet i Tromsø: Norges arktiske universitet, Tromsø, Norway
Nikolai N. KAZANSKY Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
Vadim KIMMELMAN University of Bergen, Norway
Galina I. KUSTOVA Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
Aleksandr M. MOLDOVAN Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
Maria POLINSKY University of Maryland, College Park, USA
Ekaterina V. RAKHILINA HSE University; Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
Yakov G. TESTELETS Russian State University for the Humanities; Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
Maria D. VOEIKOVA Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
Anatoly F. ZHURAVLEV Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor: Natalia V. GANNUS

Editorial staff: Lev S. KOZLOV, Anna S. KULEVA

Articles are selected by the editorial board on the basis of anonymous double-blind independent peer review process.

Abstracting/Indexing: Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; EBSCOhost MLA International Bibliography (Modern Language Association); Elsevier BV Scopus; European Reference Index for the Humanities and Social Sciences (ERIH PLUS); Gale MLA International Bibliography (Modern Language Association); ProQuest Linguistics and Language Behavior Abstracts (Online), Core; ProQuest MLA International Bibliography (Modern Language Association); Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs); Russian Science Citation Index (RSCI); Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (ESCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Address: "Voprosy Jazykoznanija", editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Website: <https://vja.ruslang.ru>

ISSN 0373-658X

Содержание

А. А. Гипшиус. Берестяные грамоты из раскопок 2021 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе	7
Е. Л. Березович, И. И. Муллонен. К семантико-этимологической реконструкции заимствованных «культурных слов»: поморское <i>гурий</i> ‘знак-ориентир из камня’	21
А. Ф. Журавлёв. Непродуктивные префиксы в восточнославянских диалектах (этимологическая эвристика; трудности идентификации)	44
И. С. Бурукина, И. П. Бурукина. Вопросы отглагольной номинализации в языке какчикель	62
Н. В. Сердобольская, А. Д. Егорова. Фактивность как триггер согласования с сен-тенциальным актантом в мокшанском языке	81

Обзоры

Д. П. Попова. Место импозиции в типологии значений	111
--	-----

Рецензии

Р. В. Сычев. [Рец. на:] N. Hober. <i>Grammaticalization and variation: The case of Mayan motion verbs</i> . Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2021	123
Д. С. Николаев. [Рец. на:] T. Stolz, N. Levkovich (in cooperation with B. Seefried). <i>Areal linguistics within the Phonological Atlas of Europe. Loan phonemes and their distribution</i> . Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2021	131
В. А. Белов. [Рец. на:] Н. Bromhead, Zh. Ye (eds.). <i>Meaning, life and culture: In conversation with Anna Wierzbicka</i> . Canberra: Australian National University, 2020	139
Е. А. Лютикова. [Рец. на:] А. Alexiadou, Н. Borer (eds.). <i>Nominalization: 50 years on from Chomsky's Remarks</i> . Oxford: Oxford University Press, 2020	152

Contents

Alexey A. GIPPIUS. Birchbark letters from Veliky Novgorod and Staraya Russa excavations of 2021	7
Elena L. BEREZOVICH, Irma I. MULLONEN. On semantic and etymological reconstruction of borrowed “cultural words”: Pomor Russian noun <i>guriĭ</i> ‘landmark sign made of stone’	21
Anatoly F. ZHURAVLEV. Unproductive prefixes in East Slavic dialects (etymological heuristics; identification difficulties)	44
Irina S. BURUKINA, Irina P. BURUKINA. Patterns of deverbal nominalization in Kaqchikel ...	62
Natalia V. SERDOBOLSKAYA, Anastasia D. EGOVA. Factivity as a trigger of agreement with complement clauses in Moksha Mordvin	81

Surveys

Daria P. POPOVA. The place of impositions in the meaning typology	111
---	-----

Reviews

Roman V. SYCHEV. [Review of:] N. Hober. <i>Grammaticalization and variation: The case of Mayan motion verbs</i> . Berlin; Boston: Mouton de Gruyter, 2021	123
Dmitry S. NIKOLAEV [Review of:] T. Stolz, N. Levkovych (in cooperation with B. Seefried). <i>Areal linguistics within the Phonological Atlas of Europe. Loan phonemes and their distribution</i> . Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2021	131
Vadim A. BELOV. [Review of:] H. Bromhead, Zh. Ye (eds.). <i>Meaning, life and culture: In conversation with Anna Wierzbicka</i> . Canberra: Australian National University, 2020	139
Ekaterina A. LYUTIKOVA. [Review of:] A. Alexiadou, H. Borer (eds.). <i>Nominalization: 50 years on from Chomsky’s Remarks</i> . Oxford: Oxford University Press, 2020	152

Берестяные грамоты из раскопок 2021 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе

© 2022

Алексей Алексеевич Гиппиус

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия;
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия; agippius@mail.ru

Аннотация: Статья содержит предварительную публикацию семи берестяных грамот XII — первой половины XV в., найденных в археологическом сезоне 2021 г. в Великом Новгороде (№ 1136–1141, 1144), и грамоты № 52 из Старой Руссы. По содержанию особенно интересны грамоты № 1137 (нач. XV в.) — фрагмент большого письма с изложением обстоятельств поимки вора и выдачи его на поруки, № 1139 (начало XII в.) — яркий пример «протодокумента», оформленного в виде письма, № 1141 — фрагмент написанной в голодный год коллективной петиции. С фонетической точки зрения примечательны написания *робьжь* <рубжь> и *ети* <яти> (№ 1137). Из лексикологии значимы первые фиксации сельскохозяйственного термина *перелогъ* (№ 1136), глагола *перемчати* (№ 1137), употребление глагола *заповѣдати* в известном только из Русской Правды значении ‘публично объявить о чем-л.’, личное имя *Пька*, по происхождению — презентное причастие от *печи* (№ 1139), имя *Шелва* (Ст. Р. 52), находящее параллели в Ипатьевской летописи и, по-видимому, имеющее тюркское происхождение. Для исторического синтаксиса ценны: первая в не книжной письменности фиксация предикатива *нѣ* в сочетании с инфинитивом в значении невозможности; использование частицы *ни* в значении ‘и нет’, находящее параллель в древнеболгарском глаголическом амулете X в.; редкий пример использования номинатива при императиве: *въспиши ми грамота* (№ 1144).

Ключевые слова: берестяные грамоты, древнерусский язык, Новгород, Старая Русса

Благодарности: Исследование выполнено в НИУ ВШЭ за счет гранта Российского научного фонда № 19-18-00352, <https://rscf.ru/project/19-18-00352/>. Использованы также результаты проекта «Семиотика книжного и не книжного текста — славянский мир между Западом и Востоком», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ 2022 г. Автор благодарит руководителей раскопок за предоставление материала для публикации и стратиграфических данных. Автор признателен Д. В. Сичинаве и М. Н. Толстой за ценные замечания и сотрудничество.

Для цитирования: Гиппиус А. А. Берестяные грамоты из раскопок 2021 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе. *Вопросы языкознания*, 2022, 6: 7–20.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.6.7-20

Birchbark letters from Veliky Novgorod and Staraya Russa excavations of 2021

Alexey A. Gippius

HSE University, Moscow, Russia; Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia; agippius@mail.ru

Abstract: The article contains a preliminary publication of seven birchbark letters of the 12th — first half of the 15th centuries found during the archaeological season of 2021 in Veliky Novgorod (Nos. 1136–1141, 1144) and the letter No. 52 from Staraya Russa. Especially interesting in their contents are No. 1137 (early 15th century) — a fragment of a large letter telling the story of a captured thief and

his bail, No. 1139 (early 12th century) — a vivid example of a “proto-document” drawn up as a letter; No. 1141 — a fragment of a collective petition written in a famine year. From the phonetic point of view, the spellings *робъжь* <рубежь> and *ети* <яти> (No. 1137) are remarkable. Lexically significant are the earliest attestations of the agricultural term *перелогъ* (No. 1136), the verb *перемчати* (No. 1137), the use of the verb *заповѣдати* in the meaning ‘to announce publicly about sth’ previously known only from the *Russkaya Pravda*, the personal name *Лька*, which is etymologically a present participle of *печи* (No. 1139), the name *Шелва* (Staraya Russa, No. 52) that finds parallels in the Hypatian Chronicle and is apparently of Turkic origin. Of high value for historical syntax are: the first vernacular record of the predicative *нѣ* in combination with the infinitive with the meaning of impossibility; the use of the particle *ни* with the meaning ‘and there is not’, which finds a parallel in the 10th-century Old Bulgarian Glagolitic amulet; a rare example of the nominative with the imperative: *въспниши ми грамота* (No. 1144).

Keywords: birchbark letters, Novgorod, Old Russian, Staraya Russa

Acknowledgements: The research was carried out at the Higher School of Economics at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 19-18-00352, <https://rscf.ru/project/19-18-00352/>. It also uses the results of the project “Semiotics of literary and vernacular texts — Slavic World between West and East”, executed within the framework of the HSE Program of Basic Research in 2022. The author thanks the heads of the excavations for providing material for publication and stratigraphic data. The author is grateful to D. V. Sitchinava and M. N. Tolstaya for their valuable comments and cooperation.

For citation: Gippius A. A. Birchbark letters from Veliky Novgorod and Staraya Russa excavations of 2021. *Voprosy Jazykoznanija*, 2022, 6: 7–20.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.6.7-20

Великий Новгород

В ходе раскопок 2021 г. в Великом Новгороде были обнаружены девять берестяных документов. На Троицком раскопе (руководитель работ — В. К. Сингх) исследовались напластования первой половины XIII в. и была найдена грамота № 1140. Остальные грамоты были найдены при раскопках, производившихся экспедицией Института археологии РАН под руководством П. Г. Гайдукова. Пять грамот были обнаружены при охранных работах, связанных с реконструкцией Ильиной улицы (руководители работ О. М. Олейников, П. М. Усольцев, О. Л. Чайковский): грамоты № 1136 и 1137 — на настилах мостовой, датированных концом XIV — первой половиной XV в., грамоты № 1138 и 1141 — в шурфе, в котором были вскрыты более древние уличные настилы XI–XIV вв., грамота № 1039 — в раскопе у церкви Спаса Преображения в напластованиях начала XII в. В 2021 г. были также начаты работы на Иоанновском раскопе в 38-м квартале, к северу от Большой Пробойной улицы Славенского конца, близ вскрытых раскопками Вл. В. Седова 2020–2021 гг. оснований церкви св. Иоанна Предтечи. В древности эта территория входила в состав Немецкого двора св. Петра. Здесь в слоях конца XIV — начала XV в. были найдены грамоты № 1142 и 1143. Наконец, в декабре 2021 г. в ходе охранных раскопок у дома № 8 по ул. Великая на территории древнего Неревского конца (руководитель работ А. А. Исаев) в напластованиях второй половины XII в. была найдена берестяная грамота № 1144.

В настоящую публикацию входят грамоты № 1136–1141 и 1144. Грамоты № 1142 и 1143, найденные на Иоанновском раскопе, будут опубликованы отдельно.

Принципы записи и комментирования текста такие же, как в предшествующих публикациях данной серии [ДНД: 232–234]. Указанные при грамотах стратиграфические датировки носят предварительный характер.

№ 1136. Раскоп на Ильиной улице. Левая часть нижней строки документа.

...|маеть ѿ мы г[^н](ѣ) перелогъ ...

После ѣ видны два вертикальных штриха, подходящие для *и*, *н*, *п*.

Стратиграфическая дата: начало XV в.

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1340-х гг.

Грамота содержит самую раннюю фиксацию земледельческого термина *перелогъ*, обозначающего залежь, временно не обрабатываемую землю, или, в системе трехполья, поле, находящееся под паром. До сих пор из источников XV в. термин был известен по двум двинским грамотам, датируемым второй половиной этого столетия [ГВНП, № 225] и 1497 г. [Сибирцев, Шахматов, № 135, 19–20]. На *-масть* могла заканчиваться словоформа (*оти*)*масть*; ср. в № 477: *что ѳеси дала пожню в Быкоцинь, то Шююга ѳимають* {...} *землици мало, а пожни ѳимають*. Авторы челобитной могли сообщать, что у них отнимают пашню, а пахать перелог они не смеют без разрешения господина, ср. в № 17 (10-е — нач. 20-х гг. XV в.): *а мы не смием ни имать ржи безъ твоего слова*.

№ 1137. Раскоп на Ильиной улице. Средняя часть письма с сохранившимися левым и правым краями.

...|ли гнѣ · тата · над · ари[овъ]...
 скомъ · і прьмчали гнѣ за робъжъ до хоту[на і н]ъ
 ѣ гнѣ · ети ихъ да тата оу [н]и вынали ркъш на порукъ
 ано силою да [с]рокъ оучинили в субботу (с)тати имо
 і нѣ гнѣ · прискочи ко мнѣ [і] ...
 ю крьсть[ци](ую) ...

Буква после *д* в 1-й строке может быть *б* или *в*. В 3-й строке после *ни*, вероятно, пропущено *хъ* (*оу нихъ*). Перед *і* в начале 5-й строки зачеркнуто *а*; возможно, автор начал писать *і мо|а*, но передумал, зачеркнул *а*, а буквы в конце 4-й строки зачеркнуть забыл. Следующее *і нѣ* — скорее всего вместо *і нынѣ*, с пропуском слога, под влиянием такого же *і нѣ гнѣ* двумя строками выше.

Стратиграфическая дата: начало XV в.

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1380-х гг. — предпочтительно не позднее 1400-х гг.

Перевод: ‘...Задержали (?), господин, вора над ..., и перевезли, господин, за границу до Хотуня, и нельзя, господин, их достать. А вора у них отобрали — как бы [взяли] на поруки, но силой. И срок назначили им явиться на суд в субботу. Так что, господин, прискачи ко мне...’

В письме излагались события, последовавшие за поимкой вора, видимо, задержанного в момент кражи (на *-ли* заканчивалось скорее всего слово *али*). Арестовавшие вора лица — судебные приставы — быстро вывезли его «за рубеж», то есть за границу Новгородской земли. После этого какие-то другие неназванные лица, в которых можно видеть родичей вора, применив силу, заставили приставов выдать его на поруки. Приставы при этом назначили срок, в который отпущенный ответчик должен предстать перед судом. На суд, вероятно, должен явиться и адресат как главный потерпевший, в связи с чем автор предлагает ему как можно скорее прибыть в место, где он находится.

Отдельные элементы ситуации и сами формулировки находят параллели в актовых источниках. Это в первую очередь две смежные статьи договоров Новгорода с князьями: *А старостѣ, ни холопа, ни роботы безъ господаря твоимъ соудиямъ не соудити. А за роубежъ из Новгородьскои волости твоимъ дворяномъ соуда не водити* [ГВНП, 16, № 6 (1304–1305); 20, № 9 (1307–1308); 30, № 15 (1371)]. Первая статья требует, чтобы суд совершался в присутствии хозяина подсудимого, — по этой причине автор грамоты просит господина срочно прибыть к нему. Вторая статья запрещает «водить суд» за пределы Новгородской земли, то есть именно то, что сделали приставы, вывезя арестованного вора «за рубеж». Пример того, как перемещенный «за рубеж» субъект оказывается недосягаем для преследования, содержит рязанская правая грамота конца XV в., в которой истец, хозяин сбежавших холопов, заявляет: *Тот, господине, Сергеец Василов сын подбаел*

моих холопов обелных трех — Казака да Еремейцу да Сенку — и увел их, господине, за рубеж. И я, господине, за рубеж ездил за своими холопи, а достати их, господине, не могл, и следу их не допытался есмь [АСВР, 3: 380, № 357]. Неоднократно упоминается в актовых источниках и выдача на поруки пойманного правонарушителя с назначением срока судебного разбирательства. См., например, в жалованной грамоте кн. Юрия Ивановича митрополиту Даниилу 1524 г.: *И кого в том лесе поймают, пристав мой дает их на поруку да срок им чинит в Звенигороде перед моим наместником или перед тиуном* [АФЗХ, 1: 104, № 111]; ср. в правой грамоте 1521 г.: *И недельцик Гаврилко тако рек: Якуша есми, господине, на поруку давал и срок ему в тех делех в обоих чинил стати у поля в Петрово говение на другой неделе в пятницу* [Там же: 15–16, № 1а]. Ввиду этих параллелей *мо* на конце 4-й строки можно трактовать как местоимение <имь>, относящееся к стороне ответчика; в этом случае, правда, приходится допускать единственную замену *ь* на *о* на фоне в остальном стандартного употребления этих графем.

Указание места или обстоятельств поимки вора надежно восстановить не удается. Прочтение спорной буквы как *в* дает *над [В]аринов[ы](мь)*, с притяжательным *Вариновъ*, параллель к которому отыскивается только в виде соответствующей современной фамилии, происходящей от прозвища *Вара* или *Варя*, с двойным патронимическим суффиксом [Унбегаун 1989: 85–86]. Но притяжательные с таким удвоением в древне- и старорусских источниках нам неизвестны. Более вероятной представляется поэтому реконструкция *над [б]аринов[ы](мь)*; например: *над [б]аринов[ы](мь подклѣтомъ с во)скомъ*. В этом случае притяжательное прилагательное следует понимать как относящееся к адресату грамоты, который стоит и за обращением *господине*. Хотя слово *баринь* — результат фонетического упрощения *бояринь* — фиксируется словарями лишь со второй половины XVIII в. [Сл. XVIII, 1: 142; Черных: 74], оно и его производные несомненно возникли в разговорной речи много ранее этого времени. Поиск в [НКРЯ] обнаруживает слова *баринь* и *барский* в документах из архива стольника А. И. Безобразова начала 1680-х гг., а название пустоши *Барынино* (явно от *барыня* < *боярыня*) — в документе 1577–1588 гг. При этом в челобитных Безобразову прилагательные *барский* и *боярский* относятся к адресату, называемому в обращениях «государем»: *послан, з(о)с(у)д(а)рь, с твоим барским хлѣбом целовал(ь)ник Стен(ь)ко Иванов* [АБ: 228, № 275]; таким образом, *государь* и *бояринь* / *баринь* выступают как вариантные обозначения адресата. В нашем случае притяжательное *бариновъ*, употребленное без местоимения *твои*, служит, по существу, заменой этого местоимения в вежливом обращении; ср. эволюцию значений слов *pan* и *pański* в польском.

Неясно и то, куда был доставлен арестованный тать. Идентифицировать *Хотунь* с одноименным городом в Подмосковье, упоминаемым с XIV в. в грамотах московских князей (совр. село Хатунь Ступинского р-на), невозможно из-за слишком большой удаленности его от границ Новгородской земли. Поскольку топонимия с начальным *Хот-* в разном суффиксальном оформлении (*Хотун-*, *Хотын-*, *Хотин-*) широко представлена на восточнославянской территории [Васильев 2012: 136–139], надо полагать, что в грамоте имеется в виду какой-то из соответствующих пунктов, находившихся ближе к Новгороду. Это мог быть, например, городок *Хотшин*, упоминаемый уже в середине XII в. в Уставной грамоте князя Ростислава Мстиславича Смоленской епископии [ДКУ: 141] и отождествляемый с современной дер. Хотошино в Селижаровском р-не Тверской области.

Глагол *перемчати* был до сих пор известен по письменным памятникам только из Жития протопопа Аввакума: *Опять к Москвѣ свезли томнова ч[е]л[о]вѣка, посадя на старую лошед[ь]. Приставъ созади — побивай да побивай, (...) и днем одним перемчали девяносто версть* [Аввакум: 171]. Характерно, что и здесь действие осуществляют судебные приставы. У Даля значение глагола определено как ‘перенести лѣтом, скоком, быстро’ [Даль, 3: 69].

Фонетически интересны написания *за робѣжь* и *ети*. Первое можно было бы истолковать как отражающее понижение подъема [у] в предударном слоге, связав с *гозу* в № 330 (согласно А. А. Зализняку [НГБ X: 99], это В. ед. от *гузѣ*). Однако севернорусским говорам

этот эффект не свойствен, в отличие от обратного явления — закрытого произношения предударного [о] как звука, близкого [у], отражение чего в последнее время выявлено в нескольких берестяных документах (*лоуни* в № 88, исправленное на *лони*; *умули* в № 395 вместо *умоли*, *жалуби* в № 301 вместо *жалоби* [НГБ XII: 205, 236]; см. также [Сичинава 2020: 307], где аналогичным образом трактовано *акѣ* в № 376). Замена *у* на *о* в *робежь* может быть гиперкорректной реакцией на это явление. В *ети* (вместо *ати*, с ударением на конечном гласном) отразился хорошо засвидетельствованный в грамотах с XII в. переход [а] в [е] между мягкими согласными [ДНД: 74].

Конструкция с безличным отрицанием *нѣ* (= *нѣсть*, с нулевым окончанием) и инфинитивом в значении невозможности хорошо засвидетельствована в древнерусской книжной письменности [СДРЯ, 5: 458]; ср., например: *никакоже нынѣ изглати нѣ ми* [ГА XIII–XIV: л. 86в]; в берестяных грамотах она встретила впервые.

Для *вынали ... на поруку* ср. параллель в западнорусском акте 1392 г.: *поручили(с) кня(з) велико(м) Скирьягалу за Гридка за Костантинови(ч) ... вынали его на свои ру(к)* [СДРЯ, 2: 247]. Разрывающее это сочетание застывшее причастие *ръкъшъ* <*рекше*> следует, видимо, трактовать как вводное слово, означающее ‘так сказать, если так можно выразиться’ и соотношенное с союзом *ано* ‘но, однако’. Характерно, что справа от *р* проведен лишний вертикальный штрих: возможно, автор начал *н*, имея в виду написать *на поруку*, но решил отметить вынужденный характер действий судебных приставов.

Необычный в обращении к господину императив *прискочи* корреспондирует с также подчеркивающим быстроту перемещения *пърьмчали*: все действия в грамоте, включая взятие на поруку, осуществляются форсированно.

В пятой строке надежно вычленяется прилагательное *крестечный* (от диминутива *крестецъ*), скорее всего форме в форме В. ед. жен.. Письменные источники знают его в сочетаниях *мастеръ крестечный* и *риза крестечная*, что мало подходит к контексту грамоты; возможно, последняя фраза содержала какое-то указание, не связанное с основной темой письма.

№ 1138. Шурф в раскопе на Ильиной улице. Полностью сохранившееся письмо из четырех строк.

Ѡ селефонта · къ · спирку
 что · еси · заповѣдалъ · с по лу ру
 бла чему · еси не
 прислалъ

В начале третьей строки аккуратно отрезан фрагмент, на котором, судя по оставшимся верхушкам букв, читалось [бл](а) [на]. По-видимому, уже написанное *на* писавший счел лишним, но не стал зачеркивать, а вырезал начало строки и начал ее заново.

Стратиграфическая дата: начало XIV в.

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1320-х гг. — предпочтительно не позднее 1370-х гг.

Перевод: ‘От Селефонта к Спирку. [Те деньги] с половины рубля, о которых ты объявил, почему до сих пор не прислал [их]?’

Автор письма упрекает адресата в том, что тот, взяв у него в долг половину рубля (полтину) и обязавшись выплачивать с нее процент, не выполняет этого обещания, не присылая денег. Наибольший интерес представляет глагол *заповѣдати*, выступающий здесь не в обычном для него в книжных текстах значении ‘предписать, повелеть’, а в значении ‘публично объявить’, которое до сих пор было известно только из Русской Правды: *Аче кто конь погоубить или оружие, или портъ, а заповѣсть на тѣргоу...; Аже холопъ бѣжитъ, а заповѣсть г(с)нѣ...* [СДРЯ, 3: 337 (РПр сп. 1280)]. Грамота показывает, что эти значения соотносились на Руси как книжное и некнижное. Подобным образом распределены, например, два значения слова *истина*: книжное ‘veritas’ и некнижное ‘основная

сумма долга' (см. также [Успенский 2002: 262] о других лексико-семантических различиях между древнерусским и церковнославянским). Ту же семантическую двойственность демонстрирует слово *извѣтъ*, также означающее в берестяных грамотах 'публичное объявление' (№ 531 [Зализняк 1986: 177]), а в книжных памятниках встречающееся чаще всего в значении 'завет, заповедь, предписание' ([СДРЯ, 3: 487]; отметим, что первое значение здесь не отражено). С исторической точки зрения важно свидетельство того, что гарантией договора займа выступало устное публичное объявление о нем. В связи с этим представляют интерес буквы *на*, читавшиеся на отрезанном фрагменте после *руб[ла]*. С учетом параллели в Русской Правде можно предположить, что автор грамоты хотел написать *что юси заповѣдалъ с полу рубля на торгу*, но, сочтя это указанием лишним, сократил фразу.

Неслучайным представляется размер займа — полтина. В источниках XIV–XV вв. в полтину нередко определяется размер ссуды, которую городские и сельские жители брали на разного рода хозяйственные нужды, обязуясь выплачивать с нее проценты. Примеры такого рода В. А. Кучкин [2008: 272] приводит из документов, найденных в медном кувшине, обнаруженном в 1843 г. в Московском Кремле (в частности: *Олекса с Ыльбю своего десятка полтиною завелса*). Ср. также перечень находящихся «в деле», то есть розданных для осуществления хозяйственной деятельности, сумм в московской берестяной грамоте № 3 (кон. XIV — нач. XV в.): *А в дѣль на люде^x серебра: оу Григорыѣца поⁿтиⁿ, оу Остафыѣца поⁿтиⁿ, оу Бѣлка поⁿтиⁿ, оу Семенца поⁿтиⁿ, оу Сидора поⁿтиⁿ, оу Мостица поⁿтиⁿ, оу Осѣица поⁿтиⁿ, оу Курьяна поⁿтиⁿ, а всего серебра на людехъ Турабыѣва в дѣль 4 ру⁶* [Гиппиус и др. 2011: 454]. Ту же практику отражает, вероятно, упоминание «полтинных денег» в берестяной грамоте № 13 (сер. XV в., впервые прочитана в 2021 г. и пока не опубликована)¹.

Имя автора *Селефонтъ* — адаптированное на русской почве *Ксѣнофонтъ* (ср. максимально близкое к источнику *Ксинофонте* в Пск. 3 (2 пол. XIII в.), а также *Синофонт* в № 261/262/263/264, 368, 178, 2 пол. XIV в.). В пользу такого определения канонической формы имени говорят следующие факты. Основанный св. Ксенофонтом Робеицким монастырь упоминается в источниках (Новгородской Карамзинской летописи (вторая подборка, под 1417 г.) и Новгородской 4-й летописи) как «Селифонтова пустынь» [Бобров 2001: 119]. Боярин *Селифонтъ Твердиславль* упоминается в данной Палеостровскому монастырю 1415–1421 гг. [ГВНП, № 90]. Он же фигурирует в двух двинских купчих грамотах [ГВНП, № 288 и № 289], в первой (список XVI в.) — как *Селифонтеи* (переосмысление диалектного номинатива на *-e*), во второй — как *Синофонте*.

Спирко — гипокористика от *Спиридонъ*.

№ 1139. Ильина улица, раскоп у ц. Спаса Преображения. Целое письмо из трех строк.

отъ ^{къ}снатиѣ къ пѣкѣ : се вѣдале еси гюратѣ ꙗко: сорочкѣ
 а гюрата оу мене вѣдале ꙗко: сорочкѣ : а вѣзьми та
 мо оу гюратѣ ты а азъ хоцю оу тебе вѣзати

Стратиграфическая дата: начало XII в.

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1100-х гг. — не позднее 1170-х гг. (предпочтительно не позднее 1110-х гг.).

Перевод: 'От Коснятина к Пёке. Ты дал Гюряте 5 сорочков, а у меня Гюрята взял 5 сорочков. А возьми там ты [всю сумму] у Гюряты, а я возьму у тебя'.

Почерк грамоты выдает писца-профессионала, начертания букв устойчивы и изящны, с некоторой даже индивидуальной манерностью (особенно характерны формы *ч* и *м*, а также горизонталы *з*, *т*, *ь*, далеко выступающие за границы, обозначенные засечками).

¹ Заметим, что «полтинные деньги», упоминаемые в источниках второй половины XVII в. [Сл. XI–XVII, 16: 257], не связаны с этой практикой, представляя собой экстренный военный налог, введенный в 1679 г. [Новосельский, Новохатко 2012: 697].

Замечательно сочетание этого эстетизма с чистым древненовгородским диалектом, на котором написана грамота.

Автор и адресат — Коснятин и Пёка — выдали Гюряте по пять сорочков. Коснятин предлагает Пёке, находящемуся там же, где в настоящий момент пребывает Гюрята, взять с Гюряты причитающуюся ему сумму, которую затем Пёка должен передать Коснятину. Грамота обладает документальной прагматикой: перед нами, по сути, официальный документ, передающий право взыскания долга третьему лицу. В наследующей римскому праву западноевропейской юридической традиции этот вид правового взаимодействия обозначается понятием *cessio*, и соответствующие акты занимают видное место в продукции средневековых нотариусов (см. их анализ на материале документов конца XIII в. из Дубровника [Held 2021]). В раннедревнерусском обществе, еще не знавшем развитой бюрократии, правовые отношения в частно-экономической сфере могли регулироваться при помощи «прото-делопроизводственных» (по определению Т. В. Гимона [2014: 10–11]) документов на бересте. Комментируемая грамота — яркий образец такой «протодокументации»².

Обращает на себя внимание риторическая выстроенность текста. При том что первые две фразы основного сообщения фиксируют однородные пропозиции, они оформлены не единообразно, а с помощью конверсивов *дати* и *взяти*, что позволяет избежать синтаксической монотонности: имя Гюрята оказывается в результате употреблено последовательно в трех падежах: родительном, именительном и дательном.

В имени автора писавший сначала пропустил первый слог и вставил его над строкой. Этот пропуск неслучаен: форму *Снятин* имя *Къснятинъ* (адаптированное на восточнославянской почве *Константинъ*) приобрело после упрощения группы согласных, вызванного утратой слабого *ъ*; ср. современное название *Снітин* древнего поселения в Переяславской земле (левобережье Днепра), упоминаемого в летописях как *Кснятинъ* (начиная с «Поучения» Владимира Мономаха; об этом топониме и его позднейших трансформациях см. [Стрижак: 76–77]). Таким образом, слово было первоначально записано в инновационной форме — при том что в остальных пяти случаях слабые редуцированные сохранены. Подтверждается подмеченная ранее [Гиппиус 2020: 25] закономерность, состоящая в том, что в ряде берестяных текстов, в целом отражающих раннедревнерусское состояние еров, отступления от него приходится на словоформы, в которых утрата редуцированного повлекла за собой следствия в виде ассимиляции и упрощения консонантных групп. Это явление мы связали с различием между медленным темпом произношения, в котором слабые редуцированные сохранялись дольше, и быстрым, в котором они могли утрачиваться задолго до того, как их утрата стала систематически отражаться на письме. Маскируя утрату редуцированного, преобразования групп согласных нарушали автоматизм «пересчета» от *allegro*- к *lento*-вариантам, производившегося при письме, в целом ориентированном на медленный стиль произношения.

Имя или, скорее, прозвище *Пька* может быть сопоставлено с фамилией *Пека* (преимущественно восточноукраинской)³ и трактовано как исходно представлявшее собой форму Им. ед. муж. действительного причастия настоящего времени от глагола *печи*, с основой **пк-*, выступающей в императиве (*пци*). Отсутствие других примеров причастий от данного глагола с корневым *ь* может объясняться недостаточностью материала: у представляющего тот же словоизменительный класс *речи* основа **рк-* выступает как в императиве, так и, в вариации с **рек-*, в причастиях. Восхождение к причастиям слов *a*-склонения типа *рѣва, пройда, разия* предполагал А. И. Соболевский [2006: 427]; к этой категории может относиться и *Пька*. В пользу этого косвенно свидетельствует существование в источниках,

² Официальный или полуофициальный статус ряда берестяных писем предполагает и Р. Факкани, рассматривая, в частности, грамоту № 690 (сер. XIV в.) как «упрощенный, зачаточный, если угодно, вариант переводного векселя, тратты, т. е. денежного документа, обязывающего три юридические личности» [Факкани 2003: 231].

³ По данным портала podvignaroda.ru.

Значительный интерес представляет употребление частицы *ни* в значении ‘и нет’. В берестяных грамотах ближайший к рассматриваемому пример находим в № 222 (кон. XII — 1 четв. XIII в.): *оу тобъ жрѣбье, скоть по людѣмо, ни тоу тобъ тощины вѣкши одоное* ‘В твоих руках распределение долей, деньги по людям — нет тут тебе убытка ни единой векши’. А. А. Зализняк трактует *ни* в этом контексте двояко, отмечая, что оно «может быть интерпретировано как <ни> (частица) или как <нѣ> ‘нет, не имеется’; смысл фразы от этого почти не меняется (синтаксическая структура проще в случае <нѣ>). Для интерпретации с <ни> ср., например: *брате, видишь мою немощь, ѡже не могу, а ни оу мене дѣтши...* (Ипат. [1287], л. 297 об.)» [ДНД: 442]. Вторая интерпретация наталкивается, однако, на то препятствие, что в остальных случаях *ѣ* в грамоте № 222 не заменяется на *и*; это делает графически предпочтительной первую возможность. Комментируемый документ, в котором *ѣ* также не смешивается с *и*, окончательно подтверждает верность такой трактовки. Заметим, что для № 222 перевод *ни* как ‘и нет’ подходит не меньше, чем предложенный А. А. Зализняком. Параллель из Киевской летописи представляется, однако, не вполне точной — как из-за наличия перед *ни* союза *а*, так и ввиду присутствия в предыдущей клаузе отрицания. Можно сказать, правда, что и в нашем случае отрицание имплицитно упоминается голодом как отсутствия продовольствия, однако к № 222 это отнести нельзя. За пределами древнерусского языка такое же употребление *ни* демонстрирует замечательный памятник древнеболгарской эпиграфики — глаголическая молитва на свинцовом амулете из музея г. Варна [Попконстантинов, Миклас 2008]. Текст на лицевой стороне амулета читается следующим образом: *крѣсть сѧ | потъче крѣ | сѧ распатъ | ѡлвѣкъ сѧ | прости ѡсоум(ъ) [кр]ъ | ѡсѣ одолѣ | ни емоу сѧ|поустата* ‘Крест был водружен, Христос был распят, человек был прощен Иисусом Христом. Иисус победил — и нет ему противника’⁵. Как можно видеть, и здесь *ни* означает ‘и нет’.

№ 1141. Шурф в раскопе на Ильиной улице. Дошедшая полностью хозяйственная запись из двух слов:

Г: вѣкошь

Стратиграфическая дата: начало XII в.

Перевод: ‘3 векши’.

Вѣкша — одно из названий белки — здесь, как и во всех фиксациях этого слова в источниках, выступает как название денежной единицы, одного из номиналов «кунной системы», материальным выражением единиц которой служили вытертые беличи шкурки («драницы», как они названы в киевском граффито о покупке Бояновой земли). Запись могла представлять собой своего рода ценник, ср. близкую запись *А сь по 2 коунѣ* <а се по 2 коунѣ> (№ 1042, 2 пол. XII в., из блока Якима).

№ 1144. Раскоп у дома № 8 по ул. Великой. Целое письмо из трех строк.

отъ борицк грамота къ добро
ши на коликѣ хоцещи вѣдати отрокъ
а вѣспиши ми грамота

В первой строке после *к* пропуск буквы (*а* или *ѣ*).

⁵ Это чтение существенно отличается от предложенного издателями, читающими после *прости* неприемлемое графически (отсутствие конечного ѡ) и неясное по смыслу *(и)сѣ м(...ъ)ї | сѣ одолѣнїем ѣ сѧ|поустата*. У. Федер [Veder 2016: 551], транскрипции которого наша запись следует в ряде моментов, отличающих ее от чтения К. Попконстантинова и Х. Микласа, в проблемном месте читает столь же малоосмысленное: *и с оум--ъ и сѣ одолѣнїем оу сѧпоустата*.

Стратиграфическая дата: вторая половина XII в.

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1120-х гг. (предпочтительно не ранее 1140-х гг.) — не позднее 1170-х гг.

Перевод: ‘От Боричка (или Борички) грамота к Доброше. Напиши мне грамоту, за сколько дашь отрока’.

Речь в грамоте идет не о продаже отрока-раба, а о предоставлении услуг отрока как судебного исполнителя. Это следует как из того, что отроки упоминаются в берестяных грамотах почти исключительно в этом качестве, так и из того, что глагол *въдати* никогда не обозначает в них акт продажи. Адресат, очевидно, — административное лицо, в распоряжении которого находятся отроки, осуществляющие сбор податей и взыскание долгов. Об оплате услуг отрока говорится и в грамоте № 1059 (сер. XII в., уточненное прочтение по [Гиппиус, Сичинава 2021: 232]): *СѢ Перьнѣга къ Гълочану. Възѣми почестѣе, акъ тѣ еси мѣловилъ съ мноѣж. Въсади же и Семѣлика. Кълико възѣмоу, въдамъ азъ* ‘От Перенег к Голчану. Возьми почестье, как ты условился со мной. Подряди и Семолика. Сколько возьмут [за его услуги], дам я’.

Имя автора, *Боричько* или *Боричька*, — производное от *Бориславъ* или *Борисъ* с комбинацией гипокористических морфов *-ч-* и *-ьк-*, ср. имена на *-чько* и *-чька* типа *Жирочько* № 954, 1000 и *Жирочька* № 851. Не осложненная дополнительным суффиксом форма *Боричь* лежит в основе киевского топонима *Увозъ Боричевъ*, а также выступает в имени одного из послов Игоря в договоре 944 г. по Лаврентьевскому списку — *Синько Боричь* ([Лавр.: 47]; в др. списках: *биричь*).

Чрезвычайно интересна конструкция с именительным падежом при императиве: *въспниши ми грамота*. До сих пор в берестяных грамотах был зафиксирован только один аналогичный пример: *Цо прилбица ѿ тебе Одрѣва, прилбица даи Одрѣю* № 383 (2 пол. XIV в.). Его исключительность побудила П. В. Петрухина иначе интерпретировать синтаксис грамоты: *Цо прилбица ѿ тебе — Одрѣва прилбица, даи Одрѣю* ‘Подшлемник, который находится у тебя, — Одреев подшлемник. Отдай [его] Одрю’ [Петрухин 2020: 218]. Комментируемый документ позволяет остаться при прежней трактовке. Обнаружение столь раннего примера придает особую остроту старому вопросу: имеем ли мы дело с расширением сферы употребления объектного номинатива, идущим от инфинитивных конструкций (что предполагал А. И. Соболевский [1907: 198] и многие после него [Циммерлинг 2021: 161, с указанием литературы]), или же перед нами ареальное явление циркумбалтийских языков, сопоставимое с финским «аккузативом II», соответствующим славянскому номинативу и выступающим в конструкциях с независимым инфинитивом, императивом и пассивом [Kiparsky 1960; 1969]. Заметим, впрочем, что в обоих примерах номинативу, зависящему от императива, предшествует в предыдущей клаузе обычный номинатив того же слова: присутствие его в ближайшем контексте могло способствовать употреблению данной формы⁶.

Старая Русса

В 2021 г. в Старой Руссе были продолжены работы на Пятницком-II раскопе, расположенном в историческом центре города, археологической экспедицией Новгородского государственного университета (руководитель экспедиции Е. В. Торопова). При изучении пласта 18 в центральной части раскопа была найдена берестяная грамота № 52. Грамота

⁶ Ранний пример использования именительного падежа при императиве содержит также Синодальный список Новгородской 1-й летописи под 1230 г.: *а даи бѣ мѣтва яго стаа всѣмъ кр(с)тяномъ и мнѣ грѣшномъ Тимофѣю понаманарю* (л. 113). Здесь, однако, можно подозревать эллипсис инфинитива *прियाти*, ср. [Timberlake 1974: 38–39].

обнаружена на территории усадьбы Б в напластованиях, предварительно датированных второй третью XIII в. Она представляет собой полностью сохранившуюся деловую запись:

у бориса полутора бѣрковка : у тѣ
 вьрдаѣтъ полутора : у цюдина б{о}ѣ
 ѣ : у павѣ поло бѣ : у игната :в
 ро [:] оу дмитра по бѣ : у жаса бѣ

В первой строке в слове *полутора* *о* исправлено из повторенного по ошибке *у*, в *бѣрковка* пропущено *с*. В конце второй — начале третьей строки имела место чрезвычайно сложная двухслойная правка. Сначала было написано: *у Цюдина по|луту*. Не дописав *полутора*, писец стал править текст. Поверх *п* он написал *б*, поверх *о* начал писать *ѣ* (проведена косая мачта), но бросил эту букву и написал ее поверх *л* в начале третьей строки. Получилось: *у Цюдина бѣѣ* (т. е. берковец). Следующее *у* писец сохранил, придав ему значение предлога. Далее поверх *т* он написал *ш*, а поверх *о* — *ѣ*. Дописав еще три буквы, он получил *у Шѣлѣѣ*. На втором этапе правки первый *ѣ* в *Шѣлѣѣ* был зачеркнут двумя тонкими чертами; поверх левой части *ш* было написано *п* с нижними засечками (как в первой строке в *полутора*), а *л* переделано в *а*. Получилось: *у Павѣѣ*. Таким образом, последовательность исправления целых слов была такова: 1) *у Цюдина по|луту* > *у Цюдина бѣѣ*, *у Шѣл(ѣѣѣ)*; 2) *у Шѣлѣѣѣ* > *у Павѣѣ*.

Стратиграфическая дата: вторая половина XIII в.

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1200-х гг. (предпочтительно не ранее 1280-х гг.) — не позднее 1380-х гг. (предпочтительно не позднее 1290-х гг.).

Перевод: ‘У Бориса полтора берковца, у Твердыты полтора [берковца], у Чудина берковец, у Павы полберковца, у Игната 2 розмеры, у Дмитра полберковца, у Жаса берковец’.

Подобно многим грамотам Старой Руссы, документ представляет собой реестр соляного сбора. Из семи упомянутых лиц первые двое — Борис и Твердыта — те же, что в Ст. Р. 50, происходящей из того же археологического контекста. Шелва, замененный на Паву, — безусловно тот же, что в Ст. Р. 41, не имеющей стратиграфической даты, но внестратиграфически датируемой также второй половиной XIII в. Не исключено, что *Пава* может быть прозвищем или гипокористической формой имени фигурирующего в той же грамоте попа Павла. Ср. название селища *Павино* в Бежецкой пятине [НПК, VI: 515, 520].

Слово *берковець*, за исключением первого упоминания, в котором пропуск *с* скорее всего случаен, выступает в необычном сокращении *бѣ*. Аналогичным образом название другой единицы веса и объема — *розмѣра* (ср. совместное упоминание берковца и розмеры в Ст. Р. 49 и Ст. Р. 51) — сокращено до *ро*. Как сокращение того же типа — путем усечения конца слова (в классической палеографии этот способ называется суспенсией, в противоположность контракции — пропуску букв в середине слова) — следует, возможно, рассматривать и *по* вместо *поль* в *по бѣѣ*, хотя здесь можно предполагать и фонетический переход *ол* > *о*, описанный в [Зализняк 2019]. В берестяных грамотах использование суспенсии, не характерной для древнерусской письменности (как и в целом древнеславянской), демонстрирует Ст. Р. 14 (1 пол. XII в.), в которой слово *гривьна* последовательно сокращается до *гри*. Любопытно, что и этот документ происходит из Старой Руссы. В новгородских грамотах подобные примеры, хотя и известны, носят окказиональный характер и могут объясняться случайным недописыванием окончания слова. Ср. *рѣ* <*рѣзань*> в № 438 (кон. XII в., на четыре полных написания), *лѣк* <*лоукъно*> в № 671 (кон. XII — нач. XIII в., наряду с другими вариантами полной и сокращенной записи слова) и др.

Про имя *Шелва* в комментарии к Ст. Р. 41 в [НГБ XII: 173] было сказано, что оно встречено впервые и, вероятно, имеет иноязычное происхождение. Между тем вариант этого имени мужского морфологического рода несколько раз встречается в Ипатьевской летописи. Имя *Шелвь* носит боярин Даниила Романовича в Галицкой летописи (1227, 1245), а в Киевской летописи под 1146 и 1161 г. упоминаются, соответственно, *Шелвовъ борокъ* и село, принадлежащее вдове Шелва (*оу Шелвовѣѣ сельца*) [Ипат., лл. 120, 183, 257, 259, 270]. Бояре Глеб, Костко и Ходко Шелвовичи фигурируют в нескольких югозападнорусских

грамматах последней четверти XIV в., см. [Полехов, Крысько 2021: 29]⁷. А. И. Соболевский [1913: 393–394; 1924: 11] допускал скифо-сарматское происхождение имени, сопоставляя его с этнонимом *шельбиры* в Слове о полку Игореве. С этим согласен М. А. Ююкин [2002: 54], объясняя варьирование *б/в* на тюркской почве как кыпчакско-огузское соответствие.

Жась — впервые фиксируемая исходная форма имени, ранее известного по гипокористике *Жасько*, встретившейся в Ст. Р. 20 (1 пол. XII в.) и надписи из Софии Киевской [Высоцкий 1976: 41, № 117]; однокоренное с *у-жась*, ср. имена, производные от *страх-*: *Страшко*, *Страхота* и др. (любопытно, что в Ст. Р. 20 *Страхота* фигурирует наряду с *Жаском*).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- АБ — *Архив стольника Андрея Ильича Безобразова*. Изд. А. А. Новосельского, С. И. Коткова; сост. Л. Ф. Кузьмина, И. С. Филиппова; комм. А. А. Новосельский, О. В. Новохатко; ред. О. В. Новохатко. Ч. II. М.: Памятники исторической мысли, 2013.
- Аввакум — Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. [М.]: Academia, 1934.
- АСВР — *Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.* Т. 1–3. М., 1952–1964.
- АФЗХ — *Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв.* Подг. Л. В. Черепнин. Ч. 1–3. М.: Изд-во АН СССР, 1951–1961.
- Высоцкий 1976 — Высоцкий С. А. *Средневековые надписи Софии Киевской (По материалам граффити XI–XVII вв.)*. Киев: Наукова думка, 1976.
- ГА XIII–XIV — Хроника Георгия Амартола, РГБ. Фонд 173. Фунд. № 100.
- ГВНП — *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*. Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.
- Даль — Даль В. *Толковый словарь живого великорусского языка*. М.: Русский язык, 1978–1980.
- ДКУ — *Древнерусские княжеские уставы*. Изд. подг. Я. Н. Щапов. М.: Наука, 1976.
- Ипат. — *Полное собрание русских летописей. Том второй. Ипатьевская летопись*. СПб., 1908.
- ИЭЗС — *Историческая экология населения севера Западной Сибири*. Г. П. Визгалов [и др.]; под общ. ред. П. А. Косинцева. Нефтеюганск: Ин-т археологии севера; Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2013.
- Лавр. — *Полное собрание русских летописей. Том первый. Лаврентьевская летопись*. Вып. 1–3. Л., 1926–1928.
- НКРЯ — *Национальный корпус русского языка*. <http://www.ruscorpora.ru>.
- НПК — *Новгородские писцовые книги, изданные Императорской археографической комиссией*. СПб.: Сенат. тип., 1859–1910, 1915. Т. I–VI; Указатель к первым шести томам.
- СДРЯ — *Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.* Вып. 1–. М.: Русский язык, 1988–.
- Сибирцев, Шахматов — Сибирцев И. М., Шахматов А. А. *Еще несколько двинских грамот XV в.* Изд. ОРЯС. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1909.
- Сл. XVIII — *Словарь русского языка XVIII в.* Вып. 1–. Л.: Наука. 1984–.
- Сл. XI–XVII — *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 1–. М.: Наука. 1975–.
- Стрижак — *Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі*. Відп. ред. О. С. Стрижак. Київ: Наукова думка, 1985.
- Тупиков — Тупиков Н. М. *Словарь древнерусских личных собственных имен*. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1903.
- Черных — Черных П. Я. *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. Т. 1. М.: Русский язык, 1993.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бобров 2001 — Бобров А. Г. *Новгородские летописи XV в.* СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. [Bobrov A. G. *Novgorodskie letopisi XV v.* [Novgorod chronicles of the 15th century]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2001.]

⁷ Благодарю за это указание С. В. Полехова.

- Васильев 2012 — Васильев В. Л. *Славянские топонимические древности Новгородской земли*. М.: Языки славянской культуры, 2012. [Vasil'ev V. L. *Slavyanskije toponimicheskie drevnosti Novgorodskoj zemli* [Slavic toponymic antiquities of the Novgorod land]. Moscow: Yazyki Slavyanskoj Kul'tury, 2012.]
- Гимон 2014 — Гимон Т. В. Административная переписка в Англо-Саксонской Англии и Древней Руси. *Письмо и повседневность*. Вып. 1. Чубарьян А. О. (ред.). М.: ИВИ РАН, 2014, 9–41. [Guimont T. V. Administrative correspondence in Anglo-Saxon England and Old Rus. *Pis'mo i povsednevnost'*. No. 1. Chubar'yan A. O. (ed.). Moscow: Institute of World History, 2014, 9–41.]
- Гиппиус 2020 — Гиппиус А. А. Берестяные грамоты из раскопок 2019 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе. *Вопросы языкознания*, 2020, 5: 22–37. [Gippius A. A. Birchbark letters from Veliky Novgorod and Staraya Russa excavations of 2019. *Voprosy Jazykoznanija*, 2020, 5: 22–37.]
- Гиппиус, Сичинава 2021 — Гиппиус А. А., Сичинава Д. В. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот [XIII]: предварительная публикация. *Русский язык в научном освещении*, 2021, 2: 178–259. [Gippius A. A., Sitchinava D. V. Addenda et corrigenda for previously published birchbark letters [XIII]: a pre-publication. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2021, 2: 178–259.]
- Гиппиус и др. 2011 — Гиппиус А. А., Зализняк А. А., Коваль В. Ю. Берестяная грамота из раскопок в Московском Кремле. *Московский Кремль XV столетия. Сб. статей*. Т. 1: *Древние святыни и исторические памятники*. Беляев С. А., Воротникова И. А. (ред.). М.: Арт-Волхонка, 2011, 452–455. [Gippius A. A., Zaliznyak A. A., Koval' V. Yu. Birchbark letter from the excavations in the Moscow Kremlin. *Moskovskii Krem' XV stoletiya. Sbornik statei*. Vol. 1: *Drevnie svyatyni i istoricheskie pamyatniki*. Belyaev S. A., Vorotnikova I. A. (eds.). Moscow: Art-Volkhonka, 2011, 452–455.]
- ДНД — Зализняк А. А. *Древненовгородский диалект*. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod dialect]. 2nd edn. Moscow: Yazyki Slavyanskoj Kul'tury, 2004.]
- Зализняк 1986 — Зализняк А. А. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.)*. Зализняк А. А., Янин В. Л. М.: Наука, 1986, 89–219. [Zaliznyak A. A. Towards the study of the language of birchbark documents. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1977–1983 gg.)*. Zaliznyak A. A., Yanin V. L. Moscow: Nauka, 1986, 89–219.]
- Зализняк 2019 — Зализняк А. А. «Эффект Лукерьи»: переход *ол* > *о* в истории русского языка. *Славянское и балканское языкознание: Славистика. Индоевропеистика. Культурология. К 90-летию со дня рождения Владимира Николаевича Топорова*. Успенский Ф. Б. (ред.). М.: Ин-т славяноведения РАН, 2019, 82–96. [Zaliznyak A. A. 'Lukerya's effect': The *ol* > *o* transition in the history of Russian. *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie: Slavistika. Indoeuropeistika. Kul'turologiya. K 90-letiyu so dnya rozhdeniya Vladimira Nikolaevicha Toporova*. Uspenskii F. B. (ed.). Moscow: Institute of Slavic Studies, 2019, 82–96.]
- Кучкин 2008 — Кучкин В. А. Десятские и сотские Древней Руси. *Древняя Русь: очерки политического и социального строя*. Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С. М.: Индрик, 2008. [Kuchkin V. A. "Desyatskies" and "sotskies" in Old Rus'. *Drevnyaya Rus': ocherki politicheskogo i sotsial'nogo stroya*. Gorskii A. A., Kuchkin V. A., Lukin P. V., Stefanovich P. S. Moscow: Indrik, 2008.]
- НГБ X — Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.)*. М.: Русские словари, 2000. [Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1990–1996 gg.)* [Novgorod birchbark letters (from the excavations of 1990–1996)]. Moscow: Russkie Slovarei, 2000.]
- НГБ XII — Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.)*. М.: Языки славянской культуры, 2015. [Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 2001–2014 gg.)* [Novgorod birchbark letters (from the excavations of 2001–2014)]. Moscow: Yazyki Slavyanskoj Kul'tury, 2015.]
- Новосельский, Новохатко 2012 — Новосельский А. А., Новохатко О. В. Комментарии. *Архив стольника Андрея Ильича Безобразова*. Кузьмина Л. Ф., Филиппова И. С. (сост.), Новохатко О. В. (ред.). Ч. I. М.: Памятники исторической мысли, 2012, 667–862. [Novosel'skii A. A., Novokhatko O. V. Commentary. *Arkhiv stol'nika Andrey a Il'icha Bezobrazova*. Kuz'mina L. F., Filippova I. S. (comps.), Novokhatko O. V. (ed.). Part I. Moscow: Pamyatniki Istoricheskoi Mysli, 2012, 667–862.]
- Петрухин 2020 — Петрухин П. В. К переводу новгородской берестяной грамоты № 383. *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 2020, 23(1): 217–221. [Petrukhin P. V. On the

- translation of the Novgorod birchbark letter No. 383. *Proc. of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2020, 23(1): 297–313.]
- Полехов, Крысько 2021 — Полехов С. В., Крысько В. Б. Жалованная грамота князя Владислава Опольского Даниле Дажбоговичу 1375 г. *Die Welt der Slaven*, 2021, 66(1): 19–45. [Polekhov S. V., Krysko V. B. Prince Władisław Opolczyk's grant document for Danilo Dažbogovič (1375). *Die Welt der Slaven*, 2021, 66(1): 19–45.]
- Попконстантинов, Миклас 2008 — Попконстантинов К., Миклас Х. Оловен амулет с глаголически текст. *Кирило-Методиевски студии*, 2008, 18: 385–398. [Popkonstantinov K., Miklas H. Lead amulet with Glagolitic text. *Cyrillo-Methodian Studies*, 2008, 18: 385–398.]
- Сичинава 2020 — Сичинава Д. В. К интерпретации некоторых берестяных грамот. *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 2020, 23(1): 297–313. [Sitchinava D. V. On the interpretation of certain birchbark letters. *Proc. of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2020, 23(1): 297–313.]
- Соболевский 1907 — Соболевский А. И. *Лекции по истории русского языка*. 4-е изд. М.: Университетская типография, 1907. [Sobolevskii A. I. *Lectures on the history of Russian*. 4th edn. Moscow: University Press, 1907.]
- Соболевский 1913 — Соболевский А. И. Три личных имени. *Русский филологический вестник*, 1913, 69(2): 389–394. [Sobolevskii A. I. Three personal names. *Russian Philological Bulletin*, 1913, 69(2): 389–394.]
- Соболевский 1924 — Соболевский А. И. *Русско-скифские этюды*. Л.: Росийская гос. академическая типография, 1924. [Sobolevskii A. I. *Russko-skifskie etudy* [Russo-Scythian etudes]. Leningrad: Russian State Academic Press, 1924.]
- Соболевский 2006 — Соболевский А. И. *Труды по истории русского языка*. Т. 2: *Статьи и рецензии*. Предисл. и коммент. В. Б. Крысько. М.: Языки славянской культуры, 2006. [Sobolevskii A. I. *Tруды по istorii russkogo yazyka* [Works on the history of Russian]. Vol. 1: *Stat'i i retsenzii* [Articles and reviews]. Preface and commentary by V. B. Krysko. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2006.]
- Унбегаун 1989 — Унбегаун Б. О. *Русские фамилии*. М.: Прогресс, 1989. [Unbegaun B. O. *Russkie familii* [Russian surnames]. Moscow: Progress, 1989.]
- Успенский 2002 — Успенский Б. А. *История русского литературного языка (XI–XVII вв.)*. М.: Аспект Пресс, 2002. [Uspenskii B. A. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka (XI–XVII vv.)* [History of the Russian literary language (11th–17th centuries)]. Moscow: Aspekt Press, 2002.]
- Факкани 2003 — Факкани Р. Некоторые размышления об истоках древненовгородской письменности. *Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения*. Материалы международной конференции (Великий Новгород, 24–27 сентября 2001 г.). Янин В. Л. (ред.). М.: Индрик, 2003, 224–234. [Faccani R. Thoughts on the origins of Old Novgorod literacy. *Berestyanye gramoty: 50 let otkrytiya i izucheniya*: Proc. of the international conf. (Veliky Novgorod, 2001). Yanin V. L. (ed.). Moscow: Indrik, 2003, 224–234.]
- Циммерлинг 2021 — Циммерлинг А. В. *От интегрального к аспективному*. М.; СПб.: Нестор-История, 2021. [Zimmerling A. V. *Ot integral'nogo k aspektivnomu* [From integral to aspectual]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2021.]
- Ююкин 2002 — Ююкин А. А. Древнерусские топонимы тюркского происхождения на территории Украины. *Востоchnoukrainskii lingvisticheskiy sbornik*. Вып. 8. Отин Е. С. (ред.). Донецк: Донецчина, 2002, 50–57. [Yuyukin A. A. Old Russian toponyms of Turkic origin on the territory of Ukraine. *Vostochnoukrainskii lingvisticheskiy sbornik*. No. 8. Otin E. S. (ed.). Donetsk: Donechchina, 2002, 50–57.]
- Held 2021 — Held H.-R. Cessio in the documents of Thomasinus de Savere, notarius iuratus and scriba communis in Dubrovnik 1277–1286. *Rivista dell'Istituto di Storia dell'Europa Mediterranea*, 2021, 9(1): 109–142.
- Kiparsky 1960 — Kiparsky V. Über das Nominativobjekt des Infinitivs. *Zeitschrift für slavische Philologie*, 1960, 28: 333–342.
- Kiparsky 1969 — Kiparsky V. Das Nominativobjekt des Infinitivs im Slavischen, Baltischen und Ostseefinnischen. *Baltistica*, 1969, 5: 141–148.
- Timberlake 1974 — Timberlake A. *The nominative object in Slavic, Baltic, and West Finnic*. München: Otto Sagner, 1974.
- Veder 2016 — Veder W. [Review of:] Kazimir Popkonstantinov, Anna-Marija Totomanova. Epohata na bālgarskija car Samuil. Ezik i pismenost. Sofia: BAN 2014, 174 S. *Ricerche slavistiche*, 2016, 14(60): 550–560.

К семантико-этимологической реконструкции зайствованных «культурных слов»: поморское *гурий* ‘знак-ориентир из камня’

© 2022

Елена Львовна Березович

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия; berezovich@yandex.ru

Ирма Ивановна Муллонен

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск,
Россия; irma.mullonen@hotmail.com

Аннотация: В статье анализируется обширное этимологическое гнездо с вершинным словом *гурий*, функционирующее в севернорусских говорах (преимущественно беломорских). Рассматривается семантическая структура гнезда, в котором выделяются два блока значений: 1) со смысловым ядром «каменный ориентир» (‘знак, сложенный в виде каменной пирамиды, являющийся приметой становища и служащий другим ориентационным целям’ → ‘куча экскрементов’, ‘при гадании — указательные знаки из квашни’ и др.); 2) со смысловым ядром «промысловая неудача» (*гурей попал*, *гурье принести* ‘вернуться с охоты, рыбалки и т. п. ни с чем, с пустыми руками’, *гурьё* ‘обнаженный зад, который показывают женщины мужчинам, когда те возвращаются с рыбного лова или промысла зверя с пустыми руками’, *отгурьяться* ‘завершить рыбалку (охоту) результативно, с (хорошим) уловом’ и др.). Авторы объясняют связи значений первого и второго блока значимостью самой реалии, соединяющей в себе ориентационную, мемориальную, обрядовую функции. Признавая существующие этимологии слова *гурий* неудовлетворительными, авторы предлагают две собственные версии: 1) скандинавскую (в том числе опосредованную саамской), ср. др.-сканд. *hōgr* ‘пирамида из камней, жертвенный комплекс, каменный алтарь’; 2) прибалтийско-финскую, ср. *hurri* (*hurrikas*, *hurrikainen*) ‘дерево-знак (обычно обрубалось специальным образом в честь неофита)’. Возможно взаимное притяжение гетерогенных слов с их последующей формально-смысловой модификацией. Авторы показывают типологическую значимость рассмотренного слова на фоне других сакральных терминов.

Ключевые слова: диалектология, лексика, прибалтийско-финские языки, русский язык, саамские языки, севернорусские диалекты, скандинавские языки, этимология, этнолингвистика, языковые контакты

Благодарности: Авторская работа Е. Л. Березович выполнена при поддержке гранта РФФ № 20-18-00223 «Этимологизация и семантическая реконструкция русской диалектной лексики»; авторская работа И. И. Муллонен — в рамках выполнения госзадания КарНЦ РАН, тема № 121070700122-5 «Фундаментальные и прикладные аспекты исследования прибалтийско-финских языков Карелии и сопредельных областей».

Для цитирования: Березович Е. Л., Муллонен И. И. К семантико-этимологической реконструкции зайствованных «культурных слов»: поморское *гурий* ‘знак-ориентир из камня’. *Вопросы языкознания*, 2022, 6: 21–43.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.6.21-43

On semantic and etymological reconstruction of borrowed “cultural words”: Pomor Russian noun *gurij* ‘landmark sign made of stone’

Elena L. Berezovich

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia; berezovich@yandex.ru

Irma I. Mullonen

Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre
of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia; irma.mullonen@hotmail.com

Abstract: The article analyzes an extensive etymological word family with the top word *gurij*, functioning in Northern Russian dialects (mainly near the White Sea). The semantic structure of the word family is considered, in which two blocks of meanings are distinguished: 1) with the semantic center ‘stone landmark’ (‘a sign in the form of a stone pyramid, indicating a camp and serving for other orientational purposes’ → ‘a pile of excrement’, ‘in divination — index signs from the sourdough’, etc.); 2) with the semantic center ‘fishing failure’ (*gúrej popal*, *gúr’je prinesti* ‘to return from hunting, fishing, etc. with nothing, empty-handed’, *gur’jě* ‘naked buttocks, which women show to men when they return from fishing or hunting an animal with empty hands’, *otgur’ját’sja* ‘complete fishing (hunting) effectively, with a (good) catch’, etc.). The authors explain the relations between the meanings of the first and second block by the significance of the notion itself, which bears orientational, memorial, and ritual functions. Recognizing the existing etymologies of *gurij* unsatisfactory, the authors offer two new etymological versions: 1) Scandinavian (perhaps mediated by Saami), cf. Old Scandinavian *hqrgr* ‘pyramid of stones, sacrificial complex, stone altar’; 2) Finnic, cf. *hurri* (*hurrikas*, *hurrikainen*) ‘sign tree (usually cut off in a special way in honor of the neophyte)’. Mutual attraction of heterogeneous words with their subsequent formal and semantic modification is possible. The authors show the typological significance of the considered word against the background of other sacred terms.

Keywords: dialectology, ethnolinguistics, etymology, Finnic, language contacts, lexicon, North Russian, Saami, Scandinavian

Acknowledgements: The contribution of E. L. Berezovich was supported by the Russian Science Foundation (project No. 20-18-00223 “Etymologisation and semantic reconstruction of Russian dialect vocabulary”), the contribution of I. I. Mullonen was prepared as part of the state assignment of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (project No. 121070700122-5 “Fundamental and applied aspects of the study of Finnic languages of Karelia and adjacent regions”).

For citation: Berezovich E. L., Mullonen I. I. On semantic and etymological reconstruction of borrowed “cultural words”: Pomor Russian noun *gurij* ‘landmark sign made of stone’. *Voprosy Jazykoznanija*, 2022, 6: 21–43.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.6.21-43

Введение

В статье рассматривается этимологическое гнездо севернорусских (поморских) диалектных слов с вершинным *гурий*, которое соединяет в своей семантике народные представления о явлениях материальной и духовной культуры. Основное значение слова — ‘куча камней, служащая ориентиром в промысловой деятельности (главным образом, рыбной ловле)’ — относится к области, если так можно выразиться, «прагматической аксиологии»: ориентир, сделанный из подручных средств и служащий знаком рыболовного или охотничьего урочища, имеет огромную значимость в той хозяйственной деятельности, которая непосредственно обеспечивает жизнь. Именно эта бытовая ценность позволила

наделить *гурий* аксиологической символикой, сделала его показателем промысловой удачи или неудачи, включила в народную ритуальную деятельность. Интерес к этому слову обусловлен также тем, что в его происхождении и истории отражено взаимодействие языков и культур Европейского Севера России — русского и контактных с ним финно-угорских.

Подобно тому, как сам объект номинации «перерастает» свою первоначальную роль, обозначающее его слово содержит в себе ключ к обширному смысловому пространству, в котором осуществляется эстафета культурно-языковых традиций. Все это делает историю *гурия* типологически значимой и показательной.

В статье будет проанализирована семантическая структура этимологического гнезда, выявлена логика смыслового развития на русской почве, а затем рассмотрены имеющиеся этимологические версии и предложена авторская.

Значения слова *гурий* следует разделить на два основных блока, которые в синхронной диалектной системе могут быть поданы как омонимичные: 1) блок со смысловым ядром «каменный ориентир» и дальнейшим разнонаправленным смысловым развитием (метонимический сдвиг, расширение значения, метафора); 2) блок со смысловым ядром «промысловая неудача», в рамках которого тоже осуществляется разнообразная семантико-словообразовательная деривация. При диахроническом рассмотрении лексические единицы, принадлежащие обоим блокам, генетически связаны между собой.

I. Первый блок значений слова *гурий* формируется вокруг смыслового ядра «каменный ориентир».

1.1. Слово фиксируется в источниках с XVIII в. и употребляется по сей день, при этом словарями впервые оно оказалось отмечено, кажется, в 1847 г. [СЦСРЯ, 1: 303]. В словари XVIII в. лексема не попала — и это огорчительная лакуна, ведь слово встречалось в таких замечательных памятниках, как мореходные книги, лоции, которые нередко составлялись самими поморами. Последние были носителями народной культурно-языковой традиции, но при этом могли прекрасно владеть грамотой. Тем самым лоции становились произведениями «народной книжности». Историк В. Н. Матонин предполагает, что старейшей из сохранившихся беломорских лоций является «Рѣка Кушерецка»¹: по данным палеографии, она была составлена не позднее начала XVIII в. [Матонин 2017: 83]². В этом тексте нужное нам слово использовалось в следующих контекстах³: «Уу Фуголей 8 голоманного конца есть кѳкшинецъ небольшой как пройдешь гѳрей» <У Фуголей у голоманного конца есть кукшинец небольшой, как пройдешь *гурей*> [РК: (л. 9) 46]; «На задней земле бор с седлом, пониже в немецкую сторону и другой, а на нижнюю сторону с русской стороны кряж высокой, на нем *гурей*, внизу на наволоки избы» [РК: (л. 31об.) 96]; «Красные Лудки. Оные признать здали с русской стороны, крутой кряж и на верхней земли мох рябой. Заходить в оное меж запад и побережник, внутри и в побережник. На русском левом наволоке лежит большой *гурей* и крестов немного» [РК: (л. 33) 99] и др. Слово было широко распространено и в более поздних текстах по мореплаванию (примеры будут приведены далее), а сейчас нам важно определить его значение, для которого прекрасную формулировку предложил В. И. Даль: арх. *гурей*, *гурий* 'темный маяк или мар, знак, сложенный на берегу из камней, для приметы становища' [Даль, 1: 408]; единственное замечание: *гурий* может не только обозначать становище, но и служить другим целям ориентации в пространстве.

1.2. География слова (по всей совокупности источников, как лингвистических, так и нелингвистических) — Архангельская, Мурманская области, Республика Карелия, при этом оно фигурирует преимущественно в речи жителей тех населенных пунктов, которые

¹ Кушерека — село на Поморском берегу Онежской губы Белого моря.

² Рукопись хранилась в семье поморов Кононовых, в которой книжная старообрядческая культура сочеталась с культурой поморского мореплавания [Матонин 2017: 84].

³ Первый контекст будет подан в графике и орфографии исходного текста, а следующие — в современной передаче.

находятся на морском побережье, и/или в речи рыбаков, морепромышленников, лоцманов, плавающих по морям Северного Ледовитого океана (особенно Белому), поэтому в ряде источников слово квалифицируется как «поморское».

1.3. Формы слова таковы⁴: *гурей*, *гурий* [СЦСРЯ, 1: 303; Опыт 1852: 44; Даль, 1: 408; Барсов 1882: 320; Подвысоцкий 1885: 36; Куликовский 1898: 18; СРЯ (Зеленин), 4/1: 738; СРНГ, 7: 238; АОС, 10: 157; СГРС, 3: 166; СРГК, 1: 417; Кушков 2011: 40; Меркурьев 1979: 35; 1998: 21, 43; СНРРА, 2/1: 40; ЛКТЭ; Мосеев 2005: 43], *гурей* [СРНГ, 7: 238], *гурьё* [Там же: 240], *гурья* [Подвысоцкий 1885: 36; СРНГ, 7: 240]⁵; при этом первые две формы лидируют по количеству фиксаций, форма *гурьё* является собирательной (из-за восприятия реалии как множества камней), а *гурья* — ее переработкой вследствие затемнения. Ареальных закономерностей в распределении форм нет.

1.4. Приводя контексты, особое внимание уделим тем, которые еще не опубликованы и были собраны нами в ходе полевой работы в 2018 г. (Онежский район Архангельской области) и 2021 г. (Терский район Мурманской области): терск. «*Гурий* — это поморское слово. *Гурии* оставляли на видном месте, на высоком берегу, на скале, он виден с моря, с карбаса. *Гурии* вносили в лоции, так и подписывали — *гурий*. Замечали это место: ну пусть цвет камня особый, белый на сером фоне. Ну или дерево какое кривое, особое» (Кузрека); терск. «*Гурий* как примета. В море кричали: *Гурий справа! Гурий слева!*» (Кашкаранцы); терск. «Отец вот мой учил белый камень примечать, он заметный. Если не было такого *гурья* на берегу, то его делали. Камни с берега складывали, сверху ставили корягу, белый камень. Плывут, говорят: гурий с той или с этой стороны» (Умба); онеж. «*Гуры* наставлены были — где на берегу, где на островке каком. *Гурей* — он как крест: далёко видно» (Яковлевская); онеж. «*Гурий* — каменная кладка. Знать надо было отмели, поворотные места. Вот и ставят гурий. Цвет какой особый, чтоб выделялся. А нет камня — ну, дерево какое особое приспособят» (Кондратьевская) [КСГРС; ЛКТЭ]. Для наших будущих выкладок важно, в частности, то, что в некоторых случаях каменный *гурий* мог быть заменен деревянным (если камня не было под рукой).

Дадим и некоторые контексты из опубликованных словарей: карел. беломор. «*Гурий* — это камни наложены на берегу, да крест поставлен, дорогу показывают лучше компаса»; «В становищах, где можно спастись от ветров, на буграх *гурьи* выкладут» [СРГК, 1: 417]; помор. «Наставлено *гурьев* боле всего было в Горле по западу»; «*Гуры* наставлены разного размеру: большие, небольшие и вовсе малыньки. Ставили их на сопках и на наволоках для большого примета»; «Други-товарищи ставили *гурьи* в помощь всем поморам, по морям ходящим» [Гемп 2004: 286]; кольск. «Там гурей был складеной на песке» (Голицыно) [Меркурьев 1979: 35]; арх. онеж. «У них гурья туд были забиты» (Подпорожье), «У меня гурьюф скоко хочеш войдёт» (Пурнема) [АОС, 10: 157] и др.

Стоит привести также иллюстрации из специальной литературы по мореплаванню, поскольку примеры такого рода нечасто фигурируют в лингвистических исследованиях. К числу наиболее ранних (1828) сочинений, где есть слово *гурий*, относится интереснейший труд Ф. П. Литке, который описывает плаванье по Белому и Баренцевому морям: «По всему восточному берегу видели мы множество *гурьев*, больших и малых, которые, по уверению нашего лоцмана, служили рыбакам путевказателями от одного становища до другого, которых в прежние годы было здесь много»; «На сей вершине поставлен был нами *гурей*, привязанный посредством треугольников к берегам гавани. Утес, равно как и все окололежащие высоты и кругляки, состоит из полевого шпата»; «В двух милях за мысом Моткою оставили мы вправо высокую, кругловершинную гору, называемую Рока

⁴ Приводятся только по лексикографическим источникам, поскольку в непрофессиональных источниках формы могут быть восстановлены неточно. Так, в тексте С. В. Обручева (см. далее [Обручев 1929: 129]) есть сочетание *несколько гурий* (род. пад.), из которого можно восстановить форму им. пад. ж. р. **гурья*, но это весьма сомнительно.

⁵ Обзор форм и географии (менее подробный) см. также в [Мызников РДЭС: 171–172].

Пахта, на коей стоит *гурей*» [Литке 1828, 2: 53, 39, 36]. Вот еще несколько цитат из более поздних трудов мореплавателей и путешественников: «Становище Шубино. В него заходить в запад. На правой руке на высоком бугре на матерой кресты и *гурьи*; стоят за островом на живой воде, а дальше на обсушке» (публ. 1909 г.) [МК: 294]; «На самом Кусовом носу несколько *гурий* — каменных столбообразных куч, которые промышленники ставят на всех приметных местах. Кроме того, тут же стоят три больших креста, и под ними могила с деревянным срубом, в котором мы находим человеческий череп» [Обручев 1929: 129]; «Во многих важных и сложных для мореплавания местах были поставлены опознавательные знаки в виде *крестов* и *гурьев*» [Бадигин 1956: 276]⁶ и т. п.

1.5. Охарактеризуем на междиалектном и внутридиалектном уровнях отношения **лексической системности** для слова *гурий*. Очень чутко почувствовала и назвала близкие по смыслу слова К. П. Гемп [2004: 86]: «Поморы ходили “по своей вере” — по своим рукописным лоциям, замечали природные приметные места, взгавия, кекуры, арешник, мошок, ставили свои глядени и отметины: кресты, *гурии*, юрики, вехи и оберегали все эти “памяти”, знали их цену для мореходца и промысловика». Среди «приметных мест» она выделила природные и сооруженные человеком, к которым относится *гурий*.

В контекстах рядом с *гурием* чаще всего упоминается **крест** (см. выше), о значении которого в культуре поморов не раз писали исследователи (см. обобщающие работы [Боярский 2001; Филин, Фризин 2001]). Неслучайно именно *кресты* и *гурии* указаны К. С. Бадигиным в качестве «манifestаций» того, что названо у поморов словом *глядень*, которое обозначает ‘знак на берегу, указывающий безопасный фарватер при заходе в становище или в пролив’: «Обычно *глядни* представляли собой *кресты*, различаемые по размеру (количество крестов на различных *гляднях* не одинаково), или сложенные в виде пирамид кучи камней — *гурии*. Устанавливались издавна, особенно на мысах, стоящих в местах поворота курса, и были первыми маяками русских северных мореходов» [Бадигин 1956: 330].

В качестве синонима к термину *глядень* («то, что выглядывает») у поморов употребляется также **вож** ‘приметный знак, указатель’ [Мосеев 2005: 48]⁷, во внутренней форме которого отражена способность служить проводником (ср. сиб., иркут., якут., свердл. *вож* ‘лоцман’ [СРНГ, 5: 9]).

В ряде источников в качестве аналога *гурию* приводится слово **кекур**, см. [СЦСРЯ, 2: 170; СРЯ (Зеленин), 4/1: 738; Гемп 2004: 289; Бадигин 1956: 333 и др.]. Отношения между этими словами могут определяться так: «*кекур* — то же, что *гурий*, но чаще под этим

⁶ Слово употребляется как термин и в современной литературе по исторической географии, археологии etc.: «А по дороге к измам <охотничьим> ставили знаки — *гурии*, сложенные из камней, а если было время и силы — восьмиконечные кресты» [Боярский 2001: 148]; «<О кресте на тоне Подволочье> К востоку от остатков креста находится развал каменного гурия, в который он был установлен» [Филин, Фризин 2001: 182]; «Проезжая вдоль пролива, подъехали к острому мысу. На высоком берегу на самом краю стоит довольно большой и интересный *гурий*, сложенный не как обычно (плотно из плоских тонких камней), а из обыкновенных более-менее плоских булыжников, причем на самом верху *гурия* камни тоже довольно массивные. Надписей и знаков никаких не видно. Вполне возможно, что этот *гурий* стоит просто как маячок, указывающий на вдающийся глубоко в пролив полуостров — для навигационных целей, или еще для чего... Ведь если не гурий, сложенный из темных камней, то при такой видимости мы бы и не заметили этого полуострова на своем пути. (...) На одном из островов стоит очень необычный и интересный *гурий*, высотой в два человеческих роста, на вершине которого установлен длинный тонкий камень внушительной массы, похожий на столб или трубу. На камне в основании *гурия* остались следы некогда прикрепленной таблички: вбитые в камень свинцовые пробки, к которым и была прибита табличка. Рядом с *гурием* расположена еще более интересная постройка из камней: небольшая арка, в которую если постараться можно и пролезть» [Смоляников, Бондик 2006] и др.

⁷ Автор указанного словаря при статье *вож* ставит отсылку к *гурий* (однако отдельная статья на это слово в словаре отсутствует, хотя оно встречается в контексте к слову *бык* ‘каменный утёс, вдающийся в море’: «Вона на быку-то гурий» [Мосеев 2005: 43]).

названием архангелогородцы разумеют отдельную столбообразную скалу» [СЦСРЯ, 2: 170], ср. также контекст: «Когда путники были уже совсем близко от новой вершины, их внимание привлекла на себя лежавшая там большая груда камней: вид и форма ее несомненно доказывали, что это *гурий* (или *кекур*, как еще называют в Поморьи), складенный руками человека» (Борисов) [СРЯ (Зеленин), 4/1: 738]. В то же время в большинстве источников семантические акценты ставятся так, чтобы подчеркнуть, что *кекур* — это, в первую очередь, не искусственно созданный человеком, а природный объект. Кажется, наиболее точно определяет иерархию значений [ССРЛЯ, 5: 921–922], в котором значение ‘высокий, отдельно стоящий камень на берегу моря или в море’ дается как общепонятное (первое), а ‘груда сложенных в виде пирамиды камней’ — как областное (второе). О преимуществом «естественности» *кекура* говорят и значения, приведенные в [СРНГ, 13: 177].

На междиалектном уровне интересно слово *мар*, с помощью которого В. И. Даль определил *гурий* (см. выше); на саму лексему *мар* великий лексикограф составил такую статью: «юго-вост. одинокий бугор, курган, насыпь или природная сопка; сложенная где, для приметы, из камней сахарная голова, пирамида. *Мары*, как и *бабы* (из одного камня), ставились на сторожевых высотах, чтобы из-за них высматривать» [Даль, 2: 307]. Как видим, за этим термином может стоять объект как естественного, так и искусственного происхождения.

В литературе по географии и археологии встречаются также термины *тур* и *каури*, обозначающие искусственные сооружения в виде груды камней, часто конической формы. В этнографической литературе широко известен термин *сейд*, который обозначает священный камень у саамов (см. классическую работу [Визе 1912]). В контексте нашего исследования интересно следующее свидетельство: «Поклонялись также лопари и приносили жертвы священным камням — *сейдам*. Такие камни ставились на берегах рек и озер, на высоких и уединенных горах. У каждой лопарской семьи был свой *сейд*-покровитель. (...) *Сейды*, по верованиям лопарей, помогали им на охоте, рыбной ловле, в дальних поездках. Лопари приносили им за это жертвы: мазали камни жиром и кровью. Если же камень-*сейд* мало оказывал им помощи, они переставали его ублажать, иногда били его, иногда откалывали от него кусок: от этого будто бы *сейду* было больно, и он должен был образумиться» [Харузина 1902: 35].

Приведенный список неполон, но он свидетельствует о высокой значимости той идеограммы, которая стоит за словом *гурий*.

1.6. Говоря о **словообразовании** на основе формы *гурий*, отметим уменьшительное *гуреек* и прилагательное *гурьеваты(о)й* (*гурываты(о)й*, *гурьевой*), ср. показательный пример из поморской лоции, где присутствуют оба названных деривата⁸: «А на оном правом наволоке крестов много, и, попросед правого *гурья*, на самой середине есть баклыш, а о тот левой *гурьевой наволоке* надо заходить о самой, а как пройдешь маленькой *гуреек*, которой на той же стороне, то одинок минешь» [РК: (л. 33об.) 100]; «На самой середине есть один камень, а о тот *гурыватой* левой наволоке о самой заходить чисто, а как придешь до маленького *гурейка*, на той же стороне, то и одинок минешь, тогда и податься о правые кресты, под оными гладко» [ЛБП: 34]. Прилагательное *гурьеватый* отмечено также в «Словаре поморских речений» К. П. Гемп: беломор. *гурьеватый бережок* ‘морской берег, на котором установлено немало опознавательных знаков — *гуриев*’: «По всем берегам Белого моря встречаются гурьеватые, но более всего гуриев было поставлено на берегах Горла»; «Гурьеваты наволоки — память отцов-дедов» [Гемп 2004: 286]. Форма *гурьеватой наволоке* с пометой «стар.» дается и в книге К. С. Бадигина «По студеным морям», при этом в качестве параллели указано сочетание *крестоватый наволоке* [Бадигин 1956: 333]. Можно было бы ожидать активного участия слова *гурий* в топонимии, однако найденные нами примеры немногочисленны, ср. два топонима на Терском берегу Белого моря (тоня *Гурья* в числе тоней Кашкаранского сообщества, а также в числе тоней Чаванги и Тетрино

⁸ Первый фрагмент из лоции, которая цитировалась выше (и датируется началом XVIII в.), вторая цитата представляет собой вариант того же текста, опубликованного в 1866 г.

[Попихина 2021: 147]) и два на Поморском берегу (приметная с моря гора *Гурьи* на мысу между селами Колежма и Нюхча и *Гурьев Камень*⁹ на Мягострове у Колежмы).

1.7. Указанное основное значение слова *гурий* ('знак-ориентир, сложенный из камней') фиксируется наиболее часто, однако на его основе отмечается и относительно разветвленная **семантическая деривация**.

Семантические дериваты можно разделить на две основные группы.

1.7.1. Первая включает в себя слова со значениями, находящимися на **близком расстоянии** от основного и являющимися результатом незначительного варьирования (метонимический сдвиг, расширение значения).

Смысловый сдвиг по функциональному признаку приводит к переносу значения в промысловую сферу, близкую рыбной ловле, — сферу охоты: терск. *гүрий* 'знак-ориентир (груда камней или памятное дерево) у охотников': «Идут где далёко, складут гурий для приметы: замечали, где припас оставили. Больше камни, а иногда дерево какое, на него тряпку повесят» (Варзуга) [ЛКТЭ]. Характерно, что это значение записано в селе Варзуга, которое удалено от моря — в отличие от соседних, находящихся на морском берегу (в них фиксируется только «рыбацкая» семантика). Возможна и смысловая флуктуация, состоящая в переносе части на целое («знак, отмечающий территорию урочища → урочище целиком»): арх. онеж. *гүрей* 'место охоты, промысла, обозначенное грудой камней на морском берегу': «Этод гүрей был продан им» (Подпорожье) [АОС, 10: 157]. Другой смысловый сдвиг по функции ведет из промысловой сферы в сферу эксплуатации дорог: влг. вож. *гүрий* 'груда сложенных на дороге камней, используемая как вежа': «Из камня гурий выкладывают на дорогах» [СГРС, 3: 166]. Данный пример примечателен тем, что это единственный факт, записанный в Вологодской области (на северо-западе, на границе с Архангельской областью).

Отмечается также развитие семантики по «каменной» линии, т. е. по признаку материала. В удалении от моря *гурием* называют кучу камней, не имеющую ориентационной функции, ср. терск. *гүрий* 'камни, которые убирают с сенокосов и складывают в кучи': «На берегу реки, на островах у нас пожни. Там много камней бывает. Вот камни убирали, ложили в кучи, чтоб не тупить косу-то. Складут такой гурий — камни, которы убраны» (Варзуга) [ЛКТЭ]. Если говорить о каменных реалиях морского побережья, то ими могут быть большие каменные валуны и скалы: мурман. *гүрий* 'камень, округленный водою, катыш (у мурманских рыбаков)'¹⁰ [Маштаков 1931: 20; СРНГ, 7: 238], без указ. м. 'скала' [СРНГ, 7: 238].

1.7.2. Вторая группа семантических дериватов включает в себя результаты **метафоризации**.

На базе основного значения слова *гурий* ('куча камней, используемая как ориентир') происходит метафорическое развитие в двух направлениях. Во-первых, возможна метафора на основе признака конусообразной формы, ср. терск. *гүрий* 'куча экскрементов': «Ну, гурий, мол, навалил. Плохое это слово, это не надо записывать. Это если кто по-большому сходил» (Кузрека); «Гурий на берегу бывает. Это хорошее слово. А есть гурий — слово непотребное. Ну ты навалил гурий» (Умба) [ЛКТЭ].

Во-вторых, отмечена «семотическая» метафора (на основе признака «указательный знак»): карел. беломор. *гүрья* 'при гадании — указательные знаки из квашни' (КСРГК) [Мызников РДЭС: 172]. К сожалению, в источнике нет более подробной информации об этой редкой и интересной лексеме. Объясняя ее, С. А. Мызников пишет: «Трудно сказать, связано ли это слово с *гурий* <'куча камней'. — Е. Б., И. М.>, или возможно сопоставление с лив. *hourii* 'пар', люд. *hour* 'водяной пар, пар, дыхание в холодную погоду';

⁹ Словообразовательно здесь возможно и антропонимическое происхождение (от имени *Гурий*), но тип объекта (камень) указывает, что вероятна и производность от «каменного» *гурия*.

¹⁰ В словаре П. Л. Маштакова дана ссылка на рукописный словарь водных терминов, собранный по распоряжению академика Веселаго.

на прибалтийско-финской почве это гнездо имеет значительное число вариантов, ср. фин. *huuri* ‘пар, марево’, *hauri* ‘теплый пар’, люд. *hauru* ‘иней, изморозь’, карел. *häyräkkä* ‘туман’» [Там же]. Объяснение на основе семантики пара, изморози представляется неубедительным и не подтверждается мотивационными параллелями. Думается, здесь следует предполагать именно метафору на базе рассматриваемого нами *гурия*-ориентира, поскольку в семантике производящего слова явственно представлен «семиотический» смысл.

1.8. Какие еще детали и акценты можно выделить в смысловом пространстве слова *гурий*?

Функция ориентира исключительно важна и обладает **потенциальной аксиологической нагрузкой** (ср., к примеру, метафоры на основе других обозначений ориентиров или инструментов для ориентации — *маяк, компас, путеводная звезда* и пр.). В некоторых контекстах, связанных с *гурием*, заметны смысловые добавки, позволяющие говорить о том, что *гурий* может «перерастать» свой сугубо прагматический статус пространственного ориентира и получать дополнительную символическую нагрузку. Это проявляется по-разному.

Во-первых, *гурии* могли выполнять как меморативную, так и мемориальную функцию. Это разделение, разумеется, условно, но все-таки несет в себе некоторый нюанс. Со словом *меморативный* будем связывать задачу напоминания о чем-либо, которое имеет сугубо практический смысл, ср. текст терской былички, в которой описывается использование *гурия* как приметы того места, где, по поверью, лежал клад: «Потом приезжали во второй раз, гуреек склали. Вода-то осветлела. <...> Клад давался — не умели взять!» [Власова 2021: 325]. Под *мемориальной* функцией будем понимать функцию символического напоминания, не связанного с практическим ориентированием на местности. Показателен отрывок из путевых записок А. П. Энгельгардта (изданных в 1896 г.): «Он скоро справился и настоял на своем — взлез на самую вершину горы и, на память о своем там пребывании, сложил из камня довольно большого *гурия*. <...> На Севере вообще существует обычай ставить на возвышенных местах пирамиды из камней, по местному выражению, *гурии*, или, еще чаще, большие кресты, в память разных событий и счастливого избавления от грозившей опасности» [Энгельгардт 2019: 185]. Здесь есть предпосылки оценочного восприятия *гурия* (знак счастливого избавления).

Во-вторых, *гурии* могли участвовать в формировании магических практик — к примеру, метеорологической магии: «В некоторых случаях *гурии* складываются по поверью, например, для того, чтобы подул благоприятный ветер» [Окороков 2005: 373]; показательно также свидетельство А. Генца о том, что у гуриев вымаливали хорошую погоду (см. раздел 3.2.1 настоящей статьи). Как видим, в этом обычае тоже есть возможность оценки *гурия* (проекции на него символики благоприятствования). Отсюда шаг до сакрализации и *гурия*, отголоски которой проявляются в следующем контексте к терск. *гурий* ‘большой камень или груда камней на берегу моря’: «У нас было поклонение большим камням — отдельный камень большой стоит, это считался *гурий*, молились им. Перед тем как уходили на промысел, ходили помолиться. Иногда *гурием* и кучу камней звали, как каменное нагромождение. Почему молились? А любили всю природу. Речку просили, можно ли перейти. У дерева прощения просили, когда рубят. Ну вот и с *гурием* так. Молились, чтоб удача была. Им пользовались больше саамы. У русских меньше, но тоже было, деды рассказывали» (Чапома) [ЛКТЭ]. Информант ссылается и на культ такого рода у саамов. Действительно, в исследованиях по саамской этнографии говорится о сакрализации *гуриев*, подробнее см. раздел 3.2.1.

Описанные рефлекссы оценочной (и даже сакральной) символики *гурия* будут важны нам при анализе второго блока значений этого слова, связанного в широком смысле с судьбой.

II. Второй блок значений *гурия* формируется вокруг смыслового ядра «**промысловая неудача**»¹¹.

¹¹ В [СНРРА, 2/1: 40] два *гурия* поданы как омонимы, но это некорректно хотя бы по формальным причинам: в первом случае ударение на первый слог, во втором — на второй. Н. Д. Кушков [2011: 40] тоже дает изучаемые слова как омонимы; так же осмысляют их некоторые наши информанты.

2.1. Эти значения отмечаются чаще всего во фразеологических оборотах, в составе которых *гурий* утрачивает значение конкретного предмета и приобретает абстрактное значение неудачи (с возможными дальнейшими сдвигами). При этом в сознании носителей говоров (и даже некоторых составителей словарей) предметные значения *гурия* нередко никак не связываются с абстрактными. Мы убеждены в том, что эта связь существует. Представим материал, пытаюсь расположить его в «этимологическом» порядке, восстанавливая логику семантической и семантико-словообразовательной деривации.

Пусковой механизм для формирования переносного значения обнаруживается в словаре А. Подвысоцкого, который дает следующую статью: «*Гурей, гурий, гурья* — помор. род столба из накладываемых одни на другие диких камней. Промышленники складывают *гурьи* на морском берегу для обозначения места, где промышляли. В с. Кандалакше, на западном берегу Белого моря, в Кем. у., неудачных ловцов во время сельдяного промысла заставляют в шутку целовать *гурей*» [Подвысоцкий 1885: 36].

Очевидно, здесь обнаруживается такая мотивация: раз не поймал ничего, тебе достается единственное, что есть на морском берегу, — «дикие камни», т. е. *гурий*. Для глагола *целовать* следует предполагать тот смысл, который реализуется, к примеру, в шутливом пожелании *Поцелуй пробой, да и ступай домой!* [Даль ПРН, 1: 281] (подразумевается дверной пробой, который остается поцеловать, если придешь к кому-то и не застанешь его дома). У замечательного путешественника В. И. Немировича-Данченко есть подробное описание этого обычая (из той же Кандалакши — и примерно в то же время), из которого вытекает, что *гурий* для этой процедуры могли сооружать специально (а не только использовать уже существующий):

— Ну, гляди, промышляй хорошо! — подшучивали на берегу кандалакшане, когда я садился в карбас, — не то *гурий целовать* придется. {...}

— Экое горе, парень, — подсмеивался старый кормщик. Вдруг да поведут тебя *гурий целовать*. Ах же и стыд какой, ну и промышленник, скажут! С первого разу да опростоволосился.

По окончании промысла, вечером, ловцы собираются по пути в Кандалакшу на какой-нибудь островок; тут складывается горка из каменных плит, и кто меньше всех наловил или не поймал вовсе, того под общий смех ведут *целовать* этот *гурий*. Над неловким или несчастливым промышленником трунят, остроты на него сыплются градом [Немирович-Данченко 1877: 225].

2.2. Если в этих контекстах речь идет о реальном предмете, который приобретает дополнительную символику (помимо основного прагматического назначения), то дальше будут представлены примеры, в которых **предметность утрачивается**. Следующий по времени издания словарь (после Подвысоцкого), где упоминается *гурий* в значении неудачи, — это словарь И. М. Дурова (1929), где уже нет следов обряда *целования гурия*: беломор. *гурей* ‘слово, употребляемое для обозначения полного неулова на промысле’, в выражениях *гурья спробовал* ‘ловил, потратил время, а ничего не добыл, ничего не попало’, *с гурьем выехал*, *гурья справил*, *с гурьем вернулся* [Дуров 1929: 41].

Аналогично дается слово и в более поздних источниках. К. П. Гемп в своем замечательном «Словаре поморских речений» приводит такие контексты: «Гурья ноне на путине спробовали», «Ходил на сига-заледку, а гурьем воротился», «Чаще, чем прежде, ноне с гурьем ворочаемся к дому. То ли перелов рыбы был, а годами шел по плану, то ли рыба куда ушла. Бывает это. То ли замор какой. Кто скажет?», при этом заглавное слово восстанавливается в форме *гурей*¹² ‘неудачный улов (пролов), малый улов на промысле’ [Гемп 2004:

¹² Возможно, ударение восстановлено ошибочно. При перепечатке этих данных [СНРРА, 2/1: 40] воспроизводит формы так: арх. *гурья* (уд.?) *спробовать*, *гурьем воротится*: «Гурья пока на путине спробовал. Ходил на сига-заледку, а гурьем воротился». Здесь упущен вариант *с гурьем*

390]. В Онежском районе Архангельской области сотрудники нашей экспедиции записали формы *гүрей попал*, *гүрье принести* ‘вернуться с охоты, рыбалки и т. п. ни с чем, с пустыми руками’ [СГРС, 3: 166], арх. онеж. *гүрий* ‘неудача при рыбной ловле’: «Что у тебя? *Гүрий?* Ничего не принес» (Кондратьевская) [КСГРС].

2.3. В ряде случаев мы сталкиваемся с ожидаемым **расширением семантики**, когда с *гүрием* связывается неудача не только на рыбалке, но и в другой промысловой деятельности — на охоте, при сборе грибов и ягод: арх. онеж. *гүрей* ‘неудача в охоте или рыбной ловле’: «Я ницего не убил, то и *гүрей*» (Пурнема) [АОС, 10: 157]; арх. онеж., мурман. терск. с *гүрьем* (*прийти, приехать*) ‘о том, кто вернулся порожняком (с рыбалки, промысла морского зверя, охоты и др.)’: «Сегодня з *гүрьем* она — из лесу пришла, ницего не набрала, или без рыбы» (Онеж, Подпорожье), «Мужики поехали невода посмотреть, а там ницего. Ну, с гүрьем приехали. Из леса с гүрьем пришёл — ни грибов, ни птицы» (Терск, Чапома); «С *гүрьем* пришел — не подстрелил ницего, ницего не добыл» (Терск, Чаваньга), «*Пришёл с гүрьем* с охоты, рыбалки — ну, ницего не поймал, не принёс, руки пустые» [АОС, 10: 157; ЛКТЭ].

Современные информанты, как правило, не могут ответить на вопрос о том, что за *гүрей* или *гүрье* выступают в этих идиомах; есть случаи, когда им известны оба *гүрия*, но связь между ними, как говорилось выше, не улавливается. Такая деэтимологизация ярко проявлена в арх. онеж. *без гүрия* (*прийти*), *даже гүрия не поймать* ‘прийти с пустыми руками’: «Не часто это слово слышала. Только о рыбалке: пришёл с рыбалки *без гүрия*. *Даже гүрия* не поймал. А про самого *гүрия* не знаю» (Яковлевская) [КСГРС]. Здесь *гүрий* становится как бы объектом лова, а информантка, которая рыбачит около 70 лет, не знает, что такое *гүрий* (даже думала, что это нечто одушевленное). Разведению двух *гүриев* способствуют и формальные моменты: слово с семантикой неудачи чаще, чем лексема с ориентационным значением, выступает в собирательной форме.

2.4. Ситуация неудачи, «порожняка» таит в себе большой заряд экспрессии, поэтому *гүрий* может быть вписан в сценарий оскорбления. Если учесть особенности символизации оскорбления в рамках традиционной культуры, то неудивительно, что мы встречаемся с **ритуальным оскорблением** — как на манипулятивном уровне, так и на вербальном. В нашем материале традиция ритуального оскорбления, разворачивающаяся вокруг такого символа, как *гүрий*, отмечена в селах Терского берега Белого моря, ср. материалы любительского словаря Н. Д. Кушкова: терск. *гүрьи*, *гүрье*, *гүрья*, обычно в сочетании *показать гүрья*: ‘рыбачья традиция в шутку высмеять рыбаков-объездчиков, вернувшихся без улова. Обычно это делает женщина, но может и мужчина: надо поставить стул у самой двери, подняться на стул и, как только рыбаки откроют дверь, показать им голый зад, сняв штаны’ [Кушков 2011: 40]. В ходе полевой работы нам тоже удалось записать свидетельства об этом обычае: терск. *гүрьё* ‘в обряде: обнаженный зад, который показывают женщины мужчинам, когда те возвращаются с рыбного лова или промысла зверя с пустыми руками’: «Промышленник поехал невода проверять. Ему сёмга не попала. Женщины на берег бегут: “Ну чё, мужики, поймали? Ах, нет? Ну вот вам *гүрьё*, раз порожняком приехали”. Ну и прямо на берегу повернётся и зад ему голый покажет» (Чапома); *гүрьё*, *гүрья* *показать* (*показывать*): «“Ну цего, *гүрьё* вам *показали*?” — это бабы прикалывали мужиков. Возвращаются те с проверки неводов — и бабы бегут к ним: “Ну цего, как сходили, поймали цего или с *гүрьём*?” А потом подымет подол и покажет задницу» (Чаваньга), «Сёмгу не поднял, не поймал в неводах — надо уколоть этого рыбака, показать гүрья. Хозяйка подходит к берегу, если видит, что одна камбала у рыбака — она показывает гүрья: юбку поднимает, задницу кажет» (Кашкаранцы), «А бывало и так. Бабы бегут на берег, а мужики-то им врут: мол, пустые пришли. Ну, бабы *гүрья* *показывают*. Мужики в ответ как достанут сёмгу! Чтоб не бабы их позорили, а они баб» (Чапома) [ЛКТЭ].

ворочаться; что касается формы *гүрьём*, то *ё* в ней тоже может быть гиперкоррекцией (выравнивание по логике ударного варианта *гүрёй*).

Как мы уже видели, ситуация рыбалки легко расширяется до ситуации любого промысла — и *показ гурия* становится расплатой за неудачу при сборе грибов, ягод, охоте, ср. терск. *гүрий показатъ*: «Гурий баба какая покажет — на четвереньки встанет и штаны сымет. Ты ничего не поймал — ну, *гурий покажу* тебе! Грибов не принес. Это как поза такая. А кто такой *гүрий* — не знаю!» (Стрельна) [ЛКТЭ]. Возможно и более кардинальное расширение семантики: описываемая ситуация утрачивает обрядовую составляющую и превращается в сугубо бытовую, ср. терск. *гүрья показывать* ‘ходить с голыми ягодицами’: «Бабушка — внучке: “Ты чего тут ходишь, *гүрья показываешь*? Ну-ка, иди трусики надень!”» (Чапома) [ЛКТЭ].

Группа значений, связанных с обнажением (и особенно последнее из них, функционирующее вне обрядового контекста), перекликается со значением ‘куча экскрементов’, которое было представлено выше, ср. терск. (*тебе*) *гүрий придется делать* ‘возглас, обращенный к неудачнику, которому не удалось поймать рыбы’: «Ловили где-то, ничего не поймал ты. Ну, говорят, *тебе гурий придется делать*! Значит, нечем тебе это место отметить, только своим гурием, своим дерьмом, а больше ничем не можешь» (Кузрека); терск. (*тебя*) *придется посадить на гүрий* ‘то же’: «Едут первый раз ловить треску. Ну, кто-то незадачливый, ничего не поймал. Ну, пустой ты едешь, *тебя на гурий придется посадить*! *Гүрий* — дерьмо. Его на собственное дерьмо обещают посадить. Грубо это» (Умба) [ЛКТЭ]. В этих двух примерах отражено моделирование новых «обценных» квазиритуалов: неудачника грозят посадить на кучу дерьма или предлагают сделать ее на месте неудачного промысла. Смысловые «узлы», связанные с обнажением и с экскрементами, сложились независимо друг от друга, но надо предположить, что они взаимодействуют в синхронной языковой системе и усиливают друг друга.

Нельзя не отметить также, что ритуальное обнажение, описываемое значениями изучаемых лексических единиц, имеет культурную обусловленность. Так, в славянских традициях «демонстрация голый задницы и гениталий считалась оскорблением» [Агапкина и др. 2004: 358]; такое обнажение имело разработанную практику символического использования¹³. В случае рыболовного или охотничьего промысла символический смысл именно женского обнажения усиливается, по всей видимости, тем, что «женщина как существо “нечистое” традиционно представлялась опасной для мужчин, занятых различными промыслами и другой “профессиональной” деятельностью. Она не должна была показываться босиком или распоясанная перед пастухом. Близкие по типу запреты распространяются на охотников и рыболовов» [Агапкина, Топорков 2001: 11]. Еще одна деталь. Женское обнажение в конце промысла может быть своего рода перевернутым отражением тех обычаев, которые были характерны для начала промысловой деятельности: так, в Водлозерье¹⁴ перед уходом на промысел охотник должен был пронырнуть между ног супруги, встававшей для этого на две скамейки [Логоинов 2006: 143].

Наконец, относительно происхождения мотива оскорбления в связи с *гурием* можно высказать и такую гипотезу. Если учесть географию мотива (Терский берег Белого моря), то стоит предположить, что здесь могли отразиться верования саамов. Как говорилось выше (см. цитату из работы В. Харузиной), у саамов отмечалось даже ритуальное «избивание» сейда или откалывание куска от камня.

¹³ Ср. некоторые примеры: «У сербов старые люди строго следили за тем, чтобы не повернуться голым задом на восток, на запад и навстречу солнцу. Известны исторические материалы, согласно которым женщины во время боевых действий и при осаде городов показывали неприятелю гениталии, оскорбляли и ругались матерно. В повести о нашествии Тохтамыша на Москву в 1382 г. сказано, что москвичи, взбираясь на стены, ругались и показывали срамы свои; в XVII в. во время осады войска Лжедмитрия в Кромах то же делала потаскуха, выходя на гору в чем мать родила, и пела поносные песни о московских воеводах. Сербские женщины уже в конце XIX в., во время борьбы племен Кучи и Пипери, задирали юбки, обнажали свою срамную плоть и, похлопывая ее ладонью, кричали на противников» [Агапкина и др. 2004: 358].

¹⁴ Это территория в северо-восточном Обонежье, на юге Карелии, которая соседствует с зоной фиксации разнообразных *гуриев*.

2.5. При ритуальном обнажении *гурий* как бы **опредмечивается** (*показать гурий* = *показать задницу*), ср. также отмеченное выше опредмечивание *гурия* в образе кучи дерьма. Опредмечивание демонстрирует естественное для наивного языкового сознания желание референциально определить *гурий*. Такая референциальная отнесенность вторична и неустойчива, она может варьировать в широком диапазоне — от конкретных явлений к абстрактным понятиям. Очередной сдвиг запечатлен в арх. онеж. *от гурья уйти* ‘вернуться с промысла не с пустыми руками, а с уловом’: «На зимней рыбалке слышала: ну слава Богу, *от гурья ушёл*. То есть поймал сколько-то рыбы» (Яковлевская) [КСГРС]: здесь *гурий* приравнивается к позору, стыду (*уйти от гурья* = *уйти от позора*).

2.6. Сочетание *от гурья уйти*, отмеченное в говорах Поморского (южного) берега Белого моря, помогает пролить свет на **происхождение глагола *отгурьяться***, который зафиксирован нашей экспедицией на противоположном (северном) Терском берегу (в словарях отсутствует). Этот глагол означает ‘завершить рыбалку (охоту) результативно, с (хорошим) уловом’: «Ну, *отгурьялись*, если в сети попало что-то» (Чаваньга); «Пошли впятером ловить рыбу. Один первую поймал, хорошую, — а остальные нет. Ну, говорят, *отгурьялся* уже. Ну или за всё время один много поймал, а у других мало. Про него скажут: *отгурьялся* он» (Варзуга); «Ну, где-то на тоне побывал, *отгурьялся* уже, домой вернулся, рыбки принес» (Стрельна); «Человек пришёл и насобирал всё, что ему надо: *отгурьялся* — насобирал довольно. Выловил рыбы — тоже *отгурьялся*. А не *отгурьялся*, так скажет: по нулям у меня, ничего нет» (Варзуга) и др. [ЛКТЭ].

В ходе полевой работы мы пытались задавать информантам вопросы, стимулирующие метаязыковую (мотивационную) рефлексию, связанную с этим словом. Было установлено, что никто из информантов не связывает глагол *отгурьяться* с «ориентационным» *гурьем*, но некоторые (не все) видят связь между этим глаголом и выражениями типа *гурья показать*, ср.: «Ты *отгурьялся*? — Нет, не поймал ничего. — Я тебе в следующий раз *гурья покажу*. Рыбаки приехали — а кто-то встречает. Да, я *отгурьялся*! Мне *гурья* не покажут. Я обловился — поймал. Значит, *гурья* мне не будет! Я обловился, я *отгурьялся*, от *гурья* защищен» (Чапома) [ЛКТЭ]. Таким образом, слово *отгурьяться* понимается как «уход» от *гурья* (*гурья*) как неудачи. С точки зрения словообразовательной семантики интересно сравнить оттенки синонимии двух глаголов, выступающих в последнем контексте, — *отгурьяться* и *обловиться*: благодаря значениям приставок, первый глагол ставит акцент собственно на удаче промысла, а второй — на избежании неудачи. Приставка *об-* *обловиться* имеет значение доведения действия до некоторого предела; ср., кстати, значения глагола *обрывиться* — уральск. ‘поймать много рыбы’, влг. ‘получить, добыть, насобирать чего-либо’ [СРНГ, 22: 217]. Что касается приставки *от-*, то она в составе глагола *отгурьяться* имеет значение уклонения, удаления, при этом в контекстах может эксплицироваться еще один смысловой нюанс, ср. «Ты на озеро сходил, *отгурьялся*? — Да, *отгурьялся*, слава богу, не то, что вчера!» (Чаваньга): здесь реализуется контекстное значение ‘поймать рыбу (зверя) после неудачного промысла в прошлый раз’, т. е. семантически *отгурьяться* аналогизируется с *отыграться*.

Показательно, что семантика глагола *отгурьяться* может испытывать расширение, при котором «промысловая» детализация уходит, ср. терск. *отгурьяться* ‘сделать что-либо результативно, удачно’: «Отгурьялась, как в магазин сходила: яблоки привезли. Отгурьялась сегодня: три гряды прополола» (Варзуга) [ЛКТЭ]. Тем самым глагол может пополнить коллекцию лексических фактов, реализующих модель ‘удача на охоте, в рыбной ловле’ → ‘везение, удача, успех’ [Урбанович 2007: 87–90]. Эта коллекция небольшая, но выразительная в этнолингвистическом плане, поскольку демонстрирует «рыболовоцентричный» взгляд на мир носителей русского языка — по крайней мере, тех, кто принадлежит озерной, речной или морской культуре¹⁵.

¹⁵ Кстати, приведенный выше глагол *обрывиться* тоже заслуживает попадания в ту группу фактов, которые рассматривает Г. И. Урбанович.

Помимо расширения семантики, возможны также смысловые сдвиги, когда *гурий* «смещается» с промысловой неудачи на другие ее виды — например, с оци о культурную. Так, девушку-«обладательницу» *гурия* не приглашают на танцы, ср. карел. онеж. *отвести от гурья* ‘избавить девушку от одинокого сиденья на вечеринке (без кавалера)’: «Кто в тальяночку играет, Тот и песенки поет, Кто кисеты получает, Тот *от гурья отведет*» <частушка> (1931) [СРНГ, 24: 140] (при *отвести* ‘избавить от чего-либо’), олон., онеж. *прийти (просидеть) с гурьём* ‘просидеть на вечеринке без кавалера’: «Что, пришла домой с гурьём? Что, просидела вечеринку с гурьём?» (1931) [СРНГ, 7: 240]. Неудача на танцах для носителей народной традиции — очень серьезный вид неудачи: это происходит на глазах у всего социума (и собственно танцы, и последующие гуляния-проводы девушки) и влечет за собой, как правило, матримониальные следствия (отказ парня жениться на девушке). Неслучайно представления о такой неудаче широко вербализуются в диалектной фразеологии, переключаясь или совпадая по своей мотивационной основе с лексическими единицами, обозначающими собственно измену, ср. примеры и их анализ в [Кучко 2017: 208–211]: новг. *подсыпать рыжики кому, прокатить на вересине кого* ‘изменить, нарушить верность’: «Прокатила тебя милашка на вересине, вчера цельный вечер с Вовкой Смирновым танцевала, говорят, и провожаться пошли вместе», влг. *труба тебе* ‘об измене’: «Если парень гулеет с девкой, а на беседе позовёт другую, так той девке и говорят: “Тебе труба сегодня”» и др.

III. Перейдем к собственно **этимологической части**.

3.1. Надежной этимологии у слова *гурий* нет. Рассмотрим существующие версии.

3.1.1. А. Е. Аникин с осторожностью предлагает связь с антропонимом *Гурий* — либо в честь мученика Гурия, либо в память о человеке, впервые воздвигнувшем каменный *гурий* или *гурей* [Аникин РЭС, 12: 254]. При этом конкретные исторические доказательства отсутствуют, есть только гипотетическая параллель: название города *Гурьев* в Казахстане, поименованного в честь основателя, Гурия Назарова [Там же].

Думается, что если проверять эту версию для анализируемого нами *гурия*, то надо отталкиваться от предположения о св. Гурии (имя «профанного» исторического персонажа могло бы лечь в основу названия населенного пункта, покоса и пр., но для обозначения каменного ориентира такая номинативная модель нам не известна). Что касается святого, то в русской народной христианской традиции отмечен культ св. Гурия, Самона и Авива¹⁶, при этом у новгородцев этот культ достаточно заметен (см., например, [Алексеева 2021]). Он прослеживается и на территориях новгородской колонизации, в том числе на Русском Севере. Есть несколько ярких примеров, показывающих, что имена Гурий, Самон и Авив (с многочисленными вариациями) представлены в заговорной традиции Русского Севера. Так, среди заговоров, записанных в населенных пунктах бассейна Северной Двины, присутствуют тексты, обращенные к мученикам свв. Гурию, Самону и Авиву как покровителям супружества и брака; к ним же могли обращаться для отыскания краденного, при отправлении в путь или в целях обеспечения удачного улова: «Святые великие мученики Бурья и Симон и Оиф, помолите Бога о мне грешной» [Васкул 2016: 416]. В Карелии отмечены заговоры, произносимые при отъезде в дорогу, обереги перед входом в лес: «Едем мы в дорогу, стоит Матерь Божия у порога и Спаситель Николай. (...) Гурей, Самон и Авив — поручители мои, выручите нас из беды!» (Водлозерье) [Логинов 2006: 215]; «Апостолы Сим, Гурий, Овин, помогите мне набрать ягод (грибов...)» (Прионежский район Карелии) [РЗК: 115, № 344]¹⁷.

¹⁶ Гурий, Самон, Авив (III–нач. IV в.), мученики, исповедники (память 15 ноября по ст. ст.).

¹⁷ Заговорные тексты с обращением к Гурию, Самону и Авиву (о счастливой жизни в браке, об отыскании украденного, о рыбной ловле) отмечаются также на территории Вологодской губернии, Олонецкой губернии [РКЖБН 2007: 375, № 226; РЗРИ: 117, № 60]. По свидетельству из Белозерья (нач. XX в.), «святых этих Гурия, Самона и Авива чтут колдуны» [РЗРИ: 237].

При том, что упоминания этих святых в культурно-языковой (заговорной) традиции Русского Севера вполне явственны, их все-таки нельзя считать частотными: так, среди заговоров на удачу в рыбной ловле с большим отрывом «лидируют» тексты, обращенные к Николаю Чудотворцу (а не к Гурию, Симону и Авиву). Это обстоятельство не позволяет думать, что семиотический потенциал агнонима *Гурий* настолько силен, чтоб стать непосредственным мотиватором изучаемого нами нарицательного имени *гурий* в ориентационном значении (и производном от него значении неудачи). Однако вполне вероятно вторичное влияние имени святого (и стоящих за ним коннотаций): это имя может внести свой **мотивирующий вклад** (подчеркнем, **вторичный!**) в формирование той семантики слова *гурий* и под., которая связана с удачей в промысловой деятельности.

3.1.2. Нет однозначного ответа об этимологических истоках *гурия* и у С. А. Мызникова. Предлагаемые им в [Мызников РДЭС: 171–172] подходы (игра слов на русской почве, возможная связь с семантически близким термином *кекур*¹⁸, сопоставление с фин. *hura* ‘беспорядок, разруха’ при карел. *hura* ‘левый; необычный, чужой’) в равной степени дискуссионны.

3.1.3. Авторы данной статьи проверили еще одну версию, которая была подсказана наличием в словарях русского языка XVIII в. терминологического сочетания *гуроватые горы* ‘под сим наименованием разумеются у рудокопов горы из слизкого или мыловатого камня состоящие’ [Яновский, 1: 652]; то же со ссылкой на Яновского в [СлРЯ XVIII, 6: 15]. Это близко сочетанию *гуреватый бережок* (*наволок*), обладающему несомненной производностью от *гурия* (см. раздел 1.6 настоящей статьи). Слово *гуроватый* (о горе) производно от *гур* — ‘у рудокопов так называется минеральная течка в горах, которая не что иное есть как материя, наподобие коровьего масла, из камня выступающая. Зеленый цвет сей материи показывает руду, содержащую медь, алой висмут и кобальт, а белый цвет обыкновенно серебро. Темно-цветные и желтые гурсы свойственны почти всем металлам’ [Яновский, 1: 652]. Это слово восходит к лат. *gur* < греч., непоср. и через нем. *Guhr* ‘то же’ [СлРЯ XVIII, 6: 15]. Термин *гур* встречается в минералогических сочинениях XVIII в. (см., к примеру, [Севергин, 1: 342, 500–501]), но в более поздних источниках отсутствует, будучи заменен другими обозначениями натеков. Следует отвергнуть возможность его связи с *гурием*, поскольку эта версия слаба и в формальном плане (неясен переход *гур* > *гурий*), и в плане семантики (*гур* — это именно натек, называемый также *плавучим мелом* или *горным мозгом*, что далеко от значения ‘каменная пирамида’), и в плане социолингвистических обстоятельств заимствования (непонятно, как термин, бытовавший в узкоспециальном контексте горного дела, проник в поморскую народную традицию).

3.2. Отвергая те версии, которые изложены выше, мы сочли необходимым обратиться к языкам и традициям **других этнических коллективов Кольского севера** — саамским, прибалтийско-финским и скандинавским. Каждый из названных языков может в той или иной степени рассматриваться в качестве источника поморского *гурия*.

3.2.1. Так, кажется естественным с учетом практиковавшейся саамским населением полуострова сакрализации каменных кладок и отдельных валунов, культурой почитания сейдов (saN *siei'di*, saKild *si'jd*, saT *siej'de*) искать **саамские истоки** термина. Сам термин был известен всем саамским языкам и имеет древнескандинавские истоки [Parola 2004: 235]. Однако для называния сейдов в финской Лапландии чаще использовали термины *voai'ke*, *šeäl'si*, *šihhti*, *pālvuš* [Itkonen 1948, II: 313], в норвежской, в свою очередь, для именованья священных камней был известен термин *vero* или *verogerke* [Kjellström 1987: 29], а в русской *tāppe* или *sijty-tāppe* [Genetz 1891: 59]. Не все из них прозрачны этимологически. Можно полагать, что по крайней мере *šihhti* имеет единые корни с приоб.-фин. *hiisi* : *hiiden* < **šijti* ‘священное место; могильник; могучий злой дух’, *pālvus* является именным производным от глагола *palvat* ‘поклоняться’, а *vero* ‘жертва, (жертвенная) еда’ является, очевидно, прибалтийско-финским заимствованием [Álgu]. Просмотр относительно широкого круга этнографических описаний и словарей отдельных саамских языков / диалектов

¹⁸ Подробнее об этом слове в разделе 1.5 настоящей статьи.

выявил один термин, в звучании своем приближающийся к *гурию*. В нескольких говорах диалекта колтта (говоры Патсойоки и Суоникюля) на самой границе России, Финляндии и Норвегии фиксируется лексема *urrâ* ‘пирамида из камней’ [Nielsen, III: 702]. В словаре Т. И. Итконена для *urrâ* ‘пирамида из сложенных друг на друга камней (особенно расположенная на вершине горы); каменная стена’ предлагаются скандинавские корни [KKLS, I: 701]. Сам конкретный скандинавский источник не указывается — ни здесь, ни в известной саамской этимологической базе данных Ålgu. С учетом же того, что термин неизвестен остальным саамским языкам / диалектам, бытующим на территории Норвегии, Швеции и Финляндии, а представлен только в зоне активных поморских контактов, за ним логично видеть не столько скандинавский, сколько русский источник в виде *гурия*. Это тем более вероятно, что единственный этнографический контекст, приведенный в словаре Т. Итконена в статье *urrâ*, схож с соответствующими поморскими: *te urre mennim* ‘да к «гурию» пошел / попал’ — слова охотника, возвращающегося домой без добычи [KKLS, I: 701]. Небезосновательно, таким образом, полагать, что слово было усвоено не поморами от саамов, а, наоборот, перешло к последним от русских поморов в результате активных контактов в районе Мурмана, восточного Финмарка и всего Кольского полуострова.

Такова же ситуация и в более восточных саамских языках Кольского полуострова, в которых не удалось обнаружить оригинал для *гурия*. Примечательно следующее описание от 1876 г., приведенное в путевых заметках известного финского языковеда XIX в. Арвида Генеца. В языке терских или йоканьгских саамов он отмечает термин *tâppe* или *sijty-tâppe*, называвший каменные кучи высотой в 1 ½–2 ½ локтя, располагавшиеся у дорог или в гаванях и помечавшие места, в которых «побывал некий плохой дух». По-русски их называли *гуриями* или *сидушками*, и для вымаливания хорошей погоды им жертвовали хлеб с солью, серебро или медные пуговицы, а в недавнем прошлом у таких *tâppe* совершался и обряд жертвоприношения оленя [Genetz 2008: 50]. Примечательно, что для В. В. Чарнолуцкого, комментирующего материалы Генеца, «сейдовая» суть гурьев как «обиталищей духов» остается под вопросом, на передний план выносятся их предназначение быть дорожными знаками [Чарнолуцкий 1930: 54–55]¹⁹. Однако оба автора, согласны, кажется, в том, что термин *гурий* является фактом русской, а не собственно саамской речи: А. Генец прямо отмечает это в тексте, а В. В. Чарнолуцкий пишет его кириллицей, в то время как *tâbbe* (у Генеца *tâppe*) — латиницей. Есть и еще один показательный факт поморского, т. е. русского бытования слова и его обрядового контекста в терском саамском. Описывая неудачную рыбалку саамов на Поное во время осенней путины, Генец пишет, что «рыбаки возвращались “*s gurjami*” <с гурьями>, т. е. с пустыми руками» [Genetz 2008: 31], используя русское выражение.

3.2.2. Если все-таки в контексте значительных скандинавских связей Кольского полуострова уже в начальные века II тыс. н. э. иметь в виду возможность **скандинавской этимологии** для колтта-саамского слова *urrâ*, то внимание привлекает швед. диал. *harg*, *horg*, *horv* ‘пирамида, сложенная из камней’, норв. *horg* ‘капище, место языческих приношений с жертвенником из камня’, диал. ‘вершина холма’ при др.-сканд. *horgr* ‘пирамида из камней, жертвенный комплекс, каменный алтарь’ [Vries 2000: 281; Kroonen 2013: 211]. Термин отмечен уже в Старшей Эдде в середине XIII в. [ONP]. При этом он имел семантику сакрального места уже в древнегерманской перспективе [Kroonen 2013: 211]. Сходное по семантике и звучанию слово имеется и в кельтских языках (например, др.-ирланд.,

¹⁹ Ср.: «...у дорог или несколько в стороне от них стоят столбы выше человеческого роста из наложенных друг на друга камней. Будто бы они похожи на человека. Называются они *гуриями*. И *гурии*, и *tâbbe* стоят на высоких местах и видны издалека. (...) Возникают *tâbbe* следующим образом. Если лопарь или группа лопарей заблудилась и затем счастливо нашла правильный путь, на наиболее приметном месте ставится знак. Теперь на дороге можно встретить массу *гурийков* — это ребята балуют во время переездов. Родители подобного баловства не запрещают, тогда как прежде не позволяли» [Чарнолуцкий 1930: 54–55].

гэльск. *carn*, откуда совр. англ. *cairn*); предполагается, что и в германских, и в кельтских языках слово является доиндоевропейским заимствованием [OED; Kroonen 2013: 211]. При этом какая-то традиция, связанная с привязкой данных сложений к промысловым практикам населения, нам не известна²⁰. Косвенно интерпретация поддерживается как наличием целого ряда скандинавских заимствований в саамских языках, так и сакральной семантикой слова. Непреодолимых фонетических сложностей для выстраивания скандинавской этимологии, кажется, нет, особенно с учетом того, что выпадение начального скандинавского медиального *h* укладывается в свойственную восточным саамским диалектам особенность адаптации скандинавских заимствований [Aikio 2006: 10]. Правда, фонетически сопоставление все же не безусловно, особенно в связи с игнорированием конечного взрывного *g*. Кроме того, предположная (под вопросом) скандинавско-саамская связка продуцирует, скорее, помор. *урий*, чем *гурий*. Может ли здесь быть какой-то другой путь, например, прямое, не опосредованное саамской языковой традицией проникновение термина из норвежского в поморские говоры? Оставляем вопрос без ответа, хотя именно такой путь прошли некоторые известные скандинавские заимствования в Поморье [Березович 2019].

3.2.3. На этом фоне с фонетических, в меньшей степени семантических, позиций привлекателен **прибалтийско-финский источник** в виде *hurri* и производных от него *hurrikas*, *hurrikainen*, которые входят в круг терминов, использовавшихся в номинации деревьев-знаков, распространенных у прибалтийско-финских народов. Формальная сторона сопоставления не вызывает возражений: общеизвестны передача приоб.-фин. геминат одиночными согласными, как и воспроизводство приоб.-фин. ларингального фрикатива *h* в виде севернорусского *г* в позиции перед гласным, они хорошо доказываются массовыми лексическими и топонимическими свидетельствами. Нарращение *-й* после конечного прибалтийско-финского гласного также укладывается в ряд аналогичных примеров, пусть и не столь многочисленных: ср. приоб.-фин. *кокуй* ‘Иванов день’ — *kokko* ‘праздничный костер’, *куккуй* ‘белый хлеб, мякушка’ — *kukko*, *халуи* или *холуи* ‘подводный камень’ — *kalu* [Мызников РДЭС: 321, 364, 842]. Оно убедительнее в топонимии, где засвидетельствованы и случаи закрепления *й* в позиции после гласных переднего ряда: в Заонежье остров *Ленай* (*leppä* ‘осина’), мыс *Пырей* или *Пырейнаволок* (*perä* ‘задний’), заливы *Ильней* (*yline* ‘верхний’), особенно *Калийгуба* (*kalli* ‘скала’), урочище *Ловгий* (*louhi* ‘каменоломня’) и др. [КТК]. За этим стоит, конечно, специфика русских ауслатных безударных гласных на фоне прибалтийско-финских, отличающихся в этой позиции полновзвучием.

Семантическая аргументация более зыбка. В говорах северной Финляндии, финской Лапландии [Sarmela 1994] *hurri* и его производные обозначают дерево, которое обрубалось специальным образом в честь неофита — например, гостя, впервые посетившего дом; косца, пришедшего на новый покос; нового члена артели, первый раз присоединившегося к ней на охоте или рыбалке. Обрубались ветки сосны или ели в нижней и верхней части ствола, в средней оставляли одну-две (или целый круг) ветки, вершина сохранялась. В результате дерево (сосна, ель) приобретало антропоморфные очертания. Нередко на стволе делался затес, а иногда вырезалась антропоморфная фигура. Неофит должен был обязательно отдарить вырубившего дерево. Впрочем, иногда *hurri(kas)* вырубал и сам новичок, помечавший таким образом свое пребывание на новом для себя месте. Считается, что процесс вырубания личного дерева — это «сотворение отсутствующего <в новом месте> духа-покровителя» [Конкка 2013: 87]. Однако со временем функции модифицировались, как модифицировалась и семантика слова. На первый план выходила чисто прагматическая функция такого помеченного дерева как своеобразного дорожного знака. Показательно в связи с этим, что саамские говоры, усвоившие слово, отразили разные этапы его семантической жизни, внося в нее дополнительно и свое содержание. В северосаамском отмечен *hur'ri* ‘впервые посетивший какое-то место или дом человек’ [Sammallahhti 1989], в саамских говорах северной Швеции *hurrek* приобрело значение метки

²⁰ Благодарим за консультацию Т. Н. Джаксон, Ф. Б. Успенского и А. И. Фалилеева.

на стволе дерева, отмечающей дорогу [SSA], *hure-* ‘приметное окарзанное дерево, показывающее путь’ [Wiklund 1890].

Можно полагать, что в условиях Поморья, его скалистых берегов с малой облесенностью традиция сакрального дерева могла трансформироваться в традицию сакрализации каменной пирамиды, тем более под влиянием саамского почитания камней. Хорошая параллель — саамская традиция деревянных сейдов (фин. *puuseidat*) — деревьев с обрубленными нижними ветками или обрубленных на высоте одного метра стволов, которым придавали антропоморфные черты и вырезали иногда личину. Функционально они были аналогичны каменным сейдам [Pentikäinen 1995: 152–153]. В этом же контексте обращает на себя внимание известный у беломорских карелов обычай устанавливать рядом с сакральными деревьями кресты, а также оставлять под ними камень для удачи в пути, так что со временем образовывались целые каменные кучи [Конкка 2003: 225–226]. Выше мы писали о поморской замене каменного гурия деревянным, если камня под рукой не оказывалось.

Традиция вырубания дерева в честь нового члена охотничьей или рыболовной артели, как и номинация новичка *hurri(kas)*, известна по крайней мере со Средневековья [Sarmela 1994]. Сейчас и сам термин, и традиция присутствуют преимущественно в языковом ареале саволакских и северных ботнических говоров, которые (особенно первые) исторически «выросли» из древнекарельского. Карельский контекст важен в связи с поморским *гурием* потому, что именно карелы были на протяжении многих веков важным компонентом в этническом составе населения, что подтверждается документально уже начиная с новгородской эпохи. Земельные владения «корельских детей», т. е. карельских феодалов из Северо-Западного Приладожья, располагались на Карельском и Терском берегах Белого моря, а упоминания о самих «корельских детях» встречаются в грамотах 1460–1470-х гг., имевших отношение к Поморью. Формирование значительной части поморской территории происходило на землях, основным населением которых к моменту появления славянских переселенцев являлись карелы. При этом исследователи признают, что прямой саамско-русский контакт исторически здесь был редок, а происходил через карельское посредство, поскольку во многих местах карелы предшествовали новгородцам [Бернштам 1978: 55, 62]. В русских говорах и топонимии Поморья присутствует значительный карельский след, которым может быть и термин *hurri*. Хотя он лишь фрагментарно засвидетельствован в современных карельских диалектах, есть некоторые косвенные свидетельства его былого существования, в том числе древнекарельские корни диалекта Саво, а также универсальная закономерность консервации языковых единиц на окраине языкового ареала. К числу таких косвенных свидетельств могут относиться и бытующие в Беломорской Карелии выражения *piäsi huu'reilta* <освободился от гурия> ‘о рыбаке, поймавшем первую рыбу, или охотнике, убившем первого зверя’, *tulou huu'reissa kotih* <пришел домой с гурием²¹> ‘о том, кто вернулся без добычи’, *et piässhyn huu'reilda* <не освободилась от гурия> или *koko illan istu huu'reilla* <весь вечер сидит на гурии> ‘говорили девушке, которую не приглашали танцевать’ [KKS]. С одной стороны, они аналогичны соответствующим русским поморским выражениям (см. выше раздел 2.3) и могут быть их кальками, с другой, в фонетическом облике присутствует явный карельский маркер — начальный *h*, а не *k* или *g*, которые последовательно выступают на месте *g* в русских заимствованиях, ср. кар. *kupa, guba* ← русск. *зуба* ‘залив’, *kuatiet* ‘штаны, подштанники’ ← др.-русск. **gatja*, русск. *зачи, kostja, gost'a* ← *гость* [SSA; Kalima 1952: 90–91] и др. Не есть ли это след карельского прошлого в жизни *гурия*? Отсутствие прямых бесспорных свидетельств ослабляет (древне)карельскую интерпретацию *hurri*, но не отвергает ее совсем. Впрочем, следует иметь в виду и возможность более позднего по времени влияния говоров территории северной Финляндии, где термин *hurri* фиксировался уже в XVI в. [Nirvi 1982: 88]. Нужен дальнейший поиск, тем более что и у самого прибалтийско-финского термина нет окончательной этимологии. По одной версии, он входит в круг терминов свадебной обрядности

²¹ Буквально «в гурии».

[Ibid.], другая исходит из известной средневековой европейской традиции приема новичка в профессиональную артель [Vilkuna 1952].

На этом этапе поиска этимологических истоков поморского *гурия* сложно отдать предпочтение какой-то из предложенных (в данной части раздела 3.2) версий. Каждая из них (прибалтийско-финская, собственно скандинавская или скандинавская, опосредованная саамской языковой традицией) имеет основания как в этнокультурной истории региона, так и в языковых параметрах. В то же время не исключаются другие возможности, вплоть до палеоевропейской интерпретации — в силу присутствия в саамских языках мощного доиндоевропейского субстрата [Хелимский 2002: 84] и устойчивости терминологии са-кральнoй жизни.

Заключение

Коротко подведем итоги. Рассмотренное в статье слово *гурий* «больше, чем одно слово»: оно подобно той каменной пирамиде-ориентир, которую обозначает. Во-первых, оно является вершиной большого семантико-деривационного гнезда, соединяющего множество значений, не связанных в синхронной плоскости между собой, но обнаруживающих крепкие связи реальных материальной и духовной культуры; во-вторых, его история проливает свет на особенности взаимодействия разных лингвогенетических и социолингвистических традиций Поморья.

В семантико-деривационном гнезде с вершиной *гурий* выделены два лексических блока: 1) слова с базовым значением ‘каменный ориентир’ и их производные, 2) лексика, группирующаяся вокруг ядра ‘промысловая неудача’. В каждом блоке есть слова, находящиеся на разном смысловом расстоянии от вершинного слова, в том числе весьма удаленные от него. Так, *гурий* ‘куча экскрементов’ и *гурья* ‘указательные знаки из квашни (при гада-нии)’ нетривиально связаны с базовым значением первого блока, а глагол *отгурьяться* ‘сделать что-либо результативно, удачно’ и выражение *отвести от гурья* ‘избавить де-вушку от одинокого сиденья на вечеринке (без кавалера)’ на несколько шагов «отошли» от семантики промысловой неудачи. При этом смысловые звенья внутри гнезда поддаются реконструкции, что позволяет дать семантико-мотивационную и этимологическую интерпретацию затемненных слов, входящих в гнездо, а также выявить культурный кон-текст, стоящий за рассматриваемым термином. В этом контексте наблюдается высокая ак-сиологичность денотата: промысловый ориентир — исключительно значимая реалья для жителей Русского Севера, он не только отмечает место улова и служит навигационным знаком, но и аккумулирует в себе другие функции, относящиеся уже не к практической деятельности, а к области духовной культуры: служит «памятником» событиям, «ору-дием» метеорологической магии. Удача на промыслах, связываемая с гурием, становится эталоном удачи вообще. Неудача же концептуализируется как отсутствие улова и ассоци-ируется с матримониальной неудачей (парень не приглашает девушку танцевать): пока-зательно, что выбираются именно те виды неудачи, которые переживаются на гла-зах социума, а потому особенно болезненны. Существенны также тесные связи между представлениями о разных видах промысловой деятельности (ловом рыбы, охотой, сбор-ом грибов и ягод) при ведущей для поморов роли рыболовства. Важная характеристи-ческая черта народной традиции видится и в том, что бытовая ценность предмета влечет за собой появление обрядовой деятельности, которая с ним связана, причем обрядовые действия «энантиосемичны» — от молений у *гурия* до «оскорбления» его путем ритуаль-ной демонстрации гениталий и апелляции к куче экскрементов.

Поиски этимологических истоков *гурия* вывели на две возможные интерпретации: скандинавскую (в том числе опосредованная саамской) и прибалтийско-финскую. Обе поддерживаются соответствующим историко-культурным контекстом и своим рядом

заимствований. Не исключено, что изначально скандинавский культурный феномен и его именование (сканд. **hǫrggr*), усвоенные в саамскую традицию (*urrâ*), получили новый импульс для развития благодаря созвучному прибалтийско-финскому *hurri*, откорректировав его звучание и усилив семантику сакрального знака. Известны примеры того, как сакральные символы другого этноса усваивались последующим или территориально смежным населением, сопровождаясь определенной модификацией в звучании и семантическом наполнении их наименований. В поморском *гурии* можно в принципе увидеть как наследие скандинавского термина, обозначавшего сложенную из камня пирамиду, так и прибалтийско-финского, связанного с манифестацией первого опыта (как правило, промыслового). Представляется, что прибалтийско-фин. *tehdä hurri* <сделать хурри> ‘об обрубании веток или ствола дерева в честь первого опыта, например, первой добычи рыбака или охотника’, логично продолжается в помор. *отгурьяться* ‘завершить рыбалку (охоту) результативно, с (хорошим) уловом’. Не исключено, таким образом, что неким импульсом для развития значения промысловой удачи / неудачи в поморской среде могла послужить свойственная прибалтийско-финскому термину *hurri* семантика неофита, первого удачного опыта.

Типологически *гурий* вписывается в ряд других культурных терминов с сакральной семантикой, которые получили разнонаправленное смысловое развитие в ходе жизни слова. Помимо *сейдов* из наиболее близких в «материальном» (каменном) выражении — это прибалтийско-финский термин *hiisi*, который прошел через несколько этапов семантической деривации: первоначально большой камень, бывший алтарем на языческом кладбище → языческое кладбище → роща, выросшая на его месте и сохранявшая память о культовом месте → место языческого поклонения, расположенное в глуши → гений этого места (черт, леший, водяной, тролль, лесной великан) с соответствующим комплексом фольклорно-этнографических представлений, см. подробнее [Березович и др. 2021]. При этом наиболее вероятная этимология возводит слово к скандинавскому истоку со значением ‘каменоломня, густой лес, пещера’ [SSA, 1: 162], так что сакральная семантика, представленная в скандинавском этимоне минимально, в полную меру развилась уже на прибалтийско-финском этапе.

Если признать этимологическую связь *гурия* с *hurri* ‘дерево-знак’, то он оказывается в одном ряду с прибалтийско-фин. *karsikko* — другим известным термином, называвшим приметные деревья, которые использовались в обрядах перехода, а также календарной и промысловой обрядности как ритуальный символ со значениями духа-охранителя. Затруднительно выстроить последовательный ряд семантической деривации для термина, демонстрирующего такую многоаспектность. Предполагается, что обширное смысловое пространство выросло из примарной охранной функции таких деревьев-оберегов. Таковы были первоначально и придорожные карсикко, вырубавшиеся с целью защиты путника (особенно неофита) в пути. Семантика придорожного знака, ориентира вторична. Предполагается, что такая идея защиты лежала изначально и в основе промысловых карсикко: оно не просто отмечало место удачной рыбалки, но служило своеобразным апотропеем, оберегом в ситуации нарушения мирового равновесия (слишком много рыбы попало); следовало сделать карсикко во избежание возможного несчастья [Конкка 2013: 43–44]. Менее многозначны промысловые деревянные столбы *keripää* ‘круглая голова’, *kalajumala* ‘рыбий бог’ или *puujumala* ‘деревянный бог’ — обрубленные стволы деревьев с круглым навершием, распространенные в прошлом в Лапландии и Беломорской Карелии. Это сугубо промысловые знаки, имевшие, очевидно, саамские истоки, но усвоенные впоследствии пришлым карельским и финским населением. Их вырубали при большом улове рыбы или жемчуга, а также добыче оленя или дичи и считали «деревянными богами». При этом в случае неудачного промысла их секли вицами — подобно тому, как наказывали сейды, откалывая от них кусочек. Для удачи же и под столбы, и под деревья-карсикко приносили камни, образовавшие со временем каменные сложения.

Поморские гурии естественным образом входят в эту переплетающуюся «каменно-деревянную» северную разнотничную традицию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- АОС — *Архангельский областной словарь*. Гецова О. Г. (ред.). М.: МГУ, 1980—. Вып. 1—.
- Бадигин 1956 — Бадигин К. С. *По студенным морям*. М.: Географгиз, 1956.
- Барсов 1882 — Барсов Е. В. *Севернорусский словарь. Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым. Ч. 2. Плачи завоенные, рекрутские и солдатские*. М.: Университет. тип., 1882, 317–335.
- Васкул 2016 — Васкул А. И. *Заговоры Северной Двины (по материалам экспедиций Пушкинского Дома 2009–2010). Русский фольклор: Материалы и исследования*. Рейли М. В. (ред.). СПб.: Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2016, 413–436.
- Гемп 2004 — Гемп К. П. *Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений*. 2-е изд., доп. М.: Наука; Архангельск: Поморский ун-т, 2004.
- Даль 1–4 — Даль В. И. *Словарь живого великорусского языка: в 4 т.* 2-е изд. СПб.; М.: Изд-во М. О. Вольфа, 1880–1882 (1989).
- Даль ПРН, 1–3 — Даль В. И. *Пословицы русского народа: в 3 т.* М.: Русская книга, 1993.
- Дуров 1929 — Дуров И. М. *Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья*. Соловки: [б. и.], 1929.
- КТК — *Картотека топонимов Карелии* (Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, Петрозаводск).
- КСГРС — *Картотека Словаря говоров Русского Севера* (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
- Куликовский 1898 — Куликовский Г. И. *Словарь областного олонечского наречия в его бытовом и этнографическом применении*. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1898.
- Кушков 2011 — Кушков Н. Д. *Поморский говор. Пословицы, поговорки, присказки, лексика*. Варзуга (Мурманская обл.): Опимах, 2011.
- ЛБП — Козлов В. *Росписание мореходства, или Лоция беломорских поморцев. Морской сборник, 1866, LXXXIII(3): 19–51*.
- Литке 1828, 1–2 — Литке Ф. П. *Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан, совершенное по повелению императора Александра I, на военном бриге «Новая Земля» в 1821, 1822, 1823 и 1824 годах флота капитан-лейтенантом Федором Литке: С присовокуплением путешествий лейтенанта Демидова в Белое море и штурмана Иванова на реку Печору*. Т. 1–2. СПб.: Морская тип., 1828.
- ЛКТЭ — *Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета* (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
- Матонин 2017 — Матонин В. Н. *Мореходная книга «Рька Кушерецка»: феномен беломорской лощи XVII–XVIII вв. Древняя Русь. Вопросы медиевистики, 2017, 3(69): 83–84*.
- Маштаков 1931 — Маштаков П. Л. *Материалы для областного водного словаря*. Л.: Изд-во Гос. гидролог. ин-та, 1931.
- Меркурьев 1979 — Меркурьев И. С. *Живая речь кольских поморов*. Мурманск: Мурманское книжное изд-во, 1979.
- МК — Морозов Н. В. *Мореходная книга, или Лоция Беломорских поморов. Записки по гидрографии, 1909, XXX: 269–305*.
- Мосеев 2005 — Мосеев И. И. *Поморьска говоря: Краткий словарь поморского языка*. Архангельск: «СОЛТИ», 2005.
- Немирович-Данченко 1877 — Немирович-Данченко В. И. *Страна холода. Виденное и слышанное*. СПб., М.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1877.
- Обручев 1929 — Обручев С. *На «Персее» по полярным морям*. [М.]: Моск. т-во писателей, 1929.
- Окороков 2005 — Окороков А. В. *Словарь терминов, употребляемых беломорскими рыбопромышленниками и судостроителями. Культура русских поморов: опыт системного исследования*. Черновитов П. Ю. (ред.). М.: Научный мир, 2005, 369–392.
- Опыт 1852 — *Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской академии наук*. Востоков А. Х. (ред.). СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1852.
- Подвысоцкий 1885 — Подвысоцкий А. И. *Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении*. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1885.
- Попихина 2021 — Попихина Ю. С. *Кузреча — поморское селение Беломорья*. Изд. 2-е, испр. и доп. Умба (Мурманская обл.): ООО «Поморы Терского района Мурманской области», 2021.

- РЗК — *Русские заговоры Карелии*. Курец Т. С. (сост.). Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 2000.
- РЗРИ — *Русские заговоры из рукописных источников XVII — первой половины XIX в.* Топорков А. Л. (сост., подг. текстов, статьи и коммент.). М.: Индрик, 2010.
- РК — *«Река Кушерецка»: мореходная книга XVIII века (историко-культурный контекст, материалы, исследования)*. Матонин В. Н. (науч. ред.), Комягина Л. П. (палеогр. анализ), Тропина В. В. (подгот. текста, слов.). Архангельск: ТСМ, 2011.
- РКЖБН 2007 — *Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 3. Никольский и Сольвычегодский уезды*. СПб.: ООО «Деловая полиграфия», 2007.
- СГРС — *Словарь говоров Русского Севера*. Матвеев А. К., Рут М. Э. (ред.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–. Т. 1–.
- Севергин, 1–2 — Севергин В. М. *Подробный словарь минералогический, содержащий в себе подробное изъяснение всех в минералогии употребительных слов и названий, также все в науке сей учиненные новейшие открытия: в 2 т.* СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1807.
- СЛРЯ XVIII — *Словарь русского языка XVIII века*. Т. 1–. Л.; СПб.: Наука, 1984–.
- Смолянников, Бондик 2006 — Смолянников С. А., Бондик В. А. *Тайна трех капитанов (по следам реальных героев романа Вениамина Каверина «Два капитана»)*. Эл. публикация, 2006. <https://rudocs.exdat.com/docs/index-359137.html?page=8>.
- СНРРА — *Словарь народно-разговорной речи города Архангельска. Т. 2. Городские социолекты. Ч. 1. Профессиональная речь моряков и рыбаков*. Сидорова Т. А. (общ. ред.). Архангельск: САФУ, 2016.
- СРГК — *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 т.* Герд А. С. (гл. ред.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994–2005.
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Филин Ф. П., Сороколетов Ф. П., Мызников С. А. (гл. ред.). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Вып. 1–.
- СРЯ (Зеленин), 4/1 — *Словарь русского языка. Составлен Вторым отделением Императорской Академии наук. Т. 4, вып. 1 (К–Кампилист)*. Зеленин Д. К. (ред.). СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1906–1907.
- ССРЛЯ — *Словарь современного русского литературного языка: в 17 т.* М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965.
- СЦСРЯ — *Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук: в 4 т.* СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1847.
- Харузина 1902 — Харузина В. *Лопари. Очерк*. СПб.: Н. Морев, 1902.
- Чарнолуцкий 1930 — Чарнолуцкий В. В. *Материалы по быту лопарей: Опыт определения кочевого состояния лопарей восточной части Кольского полуострова*. Л.: Гос. русское географическое общество, 1930.
- Энгельгардт 2019 — Энгельгардт А. П. *Русский Север: Путевые записки архангельского губернатора*. М.: Издательские технологии / RUGRAM, 2019.
- Яновский, 1–3 — Яновский Н. М. *Новый словоловкатель, расположенный по алфавиту: содержащий разные в российском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины (...): в 3 т.* СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1803–1806.
- Álgu — *Álgu: Saamelaiskielten etymologinen tietokanta / Kotimaisten Kielten Keskus*. https://kaino.kotus.fi/alg_u.
- Genetz 1891 — Genetz A. *Kuollan Lapin murteiden sanakirja ynnä kielennäytteitä*. Helsingfors: Finska Litteratur-Sällskapets tryckeri, 1891.
- KKLS — Itkonen T. I. *Koltan- ja kuolanlapin sanakirja. I–II*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1958.
- KKS — *Karjalan kielen sanakirja. 1–6*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1968–2005.
- Kroonen 2013 — Kroonen G. *Etymological dictionary of Proto-Germanic*. Leiden: Brill, 2013.
- Nielsen — Nielsen K. *Lappisk (samisk) ordbok / Lapp dictionary*. Vols. I–V. Instituttet for Sammenlignende Kulturforskning. Serie B: Skrifter XVII₁–XVII₅. Oslo: Universitetsforlaget, 1979.
- ONP — *Dictionary of Old Norse Prose*. <https://onp.ku.dk/onp/onp.php>.
- Sammallahti 1989 — Sammallahti P. *Sámi-suoma sátnegirji / Saamelais-suomalainen sanakirja*. Ohcejohka: Jorgaleaddji, 1989.
- SSA — *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3*. Itkonen E., Kulonen U.-M. (eds.). Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992–2000.
- Vries 2000 — De Vries J. *Altnordisches Etymologisches Wörterbuch. Zweite verbesserte Auflage*. Leiden: Brill, 2000.
- Wiklund 1890 — Wiklund K. B. *Lule-lappisches Wörterbuch*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1890.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Агапкина и др. 2004 — Агапкина Т. А., Валенцова М. М., Топорков А. Л. Нагота. *Славянские древности: этнолингвистический словарь*: в 5 т. Толстой Н. И. (ред.). Т. 3. М.: Международные отношения, 2004, 355–360. [Agapkina T. A., Valentsova M. M., Toporkov A. L. Nudity. *Slavyanskije drevnosti: etnolingvističeskij slovar'*: In 5 vols. Tolstoj N. I. (ed.). Vol. 3. Moscow: Mezhdunarodnye otnošenija, 2004, 355–360.]
- Агапкина, Топорков 2001 — Агапкина Т. А., Топорков А. Л. Ритуальное обнажение в народной культуре славян. *Мифология и повседневность. Гендерный подход в антропологических дисциплинах*. Богданов К. А., Панченко А. А. (сост.). СПб.: Алетейя, 2001, 11–25. [Agapkina T. A., Toporkov A. L. Ritual undressing in Slavic folk culture. *Mifologija i povsednevnost'. Gendernyi podkhod v antropologičeskikh distsiplinakh*. Bogdanov K. A., Panchenko A. A. (comp.). St. Petersburg: Aleteiia, 2001, 11–25.]
- Алексеева 2021 — Алексеева А. С. Изобличение вора на Руси: от постановления Новгородского архиепископа Иоанна III до низовой рукописной книжности. *Словѣне*, 2021, 1: 230–261. [Alexseeva A. S. The ritual of “exposing the thief” in Old Rus: From the enactment by the Archbishop of Novgorod Ioann III to apocryphal manuscript culture. *Slověne*, 2021, 1: 230–261.]
- Аникин РЭС — Аникин А. Е. *Русский этимологический словарь*. Вып. 1–. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007–. [Anikin A. E. *Russkij etimologičeskij slovar'* [Russian etymological dictionary]. Vol. 1–. Moscow: Rukopisnye pamjatniki Drevnei Rusi, 2007–.]
- Березович 2019 — Березович Е. Л. К реконструкции германского мира в языковом сознании архангельских поморов. *Антропологический форум*, 2019, 42: 174–212. [Berezovich E. L. Towards the reconstruction of Germanic world in the linguistic worldview of Arkhangelsk Pomors. *Antropologičeskij forum*, 2019, 42: 174–212.]
- Березович и др. 2021 — Березович Е. Л., Макарова А. А., Муллонен И. И. Демонологические названия в русской и субстратной топонимии. *Русский Север: лексика и ономастика*. Березович Е. Л., Кабинина Н. В., Кучко В. С., Осипова К. В. (ред.). М.: Индрик, 2021, 69–91. [Berezovich E. L., Makarova A. A., Mullonen I. I. Demonological names in Russian and substrate toponymy. *Russkij Sever: leksika i onomastika*. Berezovich E. L., Kabinina N. V., Kuchko V. S., Osipova K. V. (eds.). Moscow: Indrik, 2021, 69–91.]
- Бернштам 1978 — Бернштам Т. А. *Поморы: формирование группы и система хозяйства*. СПб.: Наука, 1978. [Bernshtam T. A. *Pomorj: formirovanie gruppy i sistema khozyajstva* [Pomors: Genesis of the group and household system]. St. Petersburg: Nauka, 1978.]
- Боярский 2001 — Боярский П. В. Русский крест в сакральном пространстве Арктики. *Ставрографический сборник*. Кн. I. Святославский А. В., Трошин А. А., Гнутова С. В. (ред.). М.: Древлехранилище, 2001, 130–165. [Bojarskij P. V. Russian cross in the sacral space of Arctic. *Stavrografičeskij sbornik*. Book I. Svyatoslavskij A. V., Troshin A. A., Gnutova S. V. (eds.). Moscow: Drevlekhranilišhe, 2001, 130–165.]
- Визе 1912 — Визе В. Ю. Лопарские сейды. *Известия Архангельского общества изучения Русского Севера*, 1912, 9: 395–401; 10: 453–459. [Vize V. Yu. Lappish sieidis. *Izvestiya Arkhangel'skogo obščestva izučeniya Russkogo Severa*, 1912, 9: 395–401; 10: 453–459.]
- Власова 2021 — Власова М. Н. *Русский Север: брошенная земля. Фольклор несуществующих деревень (особенности и контексты бытования)*. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2021. [Vlasova M. N. *Russkij Sever: broshennaya zemlja. Fol'klor nesushchestvuyushchikh dereven' (osobennosti i konteksty bytovaniya)* [Russian North: The abandoned land. Folklore of unexistent villages (specifics and contexts of functioning)]. St. Petersburg: “Pushkinskij Dom” Publ., 2021.]
- Конкка 2003 — Конкка А. П. Освоение жизненного пространства: панозерские карсикко. *Панозеро: сердце Беломорской Карелии*. Конкка А. П., Орфинский В. П. (ред.). Петрозаводск: ПетрГУ, 2003, 214–230. [Konkka A. P. Arranging the living space: The karsikkos of Panozero. *Panozero: serdtse Belomorskoj Karelii*. Grishina I., Kapusta L., Konkka A. et al. (eds.). Petrozavodsk: Petrozavodsk State Univ., 2003, 214–230.]
- Конкка 2013 — Конкка А. П. *Карсикко: деревья-знаки в обрядах и верованиях прибалтийско-финских народов*. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. [Konkka A. P. *Karsikko: derev'ya-znaki v obryadakh i verovaniyakh pribaltiitsko-finskikh narodov* [Karsikkos: Tree-marking in rituals and beliefs of Finnic people]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State Univ. Press, 2013.]
- Кучко 2017 — Кучко В. С. *Семантико-мотивационное поле «ложь, обман» в языковом пространстве русских народных говоров*. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург: УрФУ, 2017. [Kuchko V. S.

- Semantiko-motivatsionnoe pole 'lozh', obman' v yazykovom prostranstve russkikh nardonykh govoro-*ov [Semantic-motivational field 'lie, deceit' in the linguistic space of Russian dialects]. Candidate diss., Yeltsin Ural Federal Univ., 2017.]
- Логинов 2006 — Логинов К. К. *Этнолокальная группа русских Водлозерья*. М.: Наука, 2006. [Loginov K. K. *Etnolokal' naya grupa russkikh Vodlozer'ya* [The ethnolocal group of Vodlozero Russians]. Moscow: Nauka, 2006.]
- Меркурьев 1998 — Меркурьев И. С. *Служебные слова и междометия в русских народных говорах (На материале поморского говора Мурманской области)*: Учебное пособие для студентов вузов. СПб.: [б. и.], 1998. [Merkur'ev I. S. *Sluzhebnye slova i mezhdometiya v russkikh narodnykh govorkh (Na materiale pomorskogo govora Murmanskoi oblasti)* [Function words and interjections in Russian dialects: The Pomor dialect of Murmansk Oblast]: Manual for students. St. Petersburg, 1998.]
- Мызников РДЭС — Мызников С. А. *Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов*. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. [Myznikov S. A. *Russkii dialektnyi etimologicheskii slovar'. Leksika kontaktnykh regionov* [Russian dialectal etymological dictionary. Lexicon of contact areas]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2019.]
- Урбанович 2007 — Урбанович Г. И. *Генетическая характеристика лексико-семантического поля «судьба, счастье, удача» в русском языке*. Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2007. [Urbanovich G. I. *Geneticheskaya kharakteristika leksiko-semanticheskogo polya «sud'ba, schast'e, udacha» v russkom yazyke* [Genetic characterization of the lexical-semantic field 'destiny, happiness, luck' in Russian]. Candidate diss., Moscow State Univ., 2007.]
- Филин, Фризин 2001 — Филин П. А., Фризин Н. Н. Крест в промысловой культуре поморов русского севера. *Ставрографический сборник*. Кн. I. Святославский А. В., Трошин А. А. (сост. и общ. ред.); Гнутова С. В. (науч. ред.). М.: Древлехранилище, 2001, 166–198. [Filin P. A., Frizin N. N. Cross in the hunting culture of Pomors of Russian North. *Stavrograficheskii sbornik*. Book 1. Svyatoslavskii A. V., Troshin A. A., Gnutova S. V. (eds.). Moscow: Drevlekhranilishche, 2001, 166–198.]
- Хелимский 2002 — Хелимский Е. А. Трансевразийские аспекты русской этимологии. *Русский язык в научном освещении*, 2002, 2: 75–90. [Helimski E. A. Trans-Eurasian aspects of Russian etymology. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2002, 2: 75–90.]
- Aikio 2006 — Aikio A. On Germanic–Saami contacts and Saami prehistory. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*, 2006, 91: 9–55.
- Genetz 2008 — Genetz A. Kuolan niemimaan asukkaiden oloja tutkimassa vuonna 1876. *Kuolan niemimaalla käyneiden suomalaisten tiedemiesten matkakertomuksia*. Koonnut ja kääntänyt Leif Rantala. Rovaniemi: Lapin tutkimusseura, 2008, 19–68.
- Itkonen 1948 — Itkonen T. I. *Suomen lappalaiset vuoteen 1945*. Osat I–II. Porvoo; Helsinki: Werner Söderström osakeyhtiö, 1948.
- Kalima 1952 — Kalima J. *Slaavilaisperäinen sanastomme. Tutkimus itämerensuomalaisten kielten slaavilaisista lainasanoista*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1952.
- Kjellström 1987 — Kjellström R. On the continuity of Old Saami Religion. *Saami religion. Based on papers read at the Symposium on Saami Religion held at Åbo, Finland, on the 16th — 18th of August 1984*. Ahlbäck T. (ed.). Åbo: The Donner Institute for Research in Religious and Cultural History, 1987, 24–33.
- Nirvi 1981 — Nirvi R. *Petojen nimitykset kosinta- ja hääsänastossa*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1981.
- OED — *Oxford English dictionary*. <https://www.oed.com>.
- Parpola 2004 — Parpola A. Old Norse *seid(r)*, Finnish *seita* and Saami shamanism. *Etymologie, Entlehnungen und Entwicklungen / Festschrift für Jorma Koivulehto zum 70. Geburtstag*. Huvärinen I., Kallio P., Korhonen J. (Hrsg.). Helsinki: Société Néophilologique, 2004, 235–273.
- Pentikäinen 1995 — Pentikäinen J. *Saamelaiset: pohjoisen kansan mytologia*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1995.
- Sarmela 1994 — Sarmela M. *Suomen perinneatlas. Suomen kansankulttuurin kartasto 2 / Atlas of Finnish ethnic culture 2. Folklore*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1994.
- Vilkuna 1952 — Vilkuna A. Hurri-pesyе. *Virittäjä*, 1952, 56(1): 22–30.

Непродуктивные префиксы в восточнославянских диалектах (этимологическая эвристика; трудности идентификации)

© 2022

Анатолий Фёдорович Журавлёв

Институт славяноведения РАН, Москва, Россия; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; afzhuravlev@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются эвристические возможности, которые дает этимологии целенаправленный поиск редких и непродуктивных (часто называемых «архаичными») префиксов в восточнославянских языках (**ba-* / **bu-*, **ka-* / **ko-* / **ku-*, **la-* / **le-*, **mo-* / **mu-*, **ra-*, **še-* / **shi-* / **šu-*, **če-* / **či-* / **čü-*...), а также трудности, связанные с идентификацией этих морфем в составе «темных» слов. Установлению префиксального статуса тех или иных начальных сегментов слова способствуют их серийный характер, параллельная оформляемость одной и той же основы разными приставками с близким семантическим результатом, иногда подчеркнутая общностью их вокализма, нахождение структурно-семантических параллелей. Выделение таких приставок может затрудняться ложноэтимологическими сближениями, неоднозначностью исследуемой формы в грамматико-парадигматическом плане, консонантными эпентезами, усилительными слоговыми вставками, взаимным обменом вокализмом между малораспространенным префиксом и корнем, соединением префиксов в двуслоговые комплексы, их рекомбинацией и т. д. В статье предложен ряд новых этимологических прочтений (*барахло*, *лоботряс*, *шадра* / *щедра*, диал. *личкуёк*, *рахуботье*, *шоедь*, укр. диал. *батюта*, *рахомот* *ʔe*, *шидравий*, белорус. диал. *шудзь* и др.).

Ключевые слова: диалектология, префиксы, славянские языки, словообразование, членимость, экспрессивность, этимология

Благодарности: Предварительный вариант настоящей статьи прочитан А. Е. Аникиным, М. Белетич и Н. Д. Матиивым, замечания которых приняты автором с искренней признательностью.

Для цитирования: Журавлёв А. Ф. Непродуктивные префиксы в восточнославянских диалектах (этимологическая эвристика; трудности идентификации). *Вопросы языкознания*, 2022, 6: 44–61.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.6.44-61

Unproductive prefixes in East Slavic dialects (etymological heuristics; identification difficulties)

Anatoly F. Zhuravlev

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; afzhuravlev@yandex.ru

Abstract: The article analyzes the heuristic possibilities given to etymology by purposeful study of rare and unproductive (“archaic”) prefixes in the Eastern Slavic languages (**ba-* / **bu-*, **ka-* / **ko-* / **ku-*, **la-* / **le-*, **mo-* / **mu-*, **ra-*, **še-* / **ši-* / **šu-*, **če-* / **či-* / **čü-*...), as well as difficulties associated with identification of these morphemes in the composition of “obscure” words. Establishment of the prefixal status of certain initial segments of a word is facilitated by their serial nature, parallel modification of the same morphological base by different prefixes, sometimes emphasized by the commonality of their vocalism, and by newly discovered structural and semantic parallels. Identification of such prefixes can be complicated by false-etymological associations, ambiguity of the studied form in grammatical-paradigmatic terms, consonant epenthesis, emphatic syllabic inserts, mutual exchange of vocalism between a sparsely distributed prefix and a root, merger of prefixes into two-syllable complexes,

their recombination, etc. The article suggests a number of original etymologies (Rus. *baraxlo*, *lobotrjas*, dial. *šadra* / *ščedra*, *ličukěk*, *raxubot'je*, *šoed'*, Ukr. dial. *batjuta*, *raxomot'je*, *šydravyj*, Belarus. dial. *šujadz'*, etc.).

Keywords: derivation, dialectology, etymology, expressivity, prefixes, segmentability, Slavic

Acknowledgements: A draft of this paper was read by A. E. Anikin, M. Bjelečić, and M. D. Matiyiv, whose comments were accepted by the author with sincere gratitude.

For citation: Zhuravlev A. F. Unproductive prefixes in East Slavic dialects (etymological heuristics; identification difficulties). *Voprosy Jazykoznanija*, 2022, 6: 44–61.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.6.44-61

Светлой памяти Николая Васильевича Никончука

Полвека назад статью «Об одной редкой словообразовательной модели» О. Н. Трубочёв начал с суждения: «До настоящего времени мы лишены полного инвентаря славянских словообразовательных морфем. При этом если с суффиксами дело обстоит благополучно и со времен Миклошича более или менее известен круг славянских суффиксов и — с некоторым приближением — их абсолютное количество, то префиксы обследованы значительно менее удовлетворительно» [Трубочёв 1972: 257]; статья посвящена именам с приставкой **jъ-*: *ивер(ень)* ‘осколок’, *иволга*, гидронимы *Ивода*, *Идолга*. Та же мысль, сформулированная несколько иначе, звучала и раньше — в статье [Трубочёв 1971: 267], где был предложен анализ праславянского префикса **a-*: *ябулонь* ‘заболонь’, *jabrzd* ‘вид тополя’, *jaducha* ‘одышка’, *яводь* ‘струя, быстрина’ и др.

Высказывания Трубочёва как общее соображение до его времени остаются в силе, хотя нужно сказать, что изучение малопродуктивных незаимствованных словообразовательных элементов в славянских языках с тех пор заметно продвинулось — трудами И. Немца, самого О. Н. Трубочёва, Н. В. Никончука, Л. В. Куркиной, Т. В. Горячевой, Б. Я. Шарифуллина, А. Е. Аникина, А. Ломы, А. А. Кретьова и др., особенно М. Белетич и И. П. Петлёвой. Последняя занимается не только редкими префиксами, но также суффиксами и усилительными вставками (неоднофонемными инфиксами), целенаправленно раздвигая границы пространства, в котором отслеживаются нестандартные аффиксальные морфы (впрочем, сама эта нестандартность уже оказывается под подозрением, в некоторых случаях требуя уточнения оценок). В работах авторов, обращающихся к этой материи, расширена область наблюдений¹, подтверждены или оспорены прежние находки, предложены новые отождествления начальных сегментов в темных словах именно как префиксных единиц, выявлена «рядность», то есть формальная соотносительность и варьируемость некоторых из них, описывается их география², есть попытки прояснения их семантики.

Почти все приставки, о которых идет речь, выглядят как простейшие слоговые структуры — *V-* (**a- → ja-*, *i- ← *jъ*) или, обычно, *CV-* (*ka-/ko-/ku-*, *ba-/bu-*, *la-/le-/li-*, *mo-/mu-*, *ša-/še-/ši-/šu-*... и т. п.). В современных языках эти единицы непродуктивны, часто оцениваются как «архаичные», несмотря на то что архаики в них не больше, чем во множестве общеславянских префиксов; некоторая их часть бесспорно восходит к праславянскому состоянию и даже обнаруживает перекличку с индоевропейскими фактами, другие же, замыкаясь в отдельных языках, касательно древнего по славянским меркам возраста могут вызывать сомнения. Привычно считать их экспрессивными. Большой частью так и есть, хотя О. Н. Трубочёв, например, прямо указывает на отсутствие какой-либо экспрессивности

¹ Привлекается, например, пространный слой славянской антропонимии, которая обычно остается за пределами внимания тех, кто занимается реконструкцией праславянского словаря, см. [Шульгач 2008] (автор обследует преимущественно фамилии, в основах которых ищет следы славянского корнеслова).

² См. наблюдения Л. В. Куркиной, в частности, над южнославянско-восточнославянскими словообразовательными изоглоссами, в отдельных статьях и книге [Куркина 1992: 186–195].

в таких старых образованиях, как **la-dь* (к и.-е. **dhē* – ‘класть, ставить, полагать’, этимология Э. Бернекера) и **la-goda*, см. [ЭССЯ, 14: 11–12]. Приставки *шш-*, *шш-* М. Фасмер в разных местах (*шшворот*, *шшверзить*, *шшхворост*, *шшторы*... [Фасмер, IV]) с некоторой предвзятостью определяет как арготические, то есть в известной мере искусственные, что вызвано, нужно полагать, недостаточным в его время объемом находящейся в научном обороте русской диалектной лексики, которая могла бы скорректировать неточное впечатление.

Можно догадываться, что у многих этимологов-славистов, специально обращавшихся к непродуктивным префиксам, не раз возникало ощущение, что роль этого «строительного материала» в историческом формировании лексики недооценивалась (ср. [Никончук 1979б]). И действительно, в одной лишь статье [Петлёва 1996] — солидном обзоре форм только с пятью приставками, точнее, пятью сериями с тождественными консонантными элементами (*к-*, *ч-*, *ш-*, *м-*, *б-*) и вариативностью вокальных — насчитывается около сотни лексических примеров, извлеченных из русских диалектных словарей, с присовокуплением очень небольшого количества белорусских, украинских, сербскохорватских и словенских примеров, приведенных лишь в качестве параллелей, число которых между тем может быть увеличено до десятков.

Давний уже интерес историков славянской лексики к обсуждаемому материалу (раннюю литературу см. в [Никончук 1979б: 122; Бјелетић 2006: 16–17]) сдерживается тем, что выявлению этимологом неактуального префикса, а тем более осознанию его носителем языка, могут мешать различные формальные обстоятельства. Внешняя простота и даже примитивность этих единиц (как правило односложность, безусловно господствующий тип слога *CV* — «единственный универсальный») [Шеворошкин 2004: 34]; преобладание среди опорных согласных фонем высокой встречаемости, ср. *ba-*, *ga-*, *ka-/ko-*, *le-*, *mi-*...³ дают им повод в контакте со следующими частями слова легко слипаться в корнеподобные последовательности, что влечет сдвиги морфемных швов, переосмысления, дальнейшие фонемные субституции, метатезы и прочие эффекты ложной этимологии; такие сдвиги могут поддерживаться или «оправдываться» сходством оставшихся, «правых» частей порушенной основы с тем или иным суффиксом. Отсюда — понятная настроенность этимологов по отношению к тем начальным частям темной лексики, которые не входят в продуктивный и наглядный префиксный инвентарь. Историк лексики, прикасающийся к нестандартным аффиксам, часто имеет дело с языковыми данными, которые подпорчены всякого рода аттракциями и наложениями, но и сам постоянно рискует оступить в надуманные перетолкования.

Аналізу, нацеленному на обнаружение нестандартных приставок, легче поддаются глаголы: их строение однообразнее и морфемная членимость четче (исследование сербских и хорватских неканонических глагольных приставок в синхроническом ключе осуществлено в яркой и богатой материалом монографии [Бјелетић 2006]). Словарное же отыскание редких, вплоть до уникальности, префиксов в основах имен представляет большую сложность, их морфемный статус едва ли не всякий раз нужно обосновывать.

Направленный, так сказать, тенденциозный поиск образований с непродуктивными приставками расширяет возможности этимологизации лексики, утратившей структурную прозрачность, представляет немалый соблазн и нередко, как можно увидеть, оказывается успешным. Иной раз обнаруженный в строении той или другой лексической единицы малоупотребительный префикс, который ранее не оценивался в этом качестве или не замечался совсем, предстает параллельно другому префиксу и позволяет подтвердить

³ Той же формальной примитивностью характеризуются славянские партикулы — «блуждающие частицы», выделяемые Т. М. Николаевой [2008] в монографии «Непарадигматическая лингвистика», из которых комбинируется огромный пласт славянской незначительной лексики — союзы (*li + bo...*), местоимения (*кь + to...*), новые частицы (*da + že...*). Важным представляется мнение В. Н. Топорова о том, что у таких блуждающих элементов «нет и не может быть этимологии» [Топоров 2004: 76].

какую-либо из альтернативных этимологий данного или родственного слова. Так, соположение прилагательных *ще-дря́вый*, *ши-дря́вый* и *ши-тря́вый* ‘кудрявый’ [Словарь Мордовии, II: 1522, 1543]⁴ свидетельствует в пользу анализа О. Н. Трубачёва, который в слове *куд(е)рь*, *кудри* усмотрел не суффиксацию корня **kɔd-*, как определялось большинством этимологов, а соединение с приставкой **kɔ-* [Фасмер, II: 399].

Конечно же, увлекшегося этимолога здесь могут ожидать и огорчения.

И. П. Петлёва, имея дело с яросл. *кóзлѣться* ‘гневаться, сердиться, выходить из себя’, насчет отклоненного ею «*козла*» ответила в том смысле, что глагол *злѣться* оснащен приставкой *ко-* [Петлёва 1996: 32]. Это истолкование, однако, значительно ослабляется наличием других, близких по семантике, глаголов, производных от названий домашних животных: *сучѣться* ‘ругаться, браниться’, *собачѣться* ‘скандалить’, укр. диал. *козѣтитися* ‘ссориться’ [Матіїв: 226] (← **козѣта* мн.), но более прочего диалектных глаголов с тем же значением ‘гневаться, сердиться’ — новг. *козѣться*, воронеж. *коневáть* [СРНГ, 14: 65, 249], словац. *paprčít* [SSN, II: 726], мотивированных психическим состоянием животного в брачный период; ср. *барáнить* ‘искать барана (об овце)’, *порозовáть* ‘случаться (о крупных рогатых животных)’, ‘издавать крик во время гона’ [СРНГ, 2: 106; 30: 75], серб.-хорв. *prčítiti se* ‘быть разнужданным’, ‘coitum appetere’ ← *prč* ‘(нехолощеный) козёл, баран’ [Skok, III: 28–29], словац. диал. *paprčít sa* ‘(о козе) спариваться’, см. подробнее [Králík: 420].

Ошибка обернулось, например, выделение О. Н. Трубачёвым редкого префикса *ba-* в чешск. диал. *barouchat* ‘мять, комкать’ и его отнесение к **rušiti* [ЭССЯ, 1: 160] — в противоположность мнению о принадлежности глагола к гнезду **borti* [Machek, 3: 47]. Сравнение чешского глагола с ранее не привлекавшимися сербскохорватскими и лехитскими данными показало его итеративность и тем самым правоту В. Махека [Варбот 2012: 448–449]; генетическая идентификация глагола при усмотрении за ним приставочной оформленности была затруднена недостаточной ясностью исследуемой формы в грамматико-парадигматическом плане.

При установлении нестандартной приставки важным критерием является прежде всего множественность сочетающихся с нею неоспоримо идентифицируемых основ. Например, префикс *шу-* обнаруживается в украинской диалектной лексике в соединениях с несколькими глагольными и именными корнями, сомнений не вызывающими: укр. диал. *шу-бóвтнути* ‘упасть в воду’, ср. *бóвтнути* то же; *шу-бóртати* ‘рыться, копаться; искать’, ср. *бóртити* ‘рыть, толкать’ (к праслав. **bьrkati* (*se*) ‘рыться, искать’ [ЭССЯ, 3: 125–127]); *шу-плаття* (*су-плаття*) ‘одежда, бельё; пожитки’, ср. *пlátтя* ‘вид одежды’, см. [ЕСУМ, 6: 484]; *шу-галія* ‘ладья’, ст.-укр. *шу-галѣй*, *шу-галія* с параллелями в польском (‘плоскодонное судно’), ср. др.-русск. *галея* ‘тип судна’ [СлРЯ XI–XVII вв., 4: 9], см. далее [Фасмер, I: 386].

Наиболее весомым аргументом для выделения неканоничных префиксов служит, разумеется, параллельная оснащённость основы разными приставками, но с близкими семантическими результатами. Ср.:

хвалить(ся) → *ба-хвалить(ся)* ~ *бу-хвáлить* [СРНГ, 3: 321] ~ *ма-хвáл* ‘хвастун’ [СРНГ, 18: 47]⁵ ~ *че-хвáлиться* / *чи-хвáлиться* [Даль, IV: 1334, 1442];

пыжиться → *на-пыжиться* ~ *ко-пýжиться* [СРНГ, 3: 321] ~ *ча-пýжиться* / *че-пýжиться* [Даль, IV: 1286];

по-мелó, *по-мелá* ~ *ше-мелó*, *ше-мелá* ‘помело; метла’ [Даль, IV: 1421; СРНГ, 29: 203; Словарь Мордовии, II: 1513] и др.;

⁴ Ниже ссылки на диалектные словари не означают исчерпания материала данным источником: для ясности противопоставлений, как правило, выбирается малое из ряда возможных число примеров, совпадающих в частеречном отношении и с наименьшими различиями между сличаемыми формами. Реальный диалектный лексический материал, включающий формы, поврежденные различными влияниями, гораздо богаче.

⁵ Если не из *самохвал*, что не так уж и вероятно.

ná-головка, ná-головец, ná-головица ‘головастик’ [Ярославский словарь, 7: 76; СРНГ, 25: 114–115; Словарь Карелии, 4: 382; ОЛА Животный мир: 162] с соответствиями в словенском, польском [ЭССЯ, 40: 183–184] ~ укр. диал. *пу́-головок, пу́-головка, пу́-головица* то же [Гринченко, III: 497]⁶; в этот же ряд нужно подверстать и претерпевшее ретимологизацию яросл. *блáговица* ‘головастик’ [СРНГ, 2: 305] (какой именно префикс, *па-* или *ба-*, подвергся фонетической порче, неясно, ср. волог. [pałogo ‘lov’ec’] // [bałogo ‘lov’ec’] ‘головастик’ [ОЛА Животный мир: 162])⁷;

ненá-едь жен. р. ‘ненасытный, прожорливый человек, животное’ [СРНГ, 21: 93] ~ *zá-едь* ‘жалящие, кровососущие крылатые насекомые’ [СРНГ, 10: 77] ~ белорус. диал. *шў-ядзь* жен. р. ‘пражорлівая сям’я, кампанія, насякомыя’ [Прач 1960: 171] ~ владим. *шó-едь* жен. р. ‘шваль, шушваль, сволочь’ [Даль³, IV: 1460] (с орфографической погрешностью из-за этимологической затемненности лексемы: следовало **шó-гдь* или **шó-ядь*).

На невнимательный взгляд нет веских семантических причин прямым образом сопоставлять слова псков., твер. *zá-хворость* ‘наглость, бесстыдство’ [СРНГ, 11: 146], псков., твер. *ná-хворость* ‘сплетня, наговор’ [СРНГ, 20: 258], *шій-хворость* ‘шелуха от зёрен льна’, ‘плохие люди, сброд’ [Даль³, IV: 1442; Словарь Карелии, 6: 879], туров. *шá-хворост, -сцень* ‘мітуслівы чалавек’ и др. [ЛМТ: 74–75]. Однако в своей семантике они не так далеки друг от друга, как может сначала показаться: значения ‘мусор, отходы’, ‘шваль, сброд’, ‘дурные манеры’, ‘сплетни, клевета’ постоянно соседствуют в разных словообразовательных и этимологических гнездах (это можно видеть в «сериальных» примерах, приводимых ниже).

Чтение диалектных обратных словарей, занятие полезное во многих отношениях, внушает ощущение, что корни и основы, и глагольные и именные, и без того обладающие достаточным собственным потенциалом по части экспрессивности, состязаются между собой в притяжении дополнительных префиксальных средств усиления этого качества: *ká-верзить* ~ (с)-*кó-верзить* ~ *гá-верзить* ~ *шá-верзить* ~ *ше-берзить* ~ *шій-верзить* ‘портить, мешать’... [СРНГ, 6: 84; 12: 292–293; 38: 44; Даль³, IV: 1387, 1414]; наряду с пейоративным именем *хáлда*, именованим человека, обычно женщины, по различным недостаткам — наглой, болтливой, ленивой, неопрятной, распутной и т. д., — существуют диалектные слова с теми же значениями *ба-хáлда* / *ба-хóлда* ~ *о-хáлда* ~ *о-ще-хóлда* ~ *чу-хáлда*...

Выделение и контрастивное соположение префиксов, оформляющих одну и ту же спорную в этимологическом отношении основу, помогает уточнить ее происхождение. Мы позволим себе подтвердить нашу этимологию долго признававшегося неясным слова *парень* (к сев.-русс. *порéть* ‘входить в силу, пору; мужать’, ср. диал. *пóрень* ‘здоровяк’, см. [Журавлёв 2003: 141–145]) привлечением префигированных форм волог. *ná-парень* ‘глуповатый юноша, недоросль’ («Пáпарень. В́ырос, а умá не нáжил») [Режский словарь: 336], сев.-русс. *сў-парень* ‘женщина с повадками и хватками парня, мужчины’, ‘парень с повадкой женщины’, ‘гермафродит’, *сў-парь* («Высудят девку, если волосы остригет, супарем назовут») муж. (!) р. [СРНГ, 42: 248], которые еще не могли быть учтены в названной публикации (а также вятск., уральск. *недо-пáрыш* ‘недоносок’: «Говорят недопарыш: девочка или мальчик недоразвитый, семи месяцев родился»; *недо-пáрок* ‘цыплёнок,

⁶ Украинский этимологический словарь, не приводя русских слов на *па-*, неуверенно ищет в украинском диалектизме гаплогическое свертывание формы **пугоголовок* (← **пуга* ‘пуговица’ + *голова*): «букв. “з головою, що нагадує гудзик”» [ЕСУМ, 4: 626]. Некоторое сходство украинского слова и вариантов сербскохорватского названия головастика с анлаутом *пу-* ([pujoglá:vas] и др.) [ОЛА Животный мир: 161], видимо, случайно: левая корневая морфема варьируемого по говорам *пуноглавац* — к **рылн-* ‘полный’. Словные начала *па-* и *пу-* наблюдаются также в паре русск. диал. *ná-дэра* : *пу́-дэра* ‘ненастье, буря’ [СРНГ, 25: 128; 33: 108], второй член которой все еще нуждается в удобном и правдоподобном объяснении.

⁷ Этимологический узел затягивается сильнее, если принять во внимание формы, в которых (уже?) не прочитывается корень **golv-*: яросл. *пí-голица* ‘головастик’, волог., новг., яросл. *пí-галица* ‘пиявка’ [СРНГ, 27: 20].

вылупившийся из яйца недоразвитым, слабым' [СРНГ, 21: 27; Словарь Коми-Пермяцкого округа: 161]). Производные от *парень* с низкопродуктивными приставками *су-* и *па-* и параллельным им составным префиксом *недо-* не оставляют сомнений в исконности этого слова (в отрицание незаслуженно популярных его трактовок как заимствования) и, в семантически заостренном соотношении с образованиями волог. *непорáтый* 'явившийся не вовремя, не в пору', псков., твер. *непорíстый* 'безвременный' [СРНГ, 21: 119], отлучают его от продолжений основы *пар-* 'варог'.

К выбору кандидатов в малопродуктивные приставки следует подходить с осторожностью, которая в особенности нужна, когда имеешь дело с единичными отправными свидетельствами. Например, [Орловский словарь, 9: 28] регистрирует слово *патры́га* 'кутила'. Оно сильно напоминает известное южно- и зап.-русс. *латры́га*, *лотры́га* 'гуляка, расточитель, забулдыга, пьяница' [Дальз, II: 696; СРНГ, 16: 291; 17: 159] и может навести на мысль, что мы сталкиваемся с неожиданным параллелизмом префиксов *па-* и *ла-/ло-* (о последнем см. специальные работы [Nёмес 1979; Петлёва 2012]), и тем самым *латры́га/лотры́га* нуждается в пересмотре уже прочно устоявшейся этимологии (через белорусское или украинское посредство к польск. *lotr* 'подлец, злодей', в свою очередь германизму, см. [Berneker, I: 735; Преображенский, I: 472; Фасмер, II: 523; Brückner: 312–313; Sławski, V: 221; ЕСУМ, 3: 293–294; ЭСБМ, 5: 254]). Возможные в этом случае трактовки «беспрефиксной» основы **-трыг-* — либо чистый корень со смутно уловимыми внешними связями, либо **тыр-* 'тереть(ся)' со славянским суффиксом (*-ug-/*)*-yg-* (а такое членение можно оправдать без особых усилий). Однако трудность состоит не только в надежности принятой этимологии слова *латры́га* и зыбкости «экспериментально» предположенной здесь деривационной конструкции **па-трыг-а* (подтвердить ее в сущности нечем), но и в том, что одинокая, вне аналогий, орловская регистрация попросту может оказаться фантомной: рукописная буква *л* в диалектологических записях неоднократно смешивается с *п*, особенно, по-видимому, в случаях, когда начертание начального штриха *л* делается сверху вниз (ср. в словнике СРНГ *вану́й* вместо правильного *валу́й*, *начипикивать* вместо *начиликивать*). Распространенное в говорах, но не знакомое диалектологу-собирателю слово *латры́га* при кабинетной расшифровке далеких от каллиграфичности полевых записей могло быть прочитано как *патры́га*. Поэтому гипотезу о параллельности приставок *ла-* и *па-* в данном случае следует оставить как уязвимую и недоказанную.

Иногда разноконсонантные непродуктивные приставки, оформляющие тождественную основу, объединяются подчеркнутой общностью вокализма:

му́-сор, кроме общераспространенного значения, 'навоз', 'непристойная брань' ~ *бу́-сор(ь)* 'хлам', 'требуха', 'глупость, дурь', 'дурень', 'скандалист' ~ *су́-сор* 'слух, сплетня', *су́-сор-му́-сор* о чем-то мелком, ничтожном («Колос от колоса не смыкал голоса, сусор-мусор — хорошего нет хлеба»)®, *му́сорить* ~ *бу́сорить* ~ *су́сорить* 'пустословить' [СРНГ, 3: 307; 18: 366; 42: 307], ср. *сор* 'навоз', «смесь испражнений человека» (Ончуков) [СРНГ, 40: 10–11];

бу-лы́ндать 'бродить без дела', *-ся* 'мараться, пачкаться' ~ *му-лы́нда* 'вялый, неповоротливый человек', *му-лы́ндать(ся)* 'делать что-либо кое-как, небрежно', 'возиться, копать с чем-либо', *за-му-лы́ндаться* 'запачкаться, загрязниться', *при-му-лы́ндывать* 'отлынивать от работы' ~ *чу-лы́нда* 'неряха' [СРНГ, 3: 272; 10: 263; 18: 342; 31: 301; Дополнение к Опыту: 302; Псковский словарь, 19: 52], ср. *лы́нда* 'лентяй', 'гуляка', 'неряшливо одетый человек' [СРНГ, 17: 221–222] — в конечном счете, через «расчистку» суффиксальной части, к **lytati* 'слоняться', 'уклоняться от дела', по [ЭССЯ, 17: 54–55].

Вокалическая общность префиксов в приведенных примерах вряд ли случайна, она обеспечена качествами заднерядного /y/ — низкой тональностью, сильной лабиализацией

® Выражение *сусор-мусор* неотделимо от рифм-редупликаций типа *хухры-мухры*, *ишшел-вышел*, диал. *с-трахту-баряхту* [Словарь Мордовии, II: 1336]. Однако форма *сусор*, как можно заметить по соседним примерам, вполне освоилась с лексической свободой.

и несклонностью к редукции, что делает этот гласный «нарочитее» остальных и объясняет его высокую используемость в экспрессивных новообразованиях и при моделировании девиантной речи [Журавлёв 2016: 172, 175, 179].

Опознанию редкого префикса может способствовать нахождение словообразовательно-семантических параллелей. Взять, например, укр. диал. *батьюта*, которое как апеллатив нам известен только по словарю Е. Желеховского, но встречается в украинско-белорусской антропонимии (фамилии *Батьюта* и *Батьюто*). Желеховским оно толкуется как ‘kindischer Jüngling’ [Желеховский, Недільський, I: 15], то есть ‘юнак з особливостями дитини’. ЕСУМ характеризует слово как «новотвір афективного характеру, можливо пов’язаний з *батько* (пор(івняй) вираз *батьків синок*)». Думается, что дело обстоит иначе. Отделив предполагаемый префикс *ба-*, мы получим основу *-тют(’)-*, подозрительным образом напоминающую ономастические названия детенышей животных, чаще щенков: *тютик*, *тютёк*, *тютька*, *цуцик* (они встречаются и в переносных значениях: полескоукр. *т’ют’ік* — соединительная деталь в ткацком стане [Никончук 1986: 170], ср. разного рода скобы, блокираторы, спусковые крючки, иначе, заметим, называемые *собачками*, см. [СРНГ, 39: 149–150; Никончук 1979а: 243–244, 246]), ср. русск. диал. *тютёк* ‘щенок’ и «презрит.» ‘молодой человек, молодой парень’ [Даль, IV: 896], сев.-русск. *тютя* ‘человек тихий, застенчивый, неразговорчивый’ [Дилакторский: 516] (ср. ст. **Вахлюй** [Там же: 48]), ‘бестолковый увалень’ («Ванька-то ходит у нас — тютя, ничё ни к чему мужик»), *тютя (да) ляпа* ‘неумеха’ [Пермский словарь, 2: 459], кубан. *цуценя* о молодом невоспитанном человеке [Борисова: 164]. У пейоратива *тютя* ‘недотёпа, инфантил’ есть звонкий вариант *дюдя* (см. о психосоматической «недоделанности» персонажа в рассказе Т. Толстой «Петерс»: «Да это не мужчина, а дюдя. Дундук какой-то эндокринологический»). С другой стороны, в префиксе *ба-*, который допустимо вычленишь в имени *батьюта*, усматривают звонкий аналог приставке *па-* (А. Е. Аникин не исключает, что это фонетические варианты [Аникин РЭС, 1: 23]) со значением ‘недо-» [Даль, III: 1]. В этом случае семантико-словообразовательными параллелями к имени *ба-тюта* могут рассматриваться слова *па-щенок* и *недо-пёсок* (ср. названия молодых, «недошлых», по Далю, пушных зверей *недокунок*, *недолисок*, *недособоль*; диминутивы *пёсик*, *пёсик*, *псишко* применяются как брань или ласковое обращение к детям, см. [СРНГ, 26: 301; 33: 99]). Отношения между словами укр. *батьюта*, с одной стороны, и русск. *ветютя*, *ветютень*, *вятютя*, *вятютень* ‘угрюмый и глупый человек’, ‘вялый, неуклюжий, медлительный человек’ [Даль, I: 830; СРНГ, 4: 207; 6: 80; Моисеев: 33], напоминающие название ‘лесного голубя, вяхиря’ *витютень*, с другой, остаются для нас непроясненными⁹.

Морфемное устройство слова с непродуктивной приставкой может затемняться консонантными эпентезами (ср., например, назальную инфиксацию после *ка-* в *кандыба*, укр. *кандыба*, белорус. *кандыба* ‘хромой человек’ — к **dybati* [ЕСУМ, 2: 363; Нариси словотворения 2010: 204, 205; ЭСБМ, 4: 237–238; ЭССЯ, 9: 112]). Иной раз они могут уводить мысль интерпретатора в сторону. Так, арханг. *байруда* ‘сукровица’ [Даль, I: 98] М. Фасмер толкует как «бай руда (букв.) “скажи кровь”» [Фасмер, I: 108]¹⁰, с результатным значением «не собственно кровь, “недо”-кровь». Модель такого «понижения» семантики с использованием императивных форм глаголов речи принципиально существует, но скорее в виде синтаксических парентез, сохраняющих предикативность, типа *скажите пожалуйста, скажи на милость* («Скажи на милость, какая барыня!», «Он у нас кандидат наук, скажите пожалуйста!»). Инкорпорация императива в морфемную структуру существительного — явление распространенное (*сорвиголова*, *гуляйполе*, *пройдисвіт*, *Непій-вода...*), но в случае с *байруда* ее констатация выглядит по меньшей мере проблематичной (не говоря уже о том, что, связывая сегмент *бай-* с глаголом *баяти*, его следовало

⁹ Интересно «разложение» основы *вятют-* в фразеологизме: *ни тютя ни вятя* ‘бестолковый человек’ [Словарь Мордовии, II: 1357].

¹⁰ В немецком тексте «*nenne es Blut*» [Vasmer, I: 41].

понимать не как деквалифицированный императив, а просто как основу настоящего времени, не обремененную какими-либо грамматическими функциями). В слове *байруда*, как справедливо судит А. Е. Аникин, действительно присутствует префикс *ба-* (скорее всего, сообща признак побочности, неполноценности, что не оговаривается), но — сопровождаемый вставкой сонорного *-j-* (как в известных случаях *гайворон*¹¹, *жайворонок*, *бай-стриок*, вероятно, *райдуга*); от допущения вторичного влияния повелительной формы *бай* А. Е. Аникин, впрочем, не отказывается. Малоубедительны апелляции к основе глагола *баяти*, на наш взгляд, в [ЕСУМ] (см. статьи *ба́йдур*¹², *байму́д* и др.).

В число явлений, затемняющих морфемный статус начального слога, может входить взаимный обмен вокализмом между малораспространенным префиксом и корнем. Зеркальность распределения гласных в параллельных основах *ба-хмур-* и *бу-хмар-* ‘пасмурный’ уже не раз попадала в поле зрения (обзор разночтений на этот счет см. в [Аникин РЭС, 2: 290, ст. *бахму́р*, *бахмура́*; 5: 242]). Давняя деэтимологизованность **ра-ркъ* привела к возникновению орл., брян. *пу́ак* ‘паук’ [СРНГ, 33: 104] с окончательной утратой членимости основы и не характерным для славянских языков хиатусом внутри вновь сложившейся корневой морфемы, который может устраняться консонантной эпентезой: *пува́к*, *-ка́* [Даль³, III: 1403], белорус. диал. *па-ву́к* → *пува́к* [СПЗБ, 4: 179].

В качестве гипотезы добавим случай с укр. диал. *ши́дравий* ‘трухлявый’, которое в [ЕСУМ, 6: 414] признается неясным. Поскольку значения ‘трухлявый’ и ‘рябой, побитый оспой’ сопологаемы (ср., например, уральск. *трухля́вий* ‘ноздреватый (о камне)’ [СРНГ, 45: 175]; вятск. *Пёмза шадрі́ва* ‘с дырками, дырява’ [Даль³, IV: 1389]), *ши́дравий* можно объяснить двояко — это либо префиксация *ши-* глагольной основы **дыг-*, либо ‘отказ’ приставки *ша-* в *ша-дра́* ‘щедра, оспина, рябинка’ (ср. укр. диал. *ша́дровий* ‘з тріщинами’) от собственного вокализма в пользу гласной следующего слога, ср. русск. *щадри́вый*, *щедри́вый* ‘рябой’. Излишне говорить, что тем самым для *шадра*, *щедра* предлагается исконная этимология — от **дырати* с варьируемыми приставками на шипящие — и отвергается сомнительная «севернотюркская» [Miklosich EW: 336; Фасмер, IV: 394; ЕСУМ, 6: 367]¹³.

Нераспознавание низкочастотной приставки может быть причиной неоправданных историко-семантических прочтений. Так, критик «Словаря русских народных говоров» А. Б. Страхов в двух соседних лексемах с начальным *бу-* — арханг. (1878) *бухвальный* (вероятно накорневое ударение; значение прилагательного в словаре не определено) и твер. (1852) *бу́хвистить* ‘звонить’, не обратив внимания на множественность образований с тем же начальным сегментом перед опознаваемыми морфемами, увидел остатки формы дательного падежа *богу* (чему, видимо, способствует «слабость» фрикативного заднеязычного в предписанной традицией орфоэпии), см. [Страхов 2004: 257]. Первая лексема отмечена в тексте заговора со следами книжной риторики: «Будьте мои слова (<...> крепче

¹¹ См. [ЭССЯ, 6: 89]; ср. [SP, 7: 75]. Вл. Георгиев, отрицавший существования префикса *га-*, по крайней мере в болгарском (ср. о глаголе *гаврътна* ‘опрокинуть (чашу вина), осушить, быстро проглотить’: «Някои търсят тук някаква неизвестна другаде представка *га-*» [Георгиев 1958: 13]), в редактированном им этимологическом словаре предпочел гадательное истолкование орнитонима *гавран* (~ вост.-слав. *гайворон*, польск. *gawron* и т. д.) как контаминации *-вран* с неназванным славянским словом, родственным латинскому *gajus* ‘сойка’ [БЕР, I: 230].

¹² Ср. иную трактовку этого слова у В. П. Шульгача, имеющего склонность к недоказанному расширению рефлексов праславянского сочетания *Тьлт*: из **bьldurь* [Шульгач 2007: 451].

¹³ Относить основу *шадр-/щедр-* ‘рябой; оспина’ к тюркизмам (татаризмам) мешают, помимо общего ее облика («нетюркской») фонотактики — *-l/dr-* прежде всего, показанная конкуренция приставочных вариантов, разветвленность основы в слишком большом для подобных случаев гнезде производных, нахождение ею пристанища в довольно обширном пословичном фонде [Даль³, IV: 1495], а начальный ареал фамилий *Шадрин*, *Щедрин* — неоспоримый русский Север, см. [Никонов 1988: 66; Никонов, Крушельницкий 1993: 164; Полякова 2005: 429]. Не разумнее ли предположить как раз противоположное направление заимствования?

бухвального слова», и понимание прилагательного *бухвальный* как связанного с конструкцией *хвала богу* кажется хотя и маловероятным, но в деривационном плане допустимым (однако весьма рискованным с точки зрения религиозной логики и этики: в заговоре, по Страхову, каким-то «моим словам» назначается крепость большая, чем похвале Создателю). Аналогичное же восстановление якобы утраченного компонента *богу* в составе глагола *бухвистить*, возводимого к **богувѣстити*, сочувствия не вызывает. Во-первых, нам не известно сопряжение смыслов ‘богу’ (дат. п.!) и ‘вестить’ (‘говорить, сообщать’); в фиксированных тавтолексемных соединениях морфем *бог-* и *въст-* (*боговѣщаницы* и т. п.) Бог (Христос) выступает как источник вести, но не адресат. Во-вторых, ассоциация ‘звона’ (речь о колокольном звоне, в чем сомневаться не приходится) со ‘свистом’ (сев.-зап.-русск. *хвистать, хвистеть*) встречается, насколько мы знаем, лишь в жаргонной и полужаргонной речи (‘болтать; врать; распускать слухи’: *Не звони! Хватит свистеть!*). Странно, что автор пересказанного истолкования, обычно приметливый, не увидел размещенных в предыдущем и на соседней странице этого же выпуска разбираемого им лексикона слов псков. *бáхвостить* ‘сплетничать’, твер. *бѣхвостить* ‘сплетничать; ябедничать’ и особенно твер. *бѣхвостить* и *бѣхвостить* ‘мелко и часто звонить’ [СРНГ, 2: 153, 303; 3: 322] (последние почерпнуты у Даля).

В обсуждаемом случае мы имеем дело с одинаковыми консонантными элементами и различающимся вокализмом префиксов. Но к одному и тому же корню, как сказано, могут присоединяться приставки разных консонантных серий. Например, уже знакомый нам исход *-хвостить* встречается, кроме форм с *ба-* / *би-* / *бу-*, в диалектных глаголах *че-хвостить* ~ *чи-хвостить* ~ *чу-хвостить* (последнее — в [ОСАГ: 462])¹⁴, а близкое, но с иным гласным в корне, *-хвѣстити*, — с начальным *чу-*: *чухвѣстити* ‘ударить, стукнуть’ [Словарь Мордовии, II: 1490] (сюда, наверно, и *чу(х)выстнуть* ‘хлыстнуть’ [Даль, IV: 1368, 1382]).

Мало того, нестандартные приставки могут соединяться, порождать двухзвенные цепочки, провоцируя ложноэтимологические осмысления диалектоносителями и неуверенность профессиональных этимологических интерпретаций: *балахвостить* ‘говорить, кричать’, ‘сплетничать’, ‘бездельничать’, *балухвостить* ‘пустословить, сплетничать’¹⁵ (с переключением в ложнометафорическое *белохвостить* ‘бездельничать’), *шалахвостить*, *шалохвостить*, *шалѣхвостить* ‘болтать вздор’, ‘болтаться, шататься праздно’ (далее *шилохвостить* ‘сплетничать’ и др.)¹⁶, *барѣхвостить* ‘говорить вздор’, ‘наушничать’, ‘приводить в беспорядок’ (далее *сборохвостить*¹⁷, *сбурохвостить* ‘соврать’, ср. *(с)буровить*) и т. д. (ср. туров. *шарѣхворост* на фоне приведенного выше *шѣхворост*). Такие образования, если хотя бы какая-то их часть возникла предполагаемым здесь образом, трудноотделимы от экспрессивных двукорневых сложений типа пенз. *голохвостить* ‘слоняться

¹⁴ Сомнителен в этом отношении глагол твер., псков. *жу́хвостить* ‘есть, жевать’, ‘жрать, уписывать; смачно пережевывать’ [Даль, I: 1369–1370; СРНГ, 9: 233]: он не развивает семантику ‘удара’, от которой изначально отталкивается большинство глаголов на *-хвостить*, и, если судить по лексическому наполнению гнезда, очерченного Далем в статье *Жу́стать*, характеризуется хотя и затемненной, но отличной этимологической ориентированностью. Существование же самого префикса *жу-* в русском языке предположить тем не менее можно — в волог. *жу-вѣртка* ‘рычаг’, ряз. *жу-гáкать* ‘стучать; шуметь’, ‘кричать; звать кого-либо’, ‘убаюкивать ребёнка’ [СРНГ, 9: 220].

¹⁵ Ср. выразительное тамбов. *лухвѣснуть* ‘ударить’, привлеченное в [Петлёва 2012: 218–219] в префиксальный ряд *ла-, ле-, ло-, ли-, лу-*. Но безусловно ли оно независимо от слав. **lusknŏti* (*луснуть*)?

¹⁶ Сюда же *шилохвост* ‘озорник ⟨, “чёртёнок”⟩’ [Ярославский словарь, 10: 75]: пейоратив отталкивается от диалектного именованья нечистой силы: *шилохвост* ‘чёрт’ [Черепанова 1983: 66], одно из возможных объяснений которого — ревокализация начального сегмента *шала-*, вдохновленная образом «шила в заднице». С этими значениями не связан орнитоним *шилохвость* ‘утка *Anas acuta*’, мотивированный свойственными птице длинными и узкими рулевыми перьями.

¹⁷ Помещено в [Инверсионный индекс: 479], но в СРНГ не включено.

без дела', псков., твер. *трубохвóстить* 'сплетничать' (как увязывается с фразеологизмом *хвост трубы*?), уральск. *чистохвóстить* 'бранить, пробирать'; но уже ударение в глаголе *шалыхвóстить* выглядит как напрефиксное и толкает к мысли о причастности форм с начальным *шала-* (/ *шало-*) к прилагательному *шалый* разве что вторичным образом.

Инославянские параллели и данные русских окающих говоров решительно отстраняют мысль о том, что образования с начальными *бала-*, *шала-*, *бара-* и т. п. являются двукорневыми композициями. Не разделяет ее и М. Белетич: начальные элементы *бала-* или *шала-* (в составе разных сербских экспрессивных глаголов — *балабућкати*, *шалабазати* и т. д.) она характеризует как «двусложные префиксы» и рассматривает в ряду с определяемыми так же *кала-*, *чала-*, *тала-*, *теле-*, *шеле-*, *хала-*, *хара-* [Бјелетић 2006: 125–126, 301 и др.], ср. [Огледна свеска 1998: XVII, 82; ЕРСЈ, 2: 116].

Соединение приставок технически совпадает с расширением префикса усилительной слоговой вставкой, ср. псков. *ко-сто-нѣжитьсѧ* 'гордиться' в «техническом» сопоставлении с укр. *о-сто-гйдѣти* 'опротиветь', белорус. *а-ста-брѣднуць* то же и др. [Петлёва 1986: 201], к которым добавим влад. *на-сто-учивать* 'наставлять, учить', новосиб. *у-сто-рѣбить* 'замучить работой' [СРНГ, 20: 196; 48: 110]. Приведенное выше *чистохвóстить* и производное совершенного вида *почистохвóстить* 'побранить, пропесочить' [Словарь Среднего Урала, 7: 33; СРНГ, 31: 16] не потребуют семантически натужного соотнесения с *чистый* (*'выбранить, исхвостать «дочиста»?'), если сегмент *-сто-* в них рассматривать присоединившись к доказательным соображениям И. П. Петлёвой, а целое истолковывать как результат инфиксального расширения основы глагола *чихвóстить*. Случаев, где усилительная, по квалификации Петлёвой, морфема ⁺*-сто-* выступала бы в восточнославянских языках в абсолютном начале слова и могла бы расцениваться как самостоятельная приставка, выявить не удалось. Утверждаемое этимологическими словарями [Фасмер, III: 164; ЕСУМ, 4: 226; ЭСБМ, 1: 180, 182] тождество усилительного *-сто-* с числительным (в *осточертеть*, укр. *остобісити*) — всё же, видимо, вторично — как следствие переосмысления ('надоеть как сто чертей')¹⁸.

Некорневой характер затронутых двуслоговых начал (как и неэтимологизуемость их односложных элементов) удостоверяется возможностью внутренних комбинаторных перестановок вроде *ко-че-мазый* ~ *че-ко-мазый* 'чумазый' [Даль, II: 462; IV: 1299]. Префиксальный морф *ѣV-* (серб.-хорв. *че-*, *ча-*, *чо-*) в составе глагольных форм М. Белетич понимает как исторический вариант префикса *kV-* (серб.-хорв. *ко-*, *ка-*, *ку-*) [Бјелетић 2006: 60], однако в синхроническом анализе практически рассматривает их в отдельных параграфах. Метатезу серб. *ко-* и *чо-*, подобную отмеченной в русском примере, она видит в прилагательном *ѣч-ко-пѣран* 'выделяющийся, отменный' (← **чо-ко-пѣран* ← *ко-чо-пѣран* ← *ко-чо-пѣрити* / *ко-че-пѣрити* 'важничать') [Там же: 316]. Иными словами, единицы близкого происхождения могут соединяться в пределах одной лексемы, функционально подерживая друг друга, более того — меняясь порядком следования.

Существование фразеологизма **трясти лоб* / *лбом* под сомнением¹⁹, и в слове *лоботряс* (белорус. *лабатра́с*, укр. *лоботря́с* — русизмы: [ЭСБМ, 5: 184; ЕСУМ, 3: 276]²⁰), которое в словарях уверенно монтируется из основ *лоб* и *тряс(ти)* [ЭССЯ, 16: 224; ЭСРЯ МГУ, 9: 141], с достаточными основаниями можно видеть ретимологизирующую метатезу приставок в исходном *ба-ла-тряс* 'никчёмный человек, бездельник' [Архангельский словарь, 1: 101] — из **ба-ла-тре́сь*, но не **лъбо-тре́сь*. Причины так думать — повторяемая

¹⁸ Ср. донск. *начертѣть* 'сильно надоеть' [СРНГ, 20: 284] : жиздр. *насточертѣть* то же [Журавлёв 2004: 405].

¹⁹ Именно фразеологизма, идиомы; редкие неидиоматизованные сочетания вроде «...прохаживался по комнатам, *тряс лбом*, выпячивал губы...» («Мелкий бес» Ф. Сологуба) в виду не имеются.

²⁰ Но укр. диал. *лоботра́ска* 'лихорадка' в ЕСУМ трактуется независимым от русского образца (хотя и с неловкостью: утверждается, что в самом строении слова, кроме дрожания тела, якобы содержится указание на высокую температуру).

этимологическими словарями неясность мотивации в *лоботряс*, высокая встречаемость основы с начальным *бала-*, обилие производных от нее, включая испытавших назальную инфиксацию и иные преобразования — *балантрас* ‘лентяй, повеса’, ‘балагур’, *балантрасничать*, *балендრясить*, *белентрас*, *балатросить* ‘рассказывать’ и мн. др. [СРНГ, 2: 74, 81, 210] (происхождение части которых, однако, может получать другие объяснения), а также использование морфов *-трас-*, *-трес-* в субстантивных продолжениях глагола *трясти(сь)* без выраженных актантных распространителей «чем», «что» — по большей части оценочных и бранных слов для ‘бездельника, праздного шатуна, ветрогона’ и ‘отребья, отбросов общества’: *тресья*, *трясеник*, *трясея*, *трясун*, *трясопляс* [СРНГ, 45: 60, 189, 190, 193, 196], ср. легко подвергаемые метафорическим переносом дериваты от *трясти* в значении ‘отходы хозяйственных работ’.

Завершим разговор о загрузнении с вычленением и анализом неканонических приставок еще двумя этимологиями, которые возникли из специального интереса к этому предмету.

(I) Многократная отмеченность экспрессивного префикса *ба-*, см. [Горячева 1982: 107–109], наталкивает на не привлекавшую до сих пор внимания возможность этимологического истолкования слова *барахло*. Речь о включении его в гнездо *рух-/рых-(л)-*, к чему есть необходимые поводы. Прежде всего — это засвидетельствованность у Даля и в Словаре Академии 1822 г. слов *рухло* ‘домашняя утварь, вещи, пожитки’, ‘старая, изношенная, сломанная вещь’ [СРНГ, 35: 276] (которому, зная и упомынув его, не придал никакого веса Ю. В. Откупщиков и назвал слову *барахло* убедительную монгольскую этимологию, см. [Откупщиков 2001]), *рухло* ‘неопрятный, неряшливый человек’ [Словарь Низовой Печоры, 2: 238], *рыхло* ‘опилки, стружки, щепки’ [Элиасов: 362], *рыхлый* ‘рыхлый; мягкий’ [Пермский словарь, 2: 301; Словарь Приамурья: 240; Словарь Карелии, 5: 569], олон. *рохло* (*говорить с рохла* ‘...резко, грубо’ [СРНГ, 35: 207]); сюда же *рухлядь*, *рыхлядь*, *рыхлятина* (оценочное именование и вещи, и человека), *рохля*, *рохледь*... О правомерности предлагаемого сближения говорит и диал. *барахлить* ‘**рыхлить**, **взрыхлять**’ с неединичной засвидетельствованностью [Псковский словарь, 1: 115; Архангельский словарь, 1: 111]. Думаем, что в существительном *барахло* нужно вычленять префикс *ба-*, деэтимологизованный корень *-рах-* и суффикс *-л(о)*. Вокализм корня объясняется редукцией в безударной позиции (но с дальнейшим выравниванием и в подударном положении: *ра́хлить* ‘рыхлить’ — наряду с *ро́хлить* [Пермский словарь, 2: 283, 301], *ра́хля* ‘рохля, разня; нерасторопный человек; неопрятный человек’ [Даль, III: 1660; СРНГ, 34: 341; Словарь Мордовии, II: 1074]). Из пунктуальности следует сказать, что в словаре Даля слово мечено ударением на втором слоге: *барáхло*, вопреки тому что [Опыт: 7] (в 1852 г.) дает только флексийную акцентовку ([Vasmer, I: 54; Фасмер, I: 124] цитирует далевскую форму как преимущественную по сравнению с другой). Ни более ранних регистраций слова, ни иных случаев накорневого ударения в русском слове нам не встретилось. А. М. Селищев [1968: 372] считает слово *барáхло* (*борохло*) новоприобретением «в течение жизни (русских) в Сибири», но не держит в виду упомянутое свидетельство Опыта, относящее слово к шенкурскому говору, как и более поздние — 1885 г. [Подвысоцкий: 22], 1902 г. [Дилакторский: 16] — архангельские, вологодские регистрации слова, еще воспринимавшегося как диалектное. Предложенное объяснение корневого вокализма редукцией /о/ в оакошем нарекании может показаться ошибочным допущением, но и приписывать слову исключительно севернорусское хождение оснований нет. Оно скорее производит впечатление диалектизма, который уже вырвался за начальные территориальные пределы и осваивается просторечием через аргю. В описаниях быта каторжников Сахалина у А. Чехова и В. Дорошевича (1890-е гг.) слово воспроизводится как еще мало знакомое носителю литературного идиома, нуждаясь в пояснениях и отчуждающих кавычках. Получив же общеязыковую распространенность, слово могло усваиваться не знавшими его оакошими говорами уже в ином, неисконном фонетическом облике. Что же до ударения *барáхло*, то не нужно забывать, что русское аргю тесно соприкасалось с польским, к обоюдным для них приобретениям.

Можно предположить, что приведенный Х. (Г. В.) Улашиным в очерке польского криминального аргю русизм *barachło* [Ułaszyn 1951: 35–36] (проникший также в кашубский: *baraxło* ‘сброд’, ‘дешёвая игральная карта’ [Sychta, VII: 6], см. [Popowska-Taborska 1987: 223; SEK, I: 85]) и стал источником странного ударения у Даля. Не безусловно ясной для нас остается только непосредственная смысловая мотивированность слова: поскольку *рушить* — это и ‘двигать’ и ‘портить’, то *барахло* — это ‘движимая утварь’ или ‘ненужные, траченные вещи’? Имея в виду, что *рухлядью* называется и весьма ценное имущество (*мягкая рухлядь* — ‘пушнина’), мы больше склоняемся к идее ‘движимости’ как отправной, с дальнейшим сдвигом к значению ‘тряпьё, хлам’ (впрочем, в таком жестком разделении понятий, может быть, и нет необходимости, ср.: «...сама идея движения тесно связана с другой идеей — рушения, на-рушения, разрушения, которое и есть своего рода сдвигание, изменение места...» [Топоров 1997: 41]).

(II) В украинском и белорусском Полесье были зарегистрированы слова *рахомѳ’је* ‘хлам, барахло’ [Никончук 1968: 89]; *рахомѳсьце, рахамѳьце* ‘барахло, непатрѳбныя рѳчы’ [Тураўскі слоўнік, 4: 286] (произносительные, акцентные и прочие варианты — *рахѳмосці, крахамѳдде* и др. — в [ЛМТ: 67]). По версии [ЕСУМ, 5: 33], украинское слово представляет собою видоизменение формы *лахміття*²¹. В этом следует усомниться. Составители словаря прошли мимо чрезвычайно близкого смол. *рахѳботье* ‘тряпьё, рухлядь’ [СРНГ, 34: 346], основное отличие которого от полесского слова в наличии корневого (и коренного!) *-б-*; мена билабиальных *б* и *м* в этимологически темных словах — явление вполне обычное. В словах *раен-* и полесской лексемах мы усматриваем утратившую актуальность приставку *ра-* (которую предполагаем также в словах *рагоза, рогоза* ‘раздор, ссора’, ‘вздор, чушь’, ‘неуживчивый человек’ и др., ср. *егоза*; смол. *рахлѳдка* ‘неряха, замарашка’, ср. *нехлѳда* то же; новг. *рахмыжа* ‘невоспитанный, неотесанный человек’, ср. арханг. *гмыза* бранное слово, волог. *гмызить* ‘сердиться, ворчать, брюзжать’, вост.-ср.-русс. *хмызѳать* ‘трепать, хлестать’, ‘ходить без дела’, ‘суетиться’ и др.; перм., уральск., сибир. *рачкнѳуть* ‘ударить’, ср. *чкнѳуть, чкѳать* ‘бить, стучать’²²). Основанием для этого служит целый куст диалектных слов близкого строения, включая беспрефиксное: *хобѳтье* (белорус. *хабѳцьце*, укр. *хабѳття*), *охѳботье, похѳботье, ухѳботье, ухѳбѳдые, шѳхѳобѳть, шѳхѳобѳт, шехѳѳт*, испорченные формы *шѳхѳопѳть, сухѳобѳт* (вряд ли с приставкой *су-*) и др. — все они несут значения ‘всякая дрянь’, ‘отходы от зерна’, ‘отбросы’, ‘негодные люди, сброд’, ‘ссора, распря’... Формальной базой для них является общеславянский глагольный корень **хѳв-*, многочисленные производные от которого несут широкий круг значений, группирующихся вокруг идеи ‘ущерба, вреда, порчи, пагубы’ [ЭССЯ, 8: 7]. Стоит заметить, что слово *хѳбѳт* (в котором сегмент *-ѳт* — суффиксальной природы) имеет также значение ‘хвост’ (в старо- и церковнославянском, старочешском, старопольском, древнерусском, в русских диалектах; см. [ЭССЯ, 8: 46–47; СРНГ, 50: 323]), а с устройством и значениями слова *охѳботье* целиком совпадают деривационная схема и семантика, включая метафорику, слова *охѳѳтье*. В этой связи повторим уже упоминавшийся глагол *барѳхѳвѳстѳть*,

²¹ Трансформация, как предполагается в словаре, случилась под влиянием слова *рам’я* ‘барахло’. Это последнее соответствует русскому диал. *ремьѳ* (далее обширное гнездо разносуффиксных слов с начальным *рем-* ‘лоскуты, тряпьѳ и под.’ [СРНГ, 35: 52–63]); выбор его словарем в качестве субъекта влияния не очень понятен. Объединение в [ЕСУМ, 5: 22] лексем *рам’я* и *ремьѳ* с локальным грецизмом *рамаѳ* ‘тряпка’, очевидно, ошибочно: славянские слова исконны и выводимы из **гѳту* ‘лоскут, ремень’.

²² Этимологизацию которого см. в [Варбот 2012: 400]. Ср. еще *бѳчкнѳуть* (*бѳчкѳнѳуть*), *бѳчкнѳуть, чѳчкнѳуть, лѳчкѳнѳуть, лѳчкнѳуть, лѳчнѳуть, бѳчнѳуть, кѳчнѳуть* [СРНГ, 2: 162, 304; 3: 331; 15: 135; 17: 29, 164; Тимофеев: 116; Словарь Русского Севера, VII: 84] — все ‘ударить’ (также ‘выстрелить’), но все ли эти глаголы с зачинами, напоминающими обсуждаемые редкие приставки, связаны именно с *чкѳать / чкнѳуть*? К субстантивным вхождениям в гнездо *лѳ-чкѳать, лѳ-чкѳать, лѳ-чкнѳуть* нужно относить пинежск. *ли-чкѳѳк* ‘шлепок’ [Словарь Русского Севера, VII: 109].

где также просматривается наша приставка *pa-* (в парной упряжке с *ba-*), морфный статус которой подчеркнут ударностью. Морфемная конструкция, которая вскрывается в слове **pa-xob-ot-ye*, окончательно затемняется в консонантных метатезах типа *охработье*, *охроботье* ‘старьё’, ‘щепки, обломки досок’, ‘сорняки’, *охропотье* ‘старьё’, *охропотки* ‘объедки’, ‘черепки’ и т. п. (яросл., волог., вятск., перм., уральск. — северо-восточная диалектная зона), в конечных усечениях вроде курск. *рохоба* ‘суета’ [СРНГ, 35: 209] и зап.-брян. *рахуба* ‘возня, хлопоты’ [Расторгуев: 230]. Состав согласных в перм. *марахотье* ‘имущество; хлам’ [СРНГ, 17: 370], как и в смол. *рухомоть* ‘лохмотья всякого рода’ [Добровольский: 803], брян. *бархомотье* ‘верхнее длиннополое платье, лапсердак’ [Брянский словарь, 1: 33], метатетические совпадают с консонантным составом приведенных выше полесских регистраций и показывает наблюдаемую в них подверженность взрывного звонкого билабиального колебаниям (*b ~ m*), в двух последних случаях, видимо, вследствие сближения с глагольным корнем *mot(amь)*.

Эвристические возможности, которые открываются для этимологии, если вооружиться программным подозрением насчет принадлежности тех или иных начальных (не начальных тоже) сегментов слова некорневым элементам, и трудности, связанные с затронутыми морфемными перерасчленениями основ, здесь показаны по необходимости бегло, на ограниченном материале. Дальнейшее изучение неканонических приставок требует выявления всего префиксного фонда (до желанной полноты представления о нем все еще далеки), обнаружения префиксальной специфики отдельных языков и диалектных областей (нахождения внутриязыковых и межславянских изоглосс в противовес узкоареальным единицам), установления причин и границ фонетической и фонологической вариантности префиксов, внимания к синтагматике и комбинаторике частей составных префиксов, к акцентному поведению приставок и другим моментам.

Что касается семантики и прагматики рассматриваемых единиц, то уверенно говорить приходится, пожалуй, только об усилительной функции и о словообразовательном значении ослабления признака, свойственных некоторым из них (*na-*, *su-*, в меньшей мере *ba-*, *ko-*). Собственная («лексическая») содержательность немалого числа этих морфов выглядит нулевой; говорится об изначальной для них «чисто экспрессивной функции» [Куркина 1981: 331]. В ряде, если не во множестве, случаев, когда экспрессивность отсутствует или малоощутима, следует судить об оформительной функции префикса как чистого показателя производности (скажем, deverбативатора / субстантиватора, которыми обыкновенно служат скудные в своей семантике суффиксы) — и не более. Смысловая обедненность многих таких морфем, их голая техничность хорошо иллюстрируют приведенную выше идею В. Н. Топорова о том, что в языке есть единицы, принципиально не нуждающиеся в этимологии.

Нельзя не заметить агрессивности, которую обнаруживают начальные элементы слов, отождествляемые с неканоничными префиксами, захватывая «слабые» чужие территории. В качестве чуть ли не скандального образца таких аннексий нужно сослаться на мнимопрефиксальные замены начального слога в дославянском, по резонным соображениям [Коломиец 1983: 92], заимствовании **uklĕja* ‘рыба *Alburnus alburnus* L.’: русск. *ба-клейка*, *оу-клейка*, *су-клейка*, *че-клея*, *чи-клея*, *ша-клейка*, *ше-клейка*, *ща-клейка*, *ще-клеичик*, укр. *о-клій*, *гу-клея* и далее аналогично, хотя и с меньшей устойчивостью, повсюду у славян, см. [Там же: 90; Усачёва 2003: 211, 216–217, 272 и др.]²³. Подобные случаи вызывают к осмотрительности при назначении того или иного начального сегмента слова приставкой; аккуратнее было бы квалифицировать такие явления как ложноэтимологическую транспрефиксацию.

²³ Предположить в слове *уклея* приставку *у-* и связать его с глаголом *клевать* (праслав. **klvati*, **kl'čŭr*), имеющим устойчивое положение в «ихтиологическом» акциональном лексиконе, мы все же не рискуем.

Вызывает интерес потенциальная эмансипируемость разбираемого периферийного («осколочного», если не сказать «вирусного») материала, вплоть до приобретения им способности обзаводиться, в некотором подобии «блуждающим частицам» Т. М. Николаевой, собственными производными — словами без этимологии, точнее, без этимона, «из ничего». Но эта тема заслуживает отдельного рассмотрения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Аникин РЭС — Аникин А. Е. *Русский этимологический словарь*. Вып. 1–. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007–.
- Архангельский словарь — *Архангельский областной словарь*. Вып. 1–. Изд-во Московского ун-та, 1980–.
- БЕР — *Български етимологичен речник*. Т. 1–. София: Изд-во на Българската академия на науките, 1971–.
- Борисова — Борисова О. Г. *Словарь кубанских говоров: проект, материалы к словарю*. Краснодар, 2004–2005.
- Брянский словарь — *Словарь брянских говоров*. Вып. 1–. Л.: [Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена], 1976–.
- Гринченко — *Словарь украинского языка*, собранный редакцией журнала «Киевская Старина». Редактировал, с добавлением собственных материалов, Б. Д. Гринченко. I–IV. Киев, 1907–1909. [Воспроизведено фотомеханич. способом; Київ: Видавництво Академії наук Укр. ССР, 1958.]
- Даль, — Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. 3-е изд., под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. Т. I–IV. СПб.; М.: Т-во М. О. Вольф, 1903–1909.
- Дилакторский — *Словарь областного вологодского наречия*. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. СПб.: Наука, 2006.
- Добровольский — Добровольский В. Н. *Смоленский областной словарь*. Смоленск: Тип. П. А. Силина, 1914.
- Дополнение к Опыту — *Дополнение к Опыту областного великорусского словаря*. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1858.
- ЕРСЈ — *Етимолошки речник српског језика*. Св. 1–. Београд: Ин-т за српски језик САНУ, 2003–.
- ЕСУМ — *Етимологічний словник української мови*. Т. 1–6. Київ: Наукова думка, 1982–2012.
- Желховський, Недільський — Желховский С., Недільский С. *Малоруско-німецький словар*. I–II. Львів: Друк. тов. им. Шевченка, 1886. [Пагинация единая.]
- Журавлёв 2004 — Журавлёв А. Ф. *Материалы к жиздринскому словарю. Материалы и исследования по русской диалектологии*. II (VIII). Касаткин Л. Л. (ред.). М.: Наука, 2004, 378–429.
- Инверсионный индекс — *Инверсионный индекс к Словарю русских народных говоров*. Около 240 000 слов. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2006.
- ЛМТ — *Лінгвістычны мікраатлас Тураўшчыны*. Мінск: Беларуская навука, 2016.
- Матів — Матів М. Д. *Словник говірок центральної Бойківщини*. Київ; Сімферополь: Ната, 2013.
- Моисеев — Моисеев Б. А. *Оренбургский областной словарь*. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010.
- Никонов, Крушельницкий 1993 — Никонов В. А. *Словарь русских фамилий*. Сост. Крушельницкий Е. Л. М.: Школа–Пресс, 1993.
- Никончук 1968 — Никончук Н. В. Из лексики полесского села Листвин. *Лексика Полесья. Материалы для полесского диалектного словаря*. [Отв. ред. Н. И. Толстой]. М.: Наука, 1968, 79–92.
- Огледна свеска 1998 — *Етимолошки одсек Института за српски језик САНУ. Огледна свеска*. Београд: Институт за српски језик САНУ, 1998.
- ОЛА Животный мир — *Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная*. Вып. 1. *Животный мир*. М.: Наука, 1988.
- Опыт — *Опыт областного великорусского словаря*. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1852.
- Орловский словарь — *Словарь орловских говоров*. Вып. 1–. Орел: ОГПИ, 1989–.
- ОСАГ — *Обратный словарь архангельских говоров*. М.: Наука, 2005.
- Пермский словарь — *Словарь пермских говоров*. Вып. 1–2. Пермь: Книжный мир, 2000–2002.
- Подвысоцкий — Подвысоцкий А. О. *Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении*. М.: ОГИ, 2009.

- Полякова 2005 — Полякова Е. Н. *Словарь пермских фамилий*. Пермь: Книжный мир, 2005.
- Прач 1960 — Прач С. 3 лексикі вёсак Парыцкага раёна. *Матэрыялы для слоўніка народна-дыялектнай мовы*. Пад рэдакцыяй Ф. Янкоўскага. Мінск: Выдавецтва Белдзяржуніверсітэта імя Ул. І. Леніна, 1960, 161–172.
- Преображенский — А. [Г.] Преображенский. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 1. А–О; т. 2. П–С. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Совко, 1910–1914; «Выпуск последний» (тело — ящер). *Труды Института русского языка*. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. [Репринтное воспроизведение целиком: [Китай], 1956].
- Псковский словарь — *Псковский областной словарь с историческими данными*. Вып. 1–. Изд-во Ленинградского / СПб. ун-та, 1967–.
- Расторгуев — Расторгуев П. А. *Словарь народных говоров Западной Брянщины (Материалы для истории словарного состава говоров)*. Минск: Наука и техника, 1973.
- Режский словарь — *Словарь вологодского режского говора (по материалам диалектологических экспедиций в Сямженский район Вологодской области)*. Вологда: ВоГУ, 2017.
- Словарь Карелии — *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей*. Т. 1–6. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1994–2005.
- Словарь Коми-Пермяцкого округа — *Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа*. Пермь: ПОНИЦАА, 2006.
- Словарь Мордовии — *Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия*. Ч. I–II. СПб.: Наука, 2013. [Пагинация единая.]
- Словарь Низовой Печоры — *Словарь русских говоров Низовой Печоры*. Т. 1–2. Изд-во СПб. ун-та, 2003–2005.
- Словарь Приамурья — *Словарь русских говоров Приамурья*. М.: Наука, 1983.
- Словарь Среднего Урала — *Словарь русских говоров Среднего Урала*. Т. 1–7. Свердловск: Урал. ун-т, 1964–1988.
- Словарь Русского Севера — *Словарь говоров Русского Севера*. Т. I–. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–.
- СЛРЯ XI–XVII вв. — *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 1–. М.: Наука, 1975–.
- СПЗБ — *Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча*. Т. 1–5. Мінск: Навука і тэхніка, 1979–1986.
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Вып. 1–. М.; Л.: Наука, 1965–.
- Тимофеев — Тимофеев В. П. *Диалектный словарь личности*. Шадринск: [Свердловский гос. пед. ин-т; Шадринский гос. пед. ин-т], 1971.
- Тураўскі слоўнік — *Тураўскі слоўнік*. Т. 1–5. Мінск: Навука і тэхніка, 1982–1987.
- Фасмер — Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Т. I–IV. М.: Прогресс, 1964–1973.
- Элиасов — Элиасов Л. Е. *Словарь русских говоров Забайкалья*. М.: Наука, 1980.
- ЭСБМ — *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы*. Т. 1–. Мінск: Навука і тэхніка, 1978–.
- ЭСРЯ МГУ — *Этимологический словарь русского языка*. Вып. 1–. Изд-во Московского ун-та, 1963–.
- ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. Вып. 1–. М.: Наука, 1974–.
- Ярославский словарь — *Ярославский областной словарь*. Вып. 1–10 [номера выпусков указаны в предисловиях к ним]. Ярославль: [Яросл. гос. пед. ин-т], 1981–1991.
- Berneker — Berneker E. *Slavisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. I (A—L), II (ma—mor). Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1908–1913.
- Brückner — Brückner A. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1970.
- Králik — Králik L. *Stručný etymologický slovník slovenčiny*. Bratislava: VEDA, 2015.
- Machek₂ — Machek V. *Etymologický slovník jazyka českého*. 3. nezm. vyd. Praha: Academia, 1971.
- Miklosich EW — Miklosich F. *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen*. Wien: Wilhelm Braumüller, 1886.
- SEK — Boryś W., Popowska-Taborska H. *Słownik etymologiczny kaszubszczyzny*. Т. I–V. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 1987–2006.
- Skok — Skok P. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Knj. I–III. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1971–1973.
- Sławski — Sławski F. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Т. I–V. Kraków: Towarzystwo miłośników języka polskiego, 1952–1982.
- SSN — *Slovník slovenských nářečí*. Т. I–. Bratislava: VEDA, 1994–.
- SP — *Slovník praslaviański*. Т. 1–. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1974–.

- Sychta — Sychta B. *Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej*. T. I–VII. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1967–1976.
- Vasmer — Vasmer M. *Russisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. I–III. Heidelberg: Carl Winter, Universitätsverlag, 1953–1958.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бјелетић 2006 — Бјелетић М. *Исковрнути глаголи. Типови експресивних превербалних форманата (на српском и хрватском језичком материјалу)*. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2006. [Bjelečić M. *Iskovrnuti glagoli. Tipovi ekspresivnih preverbalnih formanata (na srpskom i hrvatskom jezičkom materijalu)* [Verbs with a twist. Types of expressive preverbal formatives (in Serbian and Croatian language material)]. Belgrade: Institute of the Serbian Language, 2006.]
- Варбот 2012 — Варбот Ж. Ж. *Исследования по русской и славянской этимологии*. М.; СПб.: Нестор-История, 2012. [Varbot Zh. Zh. *Issledovaniya po russkoi i slavyanskoi etimologii* [Studies in Russian and Slavic etymology]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2012.]
- Георгиев 1958 — Георгиев В. *Въпроси на българската этимология*. София: Изд-во на Българската академия на науките, 1958. [Georgiev V. *Văprosi na bălgarskata etimologija* [Issues of Bulgarian etymology]. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences Press, 1958.]
- Горячева 1982 — Горячева Т. В. Этимологические заметки. *Этимология. 1980*. Трубачев О. Н. (ред.). М.: Наука, 1982, 103–114. [Goryacheva T. V. Etymological notes. *Etimologiya. 1980*. Trubachev O. N. (ed.). Moscow: Nauka, 1982, 103–114.]
- Журавлёв 2003 — Журавлёв А. Ф. Восточнославянские этимологии (1. Рус. *парень*. 2. Укр. *гарний*, белорус. *гарны*). [Zhuravlev A. F. East Slavic etymologies (1. Russian *paren'*. 2. Ukrainian *harnyj*, Belarusian *harny*).] *Studia etymologica Brunensia. 2. Sborník příspěvků z mezinárodní vědecké konference Etymologické symposium Brno 2002*. Janýšková I., Karlíková H. (eds.). Praha: Lidové noviny, 2003, 137–151.
- Журавлёв 2016 — Журавлёв А. Ф. Фонетика бесовской речи (на восточнославянском материале). *Эволюции смыслов*. Журавлёв А. Ф. М.: Языки славянских культур, 2016, 165–181. [Zhuravlev A. F. Phonetics of daemon speech: East Slavic material. *Evolyuitsii smyslov*. Zhuravlev A. F. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2016, 165–181.]
- Коломиец 1983 — Коломиец В. Т. *Происхождение общеславянских названий рыб. К IX Международному съезду славистов*. Киев: Наукова думка, 1983. [Kolomiets V. T. *Proiskhozhdenie obshcheshlavyanskikh nazvanii ryb. K IX Mezhdunarodnomu s"ezdu slavistov* [Etymology of common Slavic fish names. For the 9th International Congress of Slavists]. Kyiv: Naukova Dumka, 1983.]
- Куркина 1981 — Куркина Л. В. Славянские этимологии. *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1979*. Аванесов Р. И. (отв. ред.). М.: Наука, 1981, 331–337. [Kurkina L. V. Slavic etymologies. *Obshcheshlavyanskii lingvisticheski atlas. Materialy i issledovaniya. 1979*. Avanesov R. I. (ed.). Moscow: Nauka, 1981, 331–337.]
- Куркина 1992 — Куркина Л. В. *Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики*. [Kurkina L. V. *Dialektnaya struktura praslavyanskogo yazyka po dannym yuzhnoslavyanskoi leksiki* [Dialectal structure of Proto-Slavic according to South Slavic lexis].] Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 1992.
- Нариси словотворення 2010 — Білоусенко П. І., Іншакова І. О., Качайло К. А., Меркулова О. В., Стовбур Л. М. *Нариси з історії українського словотворення (іменникові конфікси)*. Запоріжжя; Кривий Ріг: ТОВ «Ліпс» Лтд., 2010. [Bilousenko P. I., Inshakova I. O., Kachailo K. A., Merkulova O. V., Stovbur L. M. *Narysy z istoriyi ukraïyns'koho slovotvorennya (imennykovi konfiksy)* [Sketches from the history of Ukrainian word-formation: Noun confixes]. Zaporizhzhia; Kryvyi Rih: Lips Ltd., 2010.]
- Николаева 2008 — Николаева Т. М. *Непарадигматическая лингвистика (История «блуждающих частиц»)*. М.: Языки славянских культур, 2008. [Nikolaeva T. M. *Neparadigamticheskaya lingvistika (Istoriya «bluzhdayushchikh chastits»)* [Non-paradigmatic linguistics: History of “wandering particles”]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2008.]
- Никонов 1988 — Никонов В. А. *География фамилий*. М.: Наука, 1988. [Nikonov V. A. *Geografiya familii* [Geography of surnames]. Moscow: Nauka, 1988.]
- Никончук 1979а — Никончук М. В. *Матеріали до Лексичного атласу української мови (Правобережне Полісся)*. Київ: Наукова думка, 1979. [Nykonchuk M. V. *Materialy do Leksychnoho atlasu ukraïyns'koi movy (Pravoberezhne Polissya)* [Materials for the Lexical Atlas of Ukrainian: Western Polesia]. Kyiv: Naukova Dumka, 1979.]

- Никончук 1979б — Никончук Н. В. Приставки *ka-* и *ko-* в полесских говорах. *Этимология*. 1977. Трубачев О. Н. (ред.). М.: Наука, 1979, 122–127. [Nikonchuk N. V. Prefixes *ka-* and *ko-* in Polesian dialects. *Etimologiya*. 1977. Trubachev O. N. (ed.). Moscow: Nauka, 1979, 122–127.]
- Никончук 1986 — Никончук Н. В. Эндемическая лексика Полесья. *Этимология*. 1984. Трубачев О. Н. (ред.). М.: Наука, 1986, 167–171. [Nikonchuk N. V. Endemical lexis of Polesia. *Etimologiya*. 1984. Trubachev O. N. (ed.). Moscow: Nauka, 1986, 167–171.]
- Откупщиков 2001 — Откупщиков Ю. В. Барахло. *Очерки по этимологии*. Откупщиков Ю. В. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2001, 81–86. [Otkupshchikov Yu. V. “Baraxlo”. *Ocherki po etimologii*. Otkupshchikov Yu. V. St. Petersburg: St. Petersburg Univ. Press, 2001, 81–86.]
- Петлёва 1986 — Петлева И. П. О важности учета в этимологии редких лингвистических явлений формального характера. *Этимология*. 1984. Трубачев О. Н. (ред.). М.: Наука, 1986, 198–201. [Petleva I. P. On the importance of accounting for rare linguistic phenomena of formal nature in etymology. *Etimologiya*. 1984. Trubachev O. N. (ed.). Moscow: Nauka, 1986, 198–201.]
- Петлёва 1996 — Петлева И. П. Архаические префиксы в русских говорах. *Этимологические исследования*. Вып. 6: *Материалы I–II научных совещаний по русской диалектной этимологии* (Екатеринбург, 10–12 октября 1991 г.; 17–19 апреля 1996 г.). Матвеев А. К. (отв. ред.). Екатеринбург: [Уральск. гос. ун-т], 1996, 31–38. [Petleva I. P. Archaic prefixes in Russian dialects. *Etimologicheskie issledovaniya*. No. 6: *Materialy I–II nauchnykh soveshchaniy po russkoi dialektnoi etimologii*. Matveev A. K. (ed.). Yekaterinburg: Ural State Univ., 1996, 31–38.]
- Петлёва 2012 — Петлева И. П. О русских диалектных лексемах с префиксами *la-*, *le-*, *lo-*, *li-*, *lu-*. *Этимология*. 2009–2011. Варбот Ж. Ж. (отв. ред.). М.: Наука, 2012, 217–221. [Petleva I. P. On Russian dialectal lexemes with prefixes *la-*, *le-*, *lo-*, *li-*, *lu-*. *Etimologiya*. 2009–2011. Varbot Zh. Zh. (ed.). Moscow: Nauka, 2012, 217–221.]
- Селищев 1968 — Селищев А. М. Диалектологический очерк Сибири. *Избранные труды*. Селищев А. М. М.: Провещение, 1968, 223–389. [Selishchev A. M. Dialectological sketch of Siberia. *Izbrannye trudy*. Selishchev A. M. Moscow: Prosveshchenie, 1968, 223–389.]
- Страхов 2004 — Страхов А. Б. По страницам Словаря русских народных говоров (замечания, поправки, соображения). [Strakhov A. B. Reading the Dictionary of Russian Dialects: Notes, amendments, thoughts.] *Palaeoslavica*, 2004, XII(1): 254–324.
- Топоров 1997 — Топоров В. Н. Из балто-славянской лексикологии. II. [Toporov V. N. From Balto-Slavic lexicology. Part 2.] *Res Balticae*, 1997, 3: 33–68.
- Топоров 2004 — Топоров В. Н. Член-корреспондент РАН Татьяна Михайловна Николаева (К 70-летию со дня рождения). *Известия РАН. Серия литературы и языка*, 2004, 63(1): 75–77. [Toporov V. N. Corresponding member of the Russian Academy of Sciences Tatiana Mikhailovna Nikolaeva: On her 70th birthday. *Isvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, 2004, 63(1): 75–77.]
- Трубачев 1971 — Трубачев О. Н. Из праславянского словообразования: именные сложения с приставкой *a-*. *Проблемы истории и диалектологии славянских языков. Сб. статей к 70-летию члена-корреспондента АН СССР В. И. Бороковского*. Филин Ф. П. (отв. ред.). М.: Наука, 1971, 267–272. [Trubachev O. N. From Proto-Slavic word-formation: nominal compounds with the prefix *a-*. *Problemy istorii i dialektologii slavyanskikh yazykov. Sbornik statei k 70-letiyu chlena-korrespondenta AN SSSR V. I. Borkovskogo*. Filin F. P. (ed.). Moscow: Nauka, 1971, 267–272.]
- Трубачев 1972 — Трубачев О. Н. Об одной редкой словообразовательной модели. *Русское и славянское языкознание. К 70-летию члена-корреспондента АН СССР Р. И. Аванесова*. Филин Ф. П. (отв. ред.). М.: Наука, 1972, 257–260. [Trubachev O. N. On one rare derivational model. *Russkoe i slavyanskoe yazykoznanie. K 70-letiyu chlena-korrespondenta AN SSSR R. I. Avanesova*. Filin F. P. (ed.). Moscow: Nauka, 1972, 257–260.]
- Усачёва 2003 — Усачева В. В. *Славянская ихтиологическая терминология. Принципы и способы номинации. Обратный словарь*. М.: Индрик, 2003. [Usacheva V. V. *Slavyanskaya ikhtiologicheskaya terminologiya. Printsipy i sposoby nominatsii. Obratnyi slovar'* [Slavic ichthyological terminology. Principles and methods of nomination. Reverse dictionary]. Moscow: Indrik, 2003.]
- Черепанова 1983 — Черепанова О. А. *Мифологическая лексика Русского Севера*. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. [Cherepanova O. A. *Mifologicheskaya leksika Russkogo Severa* [Mythological lexis of the Russian North]. Leningrad: Leningrad Univ. Press, 1983.]
- Шеворошкин 2004 — Шеворошкин В. В. *Звуковые цепи в языках мира*. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2004. [Shevoroshkin V. V. *Zvukovye tsepi v yazykakh mira* [Sound chains in the world's languages]. 2nd edn. Moscow: Editorial URSS, 2004.]

- Шульгач 2007 — В. П. Шульгач. Лексичні архаїзми українських говірок Правобережного Полісся з погляду етимології. *Словенска етимологија данас. Зборник симпозијума одржаног од 5. септембра 2006. године*. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2007, 451–458. [V. P. Shul'hach. Lexical archaisms of Ukrainian dialects of Western Polesia in etymological perspective. *Slovenska etimologija danas. Zbornik simpozijuma održanog od 5. septembra 2006. godine*. Belgrade: Institute of the Serbian Language, 2007, 451–458.]
- Шульгач 2008 — Шульгач В. П. *Нариси з праслов'янської антропонімії*. Ч. I. Київ: Довіра, 2008. [Shul'hach V. P. *Narysy z praslov'yans'koyi antroponimiyi* [Essays in Proto-Slavic anthroponymy]. Part 1. Kyiv: Dovira, 2008.]
- Němec 1979 — Němec I. O slovanské expresivní předponě *la-*. *Slavia*, 1979, XLVIII(2–3): 120–123.
- Popowska-Taborska 1987 — Popowska-Taborska H. Wartość leksyki peryferycznych obszarów językowych dla badań etymologicznych (w związku z projektem opracowania «Etymologii kaszubskich»). *Szkice z kaszubszczyzny. Dzieje. Zabytki. Słownictwo*. Popowska-Taborska H. Gdańsk: [Muzeum piśmiennictwa i muzyki kaszubsko-pomorskiej w Wejherowie Towarzystwa przyjaciół ziemi wejherowskiej], 1987, 219–224.
- Ułaszyn 1951 — Ułaszyn H. *Język złodziejski*. Łódź: Łódzkie Towarzystwo Naukowe, 1951.

Получено / received 14.07.2022

Принято / accepted 27.09.2022

Вопросы отглагольной номинализации в языке какчикель

© 2022

Ирина Сергеевна Бурукина

Венгерский исследовательский центр лингвистики, Будапешт, Венгрия;
Университет имени Лоранда Этвёша, Будапешт, Венгрия; irina.burukina@btk.elte.hu

Ирина Петровна Бурукина

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия; burukinairina@gmail.com

Аннотация: В данной статье мы представляем обзор продуктивных шаблонов отглагольной номинализации в какчикеле (эргативный язык из майяской семьи с базовым порядком слов VOS/SVO). Принимая за основу универсальную типологию отглагольных существительных, предложенную Дж. Гримшо и доработанную Х. Борер и К. Мултоном, мы показываем, что, в отличие от английского и других хорошо изученных языков Европы, которые разрешают использование одного и того же показателя для образования разных по своей природе лексических единиц, в какчикеле производные имена четко разделяются по своим морфологическим свойствам на три группы: сложные события, простые события и результаты. Мы подробно описываем особенности семантики и синтаксического поведения данных единиц, которым не уделяется достаточно внимания в существующих описательных грамматиках и формальных работах по майянистике. Рассматриваемые данные представляют интерес с типологической точки зрения, и их дальнейшее обсуждение поспособствует развитию общей теории номинализации.

Ключевые слова: акциональность, майя языки, номинализация, отглагольные существительные

Благодарности: Авторы выражают благодарность консультантам — носителям какчикеля за неоценимую помощь в сборе данных. Мы хотим поблагодарить Марию Полинскую, Марселя ден Диккена, Каталин Э. Киш, а также сотрудников Венгерского исследовательского центра лингвистики за поддержку. Отдельная благодарность редакторам журнала «Вопросы языкознания» и анонимным рецензентам. Полевая работа И. С. Бурукиной поддержана грантами Jacobs Research Funds; исследование поддержано грантом NKFI 129921 от Венгерского национального офиса исследований, развития и инноваций.

Для цитирования: Бурукина И. С., Бурукина И. П. Вопросы отглагольной номинализации в языке какчикель. *Вопросы языкознания*, 2022, 6: 62–80.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.6.62-80

Patterns of deverbal nominalization in Kaqchikel

Irina S. Burukina

Hungarian Research Centre for Linguistics, Budapest, Hungary;
Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary; irina.burukina@btk.elte.hu

Irina P. Burukina

Penza State University, Penza, Russia; burukinairina@gmail.com

Abstract: The paper provides an overview of productive patterns of deverbal nominalization in Kaqchikel (Mayan; ergative, VOS/SVO). Adopting the universal typology for deverbal nominals developed by J. Grimshaw, H. Borer, and K. Moulton, we demonstrate that, while in English and other well-studied languages of Europe the same morpheme is often used to create all kinds of deverbal nouns, Kaqchikel

clearly disambiguates between the three cases: complex events, simple events, and result nominals. We consider in detail the core semantic and syntactic properties of the three classes of items, thus filling in a gap in the description of Mayan syntax and further contributing to the general discussion of nominalization across the world's languages.

Keywords: actionality, deverbal nouns, Mayan, nominalization

Acknowledgements: We are grateful to Irma Yolanda Raquec Teleguario, Filiberto Patal Majzul, Gloria Imelda Ixim, Gloria Esmeralda Canú Chirix, and Celsa Vidalia Teleguario Sipac for sharing with us their knowledge of Kaqchikel. Many thanks go to Maria Polinsky, Pedro Mateo Pedro, Marcel den Dikken, Katalin E. Kiss, and researchers at the Hungarian Research Centre for Linguistics for their support and interest in the project. The fieldwork for the project was supported by Jacobs Research Funds grants (2018–2020) given to I. S. Burukina. The research of I. S. Burukina is also supported by the Hungarian National Research, Development and Innovation Office under the grant NKFI 129921. All mistakes are ours.

For citation: Burukina I. S., Burukina I. P. Patterns of deverbal nominalization in Kaqchikel. *Voprosy Jazykoznanija*, 2022, 6: 62–80.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.6.62-80

1. Введение

Проблема образования различных типов существительных от глагольных основ остается одной из наиболее обсуждаемых в современной лингвистике; см., к примеру, недавний сборник [Alexiadou, Borer 2020], а также такие публикации в значимых журналах, как [Baker, Vinokurova 2009; Kornfilt, Whitman 2011a; 2011b; McIntyre 2014] и др. Особый интерес представляет вопрос классификации подобных единиц и вычленение подгруппы так называемых смешанных категорий — номинализаций, которые обладают синтаксической дистрибуцией существительных и в то же время сохраняют некоторые глагольные свойства производящей основы [Grimshaw 1990; Bresnan 1997; Marantz 1997; Borsley, Kornfilt 1999; Alexiadou 2001; Borer 2003]. Однако, как и 50 лет назад, на момент выхода одной из основополагающих статей по данной тематике — [Chomsky 1970], — большинство работ рассматривают материал индоевропейских языков Европы, в то время как менее изученные языки других языковых семей, представляющие беспорный интерес с типологической точки зрения, не получают достаточного внимания.

Целью данной статьи является рассмотрение основных типов отглагольной номинализации в языке какчикель майяской семьи. За исключением нескольких недавних статей, посвященных формальному анализу синтаксиса отдельных видов отглагольных существительных в языках майя [Mateo Pedro 2009; Imanishi, Mateo Pedro 2013; Coon, Carolan 2017; Coon, Royer 2020; Imanishi 2020; Burukina I. S. 2021; to appear], вопрос образования и дистрибуции данных единиц остается мало изученным. Классические описательные грамматики какчикеля [García Matzar, Rodríguez Guaján 1997; García Matzar 2007; Patal Majtzul 2007], как правило, приводят лишь короткие списки отглагольных имен без контекста, достаточного для понимания их поведения. В свою очередь, материал, представленный в настоящей работе, позволяет получить полное представление о синтаксических и семантических особенностях продуктивных видов номинализации в языке.

В то же время нашей задачей было рассмотреть данные какчикеля с точки зрения общепринятого в типологии разделения отглагольных имен на событийные и результативные, разработанного преимущественно на примерах английского языка [Grimshaw 1990; Borer 2003; Moulton 2014]. Какчикель, принадлежащий к майяской семье, языки которой распространены в Центральной Америке, отличается от хорошо изученных индоевропейских языков по своему морфосинтаксическому типу (эргативный, а не номинативный), правилам согласования (полное согласование с подлежащим и прямым дополнением), базовому порядку слов (с начальным глаголом). Таким образом, мы полагаем, что его

изучение позволит обогатить теорию и в дальнейшем доработать существующие категоризации производных существительных.

Следуя универсальной классификации номинализаций [Grimshaw 1990], доработанной в [Borer 2003; Moulton 2014], в данной статье мы описываем следующие виды отглагольных существительных в какчикеле: 1) имена на *-ik*, обозначающие сложные события, ситуации, 2) имена на *-oj*, обозначающие простые события, и 3) имена на *-on*, указывающие на объект (результат или участника) какого-либо действия. Несколько примеров приведены в (1).

- (1) а. (*Röj*) *x-Ø-qa-chäp* (ri) *q-atin-ik*.¹
 мы ASP-B3SG-A1PL-начать DET A1PL-мыться-NMZ
 ‘Мы начали мыться’ (букв.: ‘Мы начали наше мытье’).
- б. *N-Ø-qa-rayi-j* [ri loq'-oj pa ka'i' ramaj].
 ASP-B3SG-A1PL-желать-TV DET купить-NMZ PREP два час
 ‘Мы хотим купить что-либо за / через два часа’ (букв.: ‘Мы желаем покупку чего-либо за / через два часа’).
- в. *X-Ø-qa-tz'ët* [ri oxi' ru-loq'-on ri Maria].
 ASP-B3SG-A1PL-видеть DET три A3SG-купить-NMZ DET Мария
 ‘Мы увидели три покупки Марии (вещи, которые купила Мария, или вещи, которые принадлежат Марии)’.

Мы подробно рассматриваем синтаксическое поведение данных единиц. Как указано выше, с одной стороны, мы сравниваем их между собой; см. Таблицу 1.

Таблица 1

Свойства событийных существительных в какчикеле

Показатель	Класс	Внешний аргумент (агенса)	Внутренний аргумент (пациенса)	Темпоральные выражения	Частый, постоянный
<i>-ik</i>	сложные события	простой / сложный посессор	✓	✓	✓ (sg)
<i>-oj</i>	простые события	простой посессор	×	✓	✓ (sg)
<i>-on</i>	результат	*простой посессор (многозначность)	×	×	✓ (pl)

С другой стороны, мы проводим параллель между какчикелем и английским и русским, подчеркивая такие особенности майяских языков, как однозначность и монофункциональность деривационных показателей, различное поведение переходных и непереходных глагольных основ, допустимость сочетания нескольких маркеров номинализации в одном слове.

Все примеры из какчикеля, рассматриваемые в данной статье, для которых не указан иной источник, были получены во время полевой работы одного из авторов с носителями пацунского диалекта, проживающими в городе Пацун, район Чимальтенанго, Гватемала, в 2017–2021 гг. Описывая материал, мы используем общеупотребительные термины, введенные в генеративистской литературе [Chomsky 1981; Chomsky 1995; Тестелец 2001], наряду с терминологией, принятой в отечественном языкознании. В соответствии с нашей

¹ Приводя примеры на какчикеле, мы придерживаемся стандартной орфографии и используем алфавит, одобренный на национальном конгрессе в Гватемале в 1987 г. [Hendrickson 1995]. Особым образом передаются следующие звуки. Ненапряженные гласные: *i* = [i], *a* = [ä], *ü* = [o], *e* = [ɛ], *ö* = [ɔ]. Согласные: *x* = [ç], *y* = [j], *j* = [χ], *ch* = [tʃ], *b*' = [β], *t*' = [tʰ], *tz*' = [tsʰ], *ch*' = [tʃʰ], *k*' = [kʰ], *q*' = [ç], ' = [ʔ].

основной целью — представить обзор отглагольной деривации в малоизученном языке — мы намеренно воздержались от формального анализа номинализации и стремились сделать обсуждение теоретически нейтральным и доступным наиболее широкому кругу читателей, независимо от принимаемого ими подхода к синтаксису.

2. Какчикель: Синтаксис

Какчикель принадлежит к кичейско-мамейской (восточной) ветви майяской языковой семьи и распространен в юго-западной части Гватемалы. Согласно опросу, проведенному в 2019 г., число носителей составляет 410 000 человек [Eberhard et al. 2021], большинство из которых — билингвы, говорящие на какчикеле и испанском, государственном языке Гватемалы.

В какчикеле вершина составляющей, как правило, предшествует зависимым (head-initial language). Во многих диалектах какчикеля стандартный порядок слов в простом предложении — VOS (глагол — прямое дополнение — подлежащее)² [England 1991], однако в пацунском диалекте нейтральным является порядок VSO (глагол — подлежащее — прямое дополнение). Кроме того, часто встречается порядок SVO с подлежащим в позиции топики [García Matzar, Rodríguez Guaján 1997; Patal Majzul et al. 2000; Clemens 2013].

Как и в остальных языках майя, категория времени в какчикеле выражается вместе с категориями аспекта и модальности в виде глагольного префикса, который мы обозначаем как ASP вслед за [Coon et al. 2014; Coon 2016], среди прочих. За ним следуют префиксы согласования с субъектом и объектом, кодирующие лицо и число. Благодаря такой прозрачности согласования аргументы-местоимения часто опускаются. Стандартный порядок грамматических показателей личного глагола приведен в (2): маркеры времени / аспекта и согласования предшествуют корню, в то время как различные залоговые трансформации и каузатив выражаются суффиксально³. Показатели времени / аспекта / модальности перечислены в таблице 2.

- (2) Порядок грамматических показателей личного глагола
ASP-ABS-ERG-корень(-CAUS-PASS/AP-TV)

Таблица 2

Показатели времени / аспекта / модальности [Patal Majzul 2007]

Завершенное действие	Незавершенное действие	Ирреалис	Императив
<i>x-</i>	<i>y- / n-</i> ⁴	<i>xk- / xt-</i>	<i>t- / k-</i>

² В данной статье мы используем термины «подлежащее / субъект», «прямое дополнение / объект», «притяжательная группа / посессор» как взаимозаменяемые.

³ Какчикель принадлежит к так называемым high-absolutive языкам, в которых показатель абсолютива расположен перед глагольным корнем; см. также киче, чух, мам, среди прочих. Некоторые майяские языки, однако, являются low-absolutive, так как маркер абсолютива в них следует за корнем: таковы, к примеру, чоль (i) и цельталь [Coon et al. 2014].

(i) а. *Tyi y-il-ä-yety.*

ASP АЗ-видеть-TV-V2

‘Она видела тебя.’

б. *Tyi uk'-i-yety.*

ASP плакать-ITV-V2

‘Ты плакал’. [Coon et al. 2014: 190 (18)]

⁴ Алломорф *n-* употребляется перед нулевым маркером абсолютива, ср. *y-at-oq'* (ASP-V2SG-плакать) ‘ты плачешь’ и *n-Ø-oq'* (ASP-V3SG-плакать) ‘он(а) плачет’.

Как указано выше, с точки зрения морфосинтаксиса какчикель является эргативным языком. Все именные зависимые остаются падежно немаркированными, однако подлежащее непереходного глагола и прямое дополнение переходного глагола кодируются одинаково показателем абсолютива на предикате, тогда как подлежащему переходного глагола соответствует эргативный маркер. Это проиллюстрировано в примерах (3) ниже. Префиксы согласования приведены в таблице 3. В данной статье мы используем традиционные для литературы по майянистике обозначения и глоссируем абсолютив как (Set) B, а эргатив как (Set) A [Coon 2016].

- (3) a. (*Röj*) *x-e-qa-tz'ët* (*rije'*).
 мы ASP-ВЗPL-A1PL-видеть они
 'Мы видели их'.
- b. (*Rije'*) *x-oj-ki-tz'ët* (*röj*).
 они ASP-В1PL-A3PL-видеть мы
 'Они видели нас'.
- c. (*Rije'*) *x-e'-atin*.
 они ASP-ВЗPL-мыться
 'Они мылись'.
- d. (*Röj*) *x-oj-atin*.
 мы ASP-В1PL-мыться
 'Мы мылись'.

Таблица 3

Показатели согласования и личные местоимения

	Set A (ERG/POSS)		Set B (ABS)	Личные местоимения
	перед согласным	перед гласным		
1SG	<i>nu- / in- / n-</i> ⁵	<i>w- / inw- / nw-</i>	<i>in-</i>	<i>rïn</i>
2SG	<i>a-</i>	<i>aw-</i>	<i>at-</i>	<i>rat</i>
3SG	<i>ru- / u-</i>	<i>r-</i>	∅	<i>rija'</i>
1PL	<i>qa-</i>	<i>q-</i>	<i>oj-</i>	<i>röj</i>
2PL	<i>i-</i>	<i>iw-</i>	<i>ix-</i>	<i>rix</i>
3PL	<i>ki-</i>	<i>k-</i>	<i>e-</i>	<i>rije'</i>

Необходимо также сказать несколько слов о синтаксическом поведении именных групп. В целом именная морфология какчикеля гораздо беднее глагольной: в языке отсутствуют маркеры падежа, множественное число маркируется лишь в узкой группе существительных (см. примеры (4)), не выражено согласование зависимых с именной вершиной.

- (4) a. *jun jeb'ël ixöq / tijonel / tz'i' / jay*
 один красивый женщина учитель собака дом
- b. *i lajuj jeb'ël ixoqi' / tijonela' / tz'i' / jay*
 ДЕТ десять красивый женщина учитель собака дом

⁵ Варианты *nu* (1SG), *w* (1SG) и *ru* (3SG) употребляются в основном как притяжательные префиксы (POSS) и могут встречаться только с неглагольными предикатами — существительными или прилагательными [Patal Majzul 2007].

Единственным грамматическим показателем, регулярно встречающимся в именной группе, является префикс согласования с посессором, присоединяющийся к вершине-обладаемому. Посессивное зависимое при этом остается немаркированным; в данной статье мы называем такие посессоры **простыми**. Парадигма притяжательного префикса совпадает с парадигмой эргатива (5), представленной в таблице 3.

- (5) *qa-tz'i'*; *q-ochoch*; *qa-b'i'*
 A1PL-собака A1PL-дом A1PL-имя
 'наша собака' 'наш дом' 'наше имя'

Существительные могут модифицироваться определенным артиклем *ri*, указательными местоимениями, числительными, прилагательными в пре- и постпозиции (4). За исключением простого посессора, в качестве именных зависимых используются только именные группы, сопровождающиеся одним из так называемых реляционных имен. Таким образом, к примеру, абсолютивные зависимые являются неграмматичными (6).

- (6) a. *ri ki-loq'-oj* [*ri ixoq-i'*]
 DET A3PL-купить-NMZ DET женщина-PL
 'покупка чего-либо женщинами'
- b. **ri e-loq'-oj* [*ri umul-a'*]
 DET B3PL-купить-NMZ DET кролик-PL
 'покупка кроликов'

Одним из наиболее употребимых является реляционное имя (*i*)*chin*, используемое в том числе для указания на обладателя. Как показано в примерах (5) и (7), в отличие от простых посессоров, **сложные** посессоры с (*i*)*chin* не кодируются на вершине-обладаемом при помощи притяжательного префикса. Однако эти два типа конструкций, как правило, синонимичны.

- (7) *ri (*q-)ochoch* [*q-ichin röj*]
 DET A1PL-дом A1PL-RN мы
 'наш дом'

Реляционные имена также оформляют зависимые, указывающие на причину, бенефициара (бенефактив), объект и т. п.; несколько примеров приведены в (8). Подробное описание синтаксиса и семантики реляционных имен лежит за пределами данной статьи, однако можно отметить, что они грамматикализованы и по своему поведению во многом сопоставимы с предлогами [Ranero 2019].

- (8) a. *Ri tz'i' x-Ø-muq-utäj* [*r-uma ri achi*].
 DET собака ASP-B3SG-хоронить-PASS A3SG-RN DET мужчина
 'Собака была похоронена мужчиной'. [Patal Majzul et al. 2000: 153]
- b. *X-Ø-u-löq'* *pe jun wuj ri achi* [*r-ichin ri ru-samaj*].
 ASP-B3SG-A3SG-купить DIR один книга DET мужчина A3SG-RN DET A3SG-работа
 'Мужчина купил книгу для своей работы'.

Несмотря на практически полное отсутствие грамматических показателей на именах существительных, какчикель обладает богатой деривационной морфологией. Прежде чем перейти к рассмотрению основных стратегий номинализации, доступных в языке (раздел 4), в следующем разделе мы кратко обсудим основные типы отглагольных существительных в языках мира, представив классификацию, предложенную Джейн Гримшо [Grimshaw 1990].

3. Отглагольная номинализация в языках мира

За основу для обсуждения различных типов номинализации в какчикеле мы принимаем универсальную классификацию отглагольных существительных, которая была предложена Джейн Гримшо [Grimshaw 1990] и впоследствии расширена в работах [Borer 2003] и [Moulton 2014]. В основе классификации лежит наблюдение, что по интерпретации и своему синтаксическому поведению отглагольные существительные не образуют гомогенную группу. В литературе, как правило, выделяют три класса отглагольных существительных: сложные события, простые события и результаты⁶. Ниже мы кратко рассмотрим и сравним основные свойства каждой из трех групп, используя данные английского и русского языков в качестве примеров.

Все **имена-события** описывают ситуации, примерно соответствующие семантике исходных глаголов, и употребляются вместе с зависимыми, указывающими на участников, также называемых аргументами или актантами [Тестелец 2001]. Традиционно выделяется два типа аргументов: внутренний — пассивный участник, вовлеченный в действие, также известный как пациентс, — и внешний — активный участник, инициатор действия, контролирующий ситуацию, также известный как агенс. Каждый глагол обладает так называемой аргументной структурой, то есть задает список обязательных участников. Особенностью отглагольных существительных, принадлежащих к классу сложных ситуаций, является то, что они полностью копируют аргументную структуру производящего предиката и требуют синтаксически выраженный внутренний аргумент, пациентс (9)–(10). В свою очередь, как отмечено в [Borer 2003; Moulton 2014], существительные — простые события употребляются без внутреннего аргумента. В таких примерах пациентс получает обобщенное или неопределенное прочтение, подобно местоимениям *кто-то* или *кто-либо* (11).

(9) [*The instructor*]_{Агенс} *examined* [*the patient*]_{Пациентс}.

(10) Сложные события

a. *The examination* [*of the patient*]_{Пациентс} *lasted a long time.*

b. *Рассказывание* [*историй*]_{Пациентс} *длилось три часа.*

(11) Простые события

a. *The examination lasted a long time.*

b. *Рассказ длился три часа.*

Что касается внешнего аргумента, агенса, он может быть выражен как при сложных, так и при простых событиях. В последнем случае часто накладываются дополнительные ограничения. Например, в английском внешний аргумент при сложном событии может быть выражен как предложной группой с *by*, так и посессивной конструкцией в генитиве, оформленной суффиксом *-s*; простые события допускают в качестве агенса только *by*-выражения. Примеры в (12) и (13) показывают эту разницу: генитивный агенс разрешен только при наличии ненулевого внутреннего аргумента.

(12) Сложные события

a. [*The instructor's*]_{Агенс} *deliberate examination* [*of the patient*]_{Пациентс} *took a long time.*

b. *The deliberate examination* [*of the patient*]_{Пациентс} [*by the instructor*]_{Агенс} *took a long time.*

c. *Рассказывание* [*историй*]_{Пациентс} [*старейшиной*]_{Агенс} *длилось три часа.*

⁶ Дж. Гримшо [Grimshaw 1990] разделяет отглагольные существительные на две группы: имена с аргументной структурой, позже обозначенные как событийные (эвентивные), или события (AS-nominals), и имена без аргументной структуры — результативные, или результаты (R-nominals). Дальнейшее деление событий на сложные и простые предложено в работе [Borer 2003].

(13) Простые события

- a. *[The instructor's]_{Агенса} deliberate examination took a long time.
- b. The deliberate examination [by the instructor]_{Агенса} took a long time.
- c. *Рассказывание [старейшиной]_{Агенса} длилось три часа.
- d. [Его]_{Агенса} рассказ длился три часа.

Имена-результаты указывают на предмет или лицо, связанные с каким-либо действием: это может быть непосредственный результат действия, один из участников, используемый инструмент и т. п.

- (14) a. The examination was photocopied on green paper.
- b. These frequent destructions took their toll.
- c. He gave that collection to the museum.
- d. Все рассказы лежали на столе.
- e. Напротив Петя увидел три новых постройки.
- f. Они взяли с собой необходимое снаряжение.

Такие существительные не имеют аргументной структуры. Если они употребляются с притяжательной группой, она указывает не на агенса или пациенса, а на обладателя или того, кто имеет отношение к предмету, подобно посессорам при обычных неотглагольных существительных (15)–(16). Отсюда неграмматичность примеров (15с) и (15d), в которых прилагательное *deliberate* требует однозначно проинтерпретировать посессора как агенса.

- (15) a. [Mark's]_{Обладатель/Автор/Бенефициар} examination was on the table.
- b. The examinations [of Mark]_{Обладатель/Автор/Пациенс} were on the table.
- c. *[The instructor's]_{Агенса} deliberate examination was on the table.
- d. *The deliberate examination [by Mark]_{Агенса} was on the table.
- e. [Mark's]_{Обладатель/Автор/Бенефициар} books were on the table.
- (16) a. [Светино]_{Обладатель/Бенефициар} снаряжение лежит в комнате.
- b. Снаряжение [Светы]_{Обладатель/Бенефициар/Пациенс} лежит в комнате.
- c. *Снаряжение [Светой]_{Агенса} лежит в комнате.

Поскольку имена-события описывают ситуации, происходящие во времени, они могут употребляться с темпоральными выражениями, в отличие от имен-результатов (12)–(13). Также разрешается употребление прилагательных типа *частый*, *постоянный* (17а, с). Отметим, что последние встречаются и с именами-результатами, но только когда те использованы во множественном числе (17b, d–e).

- (17) a. The constant examination of Sally bothered people.
- b. Frequent / constant exams / *exam from the teacher annoyed the students.
- c. Частое / постоянное строительство гнезд изматывает самца.
- d. Мы видели частые / постоянные глубокие проломы на дороге.
- e. *Мы видели частый / постоянный глубокий пролом на дороге.

Основные свойства имен-событий и имен-результатов, описанные выше, перечислены в таблице 4. В следующих разделах мы перейдем к рассмотрению отглагольных существительных в качикеле, опираясь на данную классификацию.

Таблица 4

**Свойства событийных и результативных существительных
(на материале английского и русского языков)**

	Значение	Внешний аргумент	Внутренний аргумент	Посессор	Темпоральные выражения	Частый, постоянный
Сложные события	событие	✓	✓	= участник	✓	✓ (SG)
Простые события	событие	✓	×	= участник	✓	✓ (SG)
Результаты	предмет	×	×	= обладатель		✓ (только PL)

4. Событийная номинализация в какчикеле

Как можно заметить на примерах, рассмотренных в предыдущем разделе, во многих индоевропейских языках один и тот же суффикс может быть многозначным и использоваться для образования как эвентивных, так и результативных отглагольных существительных, сравним в английском *assignment took an hour* (эвентивная номинализация) и *the assignments are on the table* (результативная номинализация). Одна из особенностей какчикеля заключается в том, что в данном языке деривационные функции четко разделены между несколькими показателями. Как будет показано в данном разделе, суффикс *-ik* используется для образования сложных событий, а суффикс *-oy/-oj* — простых событий. В разделе 5 мы также уделим внимание суффиксу *-on*, используемому для создания имен-результатов.

4.1. Сложные события

Имена существительные, указывающие на события, регулярно образуются в какчикеле при помощи суффикса *-ik* и его алломорфа *-ik*, который используется при отсутствии эргативного префикса. Данный показатель присоединяется только к непереходным глагольным основам. К примеру, как показано в (18a), глагол *atin* ‘мыться’ допускает только одного участника, агенса (того, кто моется); в (18b) образованное от данного глагола событийное существительное *atinik* ‘мытье’ также употреблено с единственной зависимой именной группой. В свою очередь, попытка образовать существительное на *-ik* от переходного (каузативного) глагола *atinisaj* ‘мыть’ (буквально ‘вынудить мыться’) приводит к неграмматичному результату (19).

(18) a. (*Röj*) *x-oy-atin*.
мы ASP-V1PL-мыться
‘Мы мылись’.

b. (*Röj*) *x-Ø-qa-chäp* (ri) *q-atin-ik*.
мы ASP-V3SG-A1PL-начать DET A1PL-мыться-NMZ
‘Мы начали мыться’ (букв.: ‘Мы начали наше мытье’).

(19) a. (*Röj*) *x-at-q-atin-isa-j* (rat).
мы ASP-V2SG-A1PL-мыться-CAUS-TV ты
‘Мы мыли тебя’.

- b. *(Röj) x-Ø-qa-chäp (ri) q-atin-is-ik / q-atin-isa-j-ik /
 мы ASP-B3SG-A1PL-начать DET A1PL-мыться-CAUS-NMZ A1PL-мыться-CAUS-TV-NMZ
 aw-atin-is-ik / aw-atin-isa-j-ik
 A2SG-мыться-CAUS-NMZ A2SG-мыться-CAUS-TV-NMZ
 Ожид.: ‘Мы начали мыть тебя’ (букв.: ‘Мы начали наше / твое мытье’).

Любой переходный глагол перед номинализацией на *-ik* должен быть подвергнут трансформации, понижающей его валентность (то есть количество аргументов), такой как пассивизация. К примеру, глагол *tijoj* ‘обучать’ требует двух участников — агенса (того, кто учит) и пациенса (того, кого учат) (20а). Так же, как и в примерах (19), попытка присоединить суффикс *-ik* к переходной основе дает неграмматичный результат: **tijik*, **tjójik*. Вместо этого для образования существительного используется пассивная основа с суффиксом *-x* (20b), и, как показано в (20c), полученное имя-событие сохраняет только внутренний аргумент: *ru-tijo-x-ik* ‘его обучение’, где ‘он’ — ученик, пациент.

- (20) a. *Röj x-Ø-qa-tijo-j ri ala’.*
 мы ASP-B3SG-A1PL-обучать-TV DET мальчик
 ‘Мы обучали мальчика’.
- b. *Ri ala’ x-Ø-tijo-x.*
 DET мальчик ASP-B3SG-обучать-PASS
 ‘Мальчик был обучаем’.
- c. *Röj x-Ø-qa-chäp (ri) ru-tijo-x-ik ri ala’.*
 мы ASP-B3SG-A1PL-начать DET A3SG-обучать-PASS-NMZ DET мальчик
 ‘Мы начали обучать мальчика’ (букв.: ‘Мы начали обучение мальчика’).

Традиционные грамматики часто называют лексические единицы с суффиксом *-ik* инфинитивами⁷ и используют данные формы в качестве словарных [Patal Majtzul 2007]. Однако, как показано в работах [Imanishi, Mateo Pedro 2013; Imanishi 2020; Burukina I. S. 2021], слова на *-ik* относятся к смешанной категории — событийным именам — и обладают свойствами как существительных, так и глаголов⁸.

С одной стороны, подобно глаголам, *ik*-формы сохраняют аргументную структуру и допускают каузатив и залоговые преобразования (21).

- (21) a. *Ri ak’wala’ x-e-ki-kam-isa-j ri ka’i’ äk’.*
 DET дети ASP-B3PL-A3PL-умереть-CAUS-TV DET два петух
 ‘Дети убили двух петухов’.
- b. *ri ki-kam-isa-x-ik ri ka’i’ äk’*
 DET A3PL-умереть-CAUS-PASS-NMZ DET два петух
 ‘убийство двух петухов’

Кроме этого, отглагольные единицы на *-ik* могут употребляться с наречными модификаторами, которые запрещены с обычными существительными (22).

⁷ В какчикеле, как и в некоторых других языках майя, отсутствуют инфинитивы в понимании, привычном читателю, знакомому с индоевропейскими языками, то есть глагольные формы, которые обозначают ситуации, но не выражают категорию времени. В рамках теории генеративной грамматики это традиционно объясняется невозможностью лицензировать участника в абсолютиве, напрямую связанной с отсутствием грамматического времени / аспекта / модальности [Coon et al. 2014]. Как показано в данном разделе, вместо этого в какчикеле используются отглагольные существительные — сложные события.

⁸ Подробно о синтаксисе смешанных категорий в языках мира см. [Grimshaw 1990; Bresnan 1997; Marantz 1997; Borsley, Kornfilt 1999; Alexiadou 2001], среди прочих.

- (22) a. *a-kan-ux-ik* *aninäq*
 A2SG-искать-PASS-NMZ быстро
 ‘быстрый поиск тебя’
- b. **aninäq* *tzij* / **samaj* *aninäq*
 быстро слово работа быстро
 Ожид.: ‘быстрое слово’ / ‘быстрая работа’
- c. *Rat* *x-at-kan-ux* *aninäq*.
 ты ASP-V2SG-искать-PASS быстро
 ‘Тебя быстро искали’.

С другой стороны, синтаксическая дистрибуция *ik*-единиц во многом повторяет дистрибуцию существительных: в предложении они регулярно употребляются в функции прямого дополнения (20с) или подлежащего (23).

- (23) *Ri* *ru-tzaq-ik* *ri* *a* *Juan* *ütz*.
 DET A3SG-падать-NMZ DET CL Хуан хороший
 ‘Падение Хуана — это хорошо’. [Imanishi 2020: пример 69]

Как и другие существительные (24а), они сочетаются с артиклями и не разрешают употребление показателя времени-аспекта-модальности (24b), которые обязательны для всех личных глаголов (24с).

- (24) a. *ri* *llave* / **x-llave*
 DET ключ ASP-ключ
 ‘ключ’
- b. *ri* *tzaq-ik* / **x-tzaq-ik* / **y-tzaq-ik*
 DET падать-NMZ ASP-падать-NMZ ASP-падать-NMZ
 ‘падение’
- c. *X-oj-oq’* / **Ri* *x-oj-oq’* / **Oj-oq’*.
 ASP-V1PL-плакать DET ASP-V1PL-плакать V1PL-плакать
 ‘Мы плакали’.

Что касается классификации отглагольных существительных, мы определяем *ik*-единицы как сложные события. Как правило, *ik*-существительное указывает на ситуацию, идентичную той, которую обозначает производящий глагол, с сохранением активного или пассивного участника (25).

- (25) a. *N-Ø-inw-ajo’* (*ri*) *k-atin-ik* *ri* *ak’wala’* *aninäq*.
 ASP-V3SG-A1SG-хотеть DET A3PL-мыться-NMZ DET дети быстро
 ‘Я хочу, чтобы дети быстро помылись’ (букв.: ‘Я хочу мытье детей быстро’).
- b. *N-Ø-inw-ajo’* *chi* *y-e’-atin* *ri* *ak’wala’* *aninäq*.
 ASP-V3SG-A1SG-хотеть COMP ASP-V3PL-мыться DET дети быстро
 ‘Я хочу, чтобы дети быстро помылись’.

Участники событий, выраженных *ik*-существительными, кодируются посессивной группой. Как указано в разделе 2, какчикель использует две притяжательные стратегии: 1) посессивная именная группа присоединяется напрямую к имени-обладаемому, на котором обязательно появляется соответствующий префикс лица и числа, и 2) посессивная именная группа сопровождается реляционным именем (*i*)*chin*, а обладаемое остается немаркированным. Событийные существительные на *-ik* допускают оба способа; см. синонимичные примеры в (26).

- (26) a. *N-Ø-inw-ajo'* *ri ru-tijo-x-ik* *ri xta Maria aninäq.*
 ASP-V3SG-A1SG-хотеть DET A3SG-обучать-PASS-NMZ DET CL Мария быстро
- b. *N-Ø-inw-ajo'* *ri tijo-x-ik* [*r-chin ri xta Maria*] *aninäq.*
 ASP-V3SG-A1SG-хотеть DET обучать-PASS-NMZ A3SG-RN DET CL Мария быстро
 'Я хочу, чтобы Марию быстро обучили'. (a = b)
- c. *N-Ø-inw-ajo'* *ri ru-tijo-x-ik* [*r-chin ri xta Maria*] *aninäq.*
 ASP-V3SG-A1SG-хотеть DET A3SG-обучать-PASS-NMZ A3SG-RN DET CL Мария быстро
 Только: 'Я хочу, чтобы кого-то быстро обучили для Марии'.

— (*i*)*chin*-группа может быть проинтерпретирована только как бенифициар.

Кроме того, как и другие событийные имена, существительные на *-ik* употребляются с модификаторами типа *частый*, *постоянный* и в темпоральных конструкциях (27).

- (27) *Ri ru-sik'i-x-ik* *ri libro n-Ø-yaloj wuqu' ramaj.*
 DET A3SG-читать-PASS-NMZ DET книга ASP-V3SG-длиться семь час
 'Чтение книги длилось семь часов'.

4.2. Простые события

Вторым суффиксом, используемым для образования событийных существительных, является суффикс *-oj*. В отличие от *-ik*, *-oj* присоединяется только к переходным основам, как непроезводным, так и производным, например каузативным; алломорф *-uj* используется, если основа заканчивается на согласный и в корне есть *u*, а алломорф *-j* — если основа заканчивается на тематический гласный. Полученные в результате единицы указывают на события и имеют дистрибуцию существительных: 1) употребляются в качестве субъекта или объекта действия, зависимого реляционного имени или предлога и 2) сопровождаются артиклем и сочетаются с различными именными модификаторами. Несколько примеров приведены в (28): событийное существительное *loq'-oj*, образованное от непроезводной переходной основы *loq'*, употреблено в функции прямого дополнения при глаголе 'хотеть', а также с реляционным именем *ik'in*. То, что данное существительное указывает на ситуацию, подтверждается наличием различных темпоральных обстоятельств.

- (28) a. *N-Ø-qa-rayi-j* [*ri loq'-oj pa ka'i' ramaj*].
 ASP-V3SG-A1PL-желать-TV DET купить-NMZ PREP два час
 'Мы хотим купить что-либо за/ через два часа'.
- b. *N-Ø-qa-rayi-j* [*ri ru-loq'-oj ri Maria pa ka'i' ramaj*].
 ASP-V3SG-A1PL-желать-TV DET A3SG-купить-NMZ DET Мария PREP два час
 'Мы хотим, чтобы Мария купила что-либо за/ через два часа'.
- c. *X-Ø-sach* *ri pajonel [r-ik'in ri nu-loq'-oj]*.
 ASP-V3SG-запутаться DET продавец A3SG-RN DET A1SG-купить-NMZ
 'Продавец запутался с моей покупкой'.

Помимо того, что *-ik* сочетается только с непереходными глаголами, а *-oj* только с переходными, между двумя шаблонами деривации есть еще одно ключевое различие. Мы предлагаем рассматривать существительные, образованные при помощи *-oj*, как простые события, а не сложные.

Во-первых, слова на *-oj* лишь частично сохраняют аргументную структуру производящего глагола. В отличие от слов на *-ik*, данные существительные не допускают

употребления пациенса. Это ограничение показано в (29), где событийное существительное *loq'oj* не может сочетаться с пациенсом, выраженным посессивной группой или объектом в абсолютиве.

- (29) a. **N-Ø-qa-rayi-j* [ri ru-loq'-oj / Ø-loq'-oj ri tzyäq].
 ASP-B3SG-A1PL-желать-TV DET A3SG-купить-NMZ B3SG-купить-NMZ DET одежда
- b. **N-Ø-qa-rayi-j* [ri loq'-oj r-ichin ri tzyäq].
 ASP-B3SG-A1PL-желать-TV DET купить-NMZ A3SG-RN DET одежда
- Ожидается: 'Мы хотим купить одежду'.

Во-вторых, подобно простым событиям в английском, описанным в разделе 3, имена на *-oj* в какцикеле накладывают ограничение и на внешний аргумент, активного участника. Вспомним, что при *ik*-существительных агенс может быть выражен и как простой посессор, то есть именная группа, которой соответствует притяжательный маркер на вершине-обладемом, и как сложный посессор, то есть группа с реляционным именем (*i*)*chin* (примеры (26) в разделе 4.1). При *oj*-существительных предпочтительной является первая стратегия; опрошенные нами носители указали, что в примерах, подобных (30), зависимое с (*i*)*chin* может интерпретироваться только как бенефициар, но не как агенс, в то время как примеры по типу (26) допускают и бенефактивное, и агентивное прочтения.

- (30) *N-Ø-qa-rayi-j* [ri loq'-oj r-ichin ri Maria pa ka'i' ramaj].
 ASP-B3SG-A1PL-желать-TV DET купить-NMZ A3SG-RN DET Мария PREP два час
- Только: 'Мы хотим купить что-либо для Марии за / через два часа'.

4.3. Промежуточные итоги: событийные имена

Основные синтаксические свойства событийных существительных на *-ik* и *-oj* приведены в таблице 5. Оба типа обозначают ситуации, в которые вовлечены определенные участники, и сочетаются с темпоральными модификаторами. Номинализация на *-ik* применяется к непереходным глагольным основам; единственный аргумент может быть как агенсом, так и пациенсом и выражается посессивной конструкцией. В свою очередь, номинализация на *-oj* применяется к переходным глагольным основам; зависимый простой посессор кодирует агенса, а пациенс остается синтаксически невыраженным.

Таблица 5

Свойства событийных существительных в какцикеле

Класс	Внешний аргумент (агенс)	Внутренний аргумент (пациенс)	Темпоральные выражения	Частый, постоянный
<i>-ik</i>	сложные события / простой / сложный посессор	✓	✓	✓ (SG)
<i>-oj</i>	простые события / простой посессор	×	✓	✓ (SG)

В следующем разделе мы дополним данную таблицу, рассмотрев результативные отглагольные существительные.

5. Результативная номинализация

5.1. Общие свойства

Результативные отглагольные существительные в какчикеле образуются при помощи суффикса *-on* или его алломорфа *-un*, употребляющегося с основами, в которых есть *u*. Как и *oj*-деривация, данное преобразование применяется только к переходным глагольным основам. Полученное существительное, как правило, обозначает пассивного участника, пациенса / объект, вовлеченного в то или иное действие, и может употребляться в предложении в функции подлежащего, прямого дополнения или в составе большей именной или предложной группы.

- (31) а. *X-Ø-qa-tz'ët* [ri oxi' ru-loq'-on ri Maria].
 ASP-B3SG-A1PL-видеть DET три A3SG-купить-NMZ DET Мария
 ‘Мы увидели три покупки Марии’ — вещи, которые купила Мария, или вещи, которые принадлежат Марии.
- б. *X-Ø-u-k'waj* el [r-onojel ru-ch'ajo'-n ri ixoq].
 ASP-B3SG-A3SG-нести DIR A3SG-весь A3SG-стирать-NMZ DET женщина
 ‘Женщина несла всю свою стирку’ — вещи, которые постирала женщина, или вещи, которые принадлежат женщине.

Как можно увидеть в (31), результативные номинализации ведут себя как обычные существительные: требуют употребления артикля и сочетаются с числительными. Они также разрешают посессивные зависимые, как простые, так и (*i*)*chin*-группы. При этом, как показано в (31), посессор получает гораздо более широкое прочтение, чем, к примеру, при *ik*-номинализации. Посессор при событийном существительном однозначно интерпретируется как один из участников ситуации — агенс или пациенс, — в то время как посессор при существительном на *-on* может указывать на любое лицо, имеющее какое-либо отношение к предмету, — автора, обладателя и т. п.; ср. в русском *книга Пушкина* — книга, написанная Пушкиным, или книга, которая принадлежит Пушкину, или книга, которую говорящему дал Пушкин, и т. д. При этом, согласно суждениям носителей какчикеля, непосредственно агентивная интерпретация допустима для простого посессора, но затруднена для сложного посессора с (*i*)*chin* (32).

- (32) *X-Ø-qa-tz'ët* [ri oxi' loq'-on r-ichin ri Maria].
 ASP-B3SG-A1PL-видеть DET три купить-NMZ A3SG-RN DET Мария
 Предпочтительно: ‘Мы увидели три вещи, которые принадлежат Марии, но которые купил кто-то другой’.

Как правило, существительные на *-on* обозначают различные предметы, поэтому, как и аналогичные непроеизводные имена, они могут модифицироваться прилагательными, указывающими на какие-либо физические свойства (33а), но не темпоральными зависимыми (33б).

- (33) а. *ri nīm loq'-on*
 DET большой купить-NMZ
 ‘большая покупка’
- б. **ri loq'-on pa ka'i' rataj*
 DET купить-NMZ PREP два час
 Ожидается: ‘покупка за два часа’

Поведение *on*-существительных сопоставлено с поведением существительных на *-ik* и *-oj* в таблице 6, которая представляет собой дополненную версию таблицы 5.

Таблица 6

Свойства событийных существительных в какчикеле

	Класс	Внешний аргумент (агенса)	Внутренний аргумент (пациенса)	Темпоральные выражения	Частый, постоянный
<i>-ik</i>	сложные события	простой / сложный посессор	✓	✓	✓ (SG)
<i>-oj</i>	простые события	простой посессор	×	✓	✓ (SG)
<i>-on</i>	результат	*простой посессор (многозначность)	×	×	✓ (PL)

5.2. Результативная номинализация: между объектом и агентом

Как указано выше, *on*-существительные образуются от переходных глаголов и обозначают одного из участников, вовлеченного в действие. Как правило, это пассивный участник, пациент; агенса при этом опционально кодируется как простой посессор (см. (31)). Однако встречаются и имена на *-on* со значением агенса.

Пример агентивной номинализации приведен в (34): агентивное существительное *ronon* ‘пекарь’, образованное от непроизводного переходного глагола *ron* ‘печь’, употреблено здесь в качестве предиката. Важной особенностью подобных агентивных существительных является обязательное наличие неоформленной («голой», bare) именной группы, обозначающей внутренний аргумент, пациента (в данном случае *wäy* ‘хлеб’). Как показано в примере (34), такие зависимые не могут сочетаться с артиклем, числительными или другими модификаторами; ср. в английском неоформленный объект в таких композитных существительных, как *baby-sitter* или *book-lover*⁹.

⁹ Похожая стратегия отглагольной номинализации используется в других майяских языках, включая, например, чух [Coon, Royer 2020]. Как показано в примерах ниже, в этом языке для образования агентивных существительных используется суффикс *-um* (диахронически связанный с какчикельским *-on*). При этом агентивное имя обязательно сопровождается неоформленным зависимым, указывающим на пациента. Единственное исключение из этого правила — агентивные существительные, образованные от производной глагольной основы на *-waj*.

- (ii) a. *Ix-w-il ix chonh-um *(wa'il / ixim / k'apak).*
 ASP-A1SG-видеть CLF продать-NMZ тортилья кукуруза одежда
 ‘Я увидел продавщицу тортильи / кукурузы / одежды’. [Coon, Royer 2020: 158]
- b. *Ix-w-il ix chonh-um (*ixim / *s-) wa'il.*
 ASP-A1SG-видеть CLF продать-NMZ кукуруза A3 тортилья
 ‘Я увидел продавщицу тортильи’. [Ibid.]
- c. *Ix-w-il ix chonh-waj-um (*wa'il / *ixim / *k'apak).*
 ASP-A1SG-видеть CLF продать-AP-NMZ тортилья кукуруза одежда
 ‘Я увидел продавщицу’. [Ibid.]

Дж. Кун и Дж. Ройер [Ibid.] описывают *-waj* как показатель антипассива, однако в случае какчикеля мы не находим оснований считать *-ou* маркером антипассивизации — такие формы глаголов образуются при помощи суффиксов *-on* и *-o*. Подробнее про антипассив в какчикеле см. [Heaton 2017; Ranero 2019] и цитируемые в этих работах источники.

- (34) (*Rat*) *a* [*pon-on* (**ri*) *wäy*]
 ты v2SG печь-NMZ DET хлеб
 ‘Ты пекарь’.

Отметим, что в примерах типа (34) внутренний аргумент не является опциональным — опрошенные нами носители языка подтверждают, что агентивное прочтение *on*-существительных допустимо только при выраженном пациенсе. Однако мы обнаружили одно исключение из этого правила. Агентивные существительные, образованные от основ, которые предварительно были модифицированы при помощи показателя *-ou*, не только не требуют, но даже запрещают пациентивное зависимое.

- (35) а. (*Röj*) *oj loq'-ou-on*.
 мы v1PL купить-NMZ-NMZ
 ‘Мы покупатели’.
- б. *X-Ø-in-tz'ët ri ch'ajo'-y-on*.
 ASP-V3SG-A1SG-видеть DET стирать-NMZ-NMZ
 ‘Я видел того, кто стирал что-то’.

Функция маркера *-ou* идентична функции показателя *-oj* у событийных существительных (см. раздел 4.2): в обоих случаях задачей деривации является удаление пациенса глагольной основы, которая требует два аргумента. Мы предлагаем рассматривать *-ou* и *-oj* как варианты одной морфемы¹⁰. Таким образом, в отличие от индоевропейских языков, какчикель разрешает применять номинализацию последовательно более одного раза.

6. Заключение

В данной статье мы описали основные стратегии отглагольной номинализации в какчикеле, языке майяской семьи, распространенном в Гватемале. Приняв за основу универсальную классификацию, предложенную Джейн Гримшо [Grimshaw 1990] и доработанную в [Borer 2003; Moulton 2014], мы остановили внимание на следующих трех группах существительных: 1) именах — сложных событиях на *-ik*, 2) именах — простых событиях на *-oj* и 3) именах-результатах на *-on*¹¹. Мы рассмотрели синтаксическое поведение этих

¹⁰ По всей видимости, данное чередование является морфемным, но не фонемным, и зависит от того, является ли суффикс конечным в основе или нет. Мы считаем данное предположение допустимым, поскольку, как указано в разделе 5, *-ou* и *-oj* выполняют одинаковую функцию и обладают схожей дистрибуцией. Следует так же отметить, что на конце слова после гласной [j] регулярно оглушается до фрикатива, хотя это изменение не фиксируется в орфографии [Patal Majzul et al. 2000]. Поскольку авторы, упоминающие данное изменение, не описывают свойства фрикатива подробно и не используют Международный фонетический алфавит, мы не можем с уверенностью утверждать, что речь идет о регулярном чередовании именно звуков [j] (y) и [χ] (j), однако носители языка (Filiberto Patal Majzul, личная беседа), описывая данный фрикатив, указывают, что он близок к звуку, передаваемому *j*.

¹¹ В данной статье мы сосредоточились на одной продуктивной стратегии каждого типа (сложные / простые события и результаты); существительные, образованные таким образом от любой подходящей по типу переходности глагольной основы, принимаются всеми опрошенными носителями языка, и мы не обнаружили каких-либо лексических ограничений. Следующие модели деривации, упомянутые в литературе, остались за пределами нашего внимания, поскольку допускают не только глагольные основы в качестве производящих: *-o' / -u' / -a'* (*k'utuuj* ‘спросить(ТВ)’ — *k'utu'* ‘мера’) и *-l* (*tukuj* ‘царапать(ТВ)’ — *tuku'l* ‘мельничка’). Эти способы словообразования не применяются к большому количеству проверенных нами слов, то есть являются менее продуктивными; кроме того, как видно из приведённых примеров, существительные с данными

единиц и сравнили их между собой по таким параметрам, как допустимость различных типов базовой основы, наличие и способы выражения участников ситуации, обозначенной производящим глаголом, сочетаемость с модификаторами типа *частый*, *постоянный*, употребимость в темпоральных конструкциях.

Сравнение какчикеля с такими хорошо изученными языками, как английский и русский, приводит к следующим выводам. С одной стороны, материал какчикеля подтверждает состоятельность универсальной типологии: все основные типы отглагольных существительных, которые распространены, к примеру, в индоевропейских языках, встречаются и в майяской семье. Кроме того, их свойства в значительной мере совпадают, как показано в таблице 7.

Таблица 7

**Свойства событийных и результативных существительных
(на материале какчикеля и английского)**

Класс	Внешний аргумент (агнс)	Внутренний аргумент (пациенс)	Темпоральные выражения	<i>Частый, постоянный</i>
какчикель				
<i>-ik</i>	сложные события	простой/сложный посессор	✓	✓ (SG)
<i>-oj</i>	простые события	простой посессор	x	✓ (SG)
<i>-on</i>	результат	*простой посессор (многозначность)	x	✓ (PL)
английский				
<i>-ion, -ation, -ment</i>	сложные события	генитив с - 's/зависимое с <i>by</i>	✓	✓ (SG)
	простые события	зависимое с <i>by</i>	x	✓ (SG)
	результат	*генитив с - 's (многозначность)	x	✓ (PL)

С другой стороны, в какчикеле наблюдается ряд важных особенностей.

1. Какчикель отличается от английского и русского по наборам показателей номинализации. Как показано в разделе 3, в английском и русском зачастую одна и та же морфема используется сразу в нескольких функциях, например для образования и событийных, и результативных имен: *John's construction of that building — several constructions on the street*, *сочинение детьми стихов — сочинения студентов лежат на столе*. Как описано в разделах 4 и 5, словообразовательные суффиксы в какчикеле являются однозначными: каждый показатель обладает одной особой функцией, которая сохраняется во всех контекстах.

2. Большую роль в какчикеле играет переходность производящей основы. Так, имена — сложные события на *-ik* образуются только от непереходных основ, тогда как имена — простые события на *-oj* и результативные существительные на *-on* образуются только от переходных основ. При этом производность основы не имеет значения, равно как и семантические роли аргументов — активных или пассивных участников.

суффиксами часто получают идиоматические значения. Для дальнейшего изучения также остаются способы образования исключительно агентивных существительных с помощью суффиксов *-el* (*b'anon* 'делать(АР)' — *b'anonel* 'деятель'), *-ül/öl* (*b'an* 'делать(ТВ)' — *b'anöl* 'деятель'), *-om* (*eleq* 'красть(ТВ)' — *eleq'om* 'вор') [García Matzar 2007].

3. Как указано выше, каждый деривационный суффикс в какчикеле, по-видимому, имеет одну постоянную функцию. Однако, в зависимости от того, с какой глагольной основой он сочетается, результат может получать разные интерпретации. Так, в разделе 5 мы привели примеры существительных на *-on*, которые указывают или на объект (результат) или на агенса. Похожие примеры можно найти и в других языках; сравним в английском такие пары как *roast* → *roaster* (пациент), *blend* → *blender* (инструмент), *teach* → *teacher* (агент). Однако в большинстве таких случаев легко определить регулярную, частотную, модель деривации (например, агентивное употребление *-er*) и исключения. Какчикель же интересен тем, что образование и объектных, и агентивных существительных с помощью *-on* является крайне продуктивным.

4. Наконец, как мы предположили в разделе 5.2, какчикель разрешает использование нескольких маркеров номинализации в одном слове. Подобное поведение не характерно для более хорошо изученных языков, включая английский и русский. Возможно, такая допустимость «циклической» деривации в какчикеле объясняется тем, что каждый из маркеров не просто меняет категорию слова (с глагола на существительное), но и выполняет дополнительную задачу: блокирует внутренний аргумент (*-oj / -oy*) или превращает событие в результат (*-on*).

Перечисленные выше факты открывают путь для дальнейших исследований в области номинализации. Мы надеемся, что настоящая статья заинтересует специалистов, изучающих отглагольное словообразование, и привлечет дополнительное внимание к малоизученным языкам.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо	DIR — директив
A — эргативный аргумент / посессор	NMZ — номинализатор
AP — антипассив	PASS — пассив
ASP — аспект	PL — множественное число
В — абсолютивный аргумент	PREP — предлог
CAUS — каузатив	RN — реляционное имя
CL — классификатор	SG — единственное число
DET — артикль	TV — переходный глагол

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Тестелец 2001 — Тестелец Я. Г. *Введение в общий синтаксис*. М.: Изд-во РГГУ, 2001. [Testelets Ya. G. *Vvedenie v obshchii sintaksis* [Introduction to general syntax]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities Press, 2001.]
- Alexiadou 2001 — Alexiadou A. *Functional structure in nominals: Nominalization and ergativity*. Amsterdam: John Benjamins, 2001.
- Alexiadou, Borer 2020 — Alexiadou A., Borer H. (eds.). *Nominalization: 50 years on from Chomsky's remarks*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2020.
- Baker, Vinokurova 2009 — Baker M., Vinokurova N. On agent nominalizations and why they are not like event nominalizations. *Language*, 2009, 85: 517–556.
- Borer 2003 — Borer H. *The forming, formation and the form of nominals*. Ms. Los Angeles: Univ. of Southern California, 2003.
- Borsley, Kornfilt 1999 — Borsley R. D., Kornfilt J. Mixed extended projections. *Syntax and semantics: The nature and function of syntactic categories 32*. Borsley R. D. (ed.). San Diego: Academic Press, 1999, 101–131.
- Bresnan 1997 — Bresnan J. Mixed categories as head sharing constructions. *Proc. of LFG 97*. Butt M., Holloway King T. (eds.). Stanford: CSLI Publications, 1997, 1–17.
- Burukina I. S. 2021 — Burukina I. On the nature of arguments in event nominals. *Proc. from LSA 2021 Meeting*, 2021, 6(1): 996–1008.

- Burukina I. S., to appear — Burukina I. A result nominalization analysis of the Kaqchikel periphrastic perfect. *Proc. of the 40th West Coast Conference on Formal Linguistics*, to appear in 2022.
- Clemens 2013 — Clemens L. V2 in a V1 language: Kaqchikel SVO. *Studies in Kaqchikel grammar*. Kenstowicz M. (ed.). Cambridge: MIT Press, 2013.
- Chomsky 1970 — Chomsky N. Remarks on nominalization. *Readings in English transformational grammar*. Jacobs R., Rosenbaum P. (eds.). Waltham: Ginn, 1970.
- Chomsky 1981 — Chomsky N. *Lectures on government and binding*. Dordrecht: Foris, 1981.
- Chomsky 1995 — Chomsky N. *The Minimalist Program*. Cambridge: MIT Press, 1995.
- Coon 2016 — Coon J. Mayan morphosyntax. *Language and Linguistics Compass*, 2016, 10(10): 515–550.
- Coon, Carolan 2017 — Coon J., Carolan E. Nominalizations and the structure of progressives in Chuj Mayan. *Glossa*, 2017, 2(1): 22.
- Coon et al. 2014 — Coon J., Mateo Pedro P., Preminger O. The role of case in A-bar extraction asymmetries: Evidence from Mayan. *Linguistic Variation*, 2014, 14(2): 179–242.
- Coon, Royer 2020 — Coon J., Royer J. Nominalization and selection in two Mayan languages. *Nominalization: 50 years on from Chomsky's remarks*. Alexiadou A., Borer H. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2020, 139–168.
- Eberhard et al. 2021 — Eberhard D. M., Simons G. F., Fennig C. D. (eds.). *Ethnologue: Languages of the world*. 24th edn. Dallas (TX): SIL International, 2021. Online version: <http://www.ethnologue.com>.
- England 1991 — England N. Changes in basic word order in Mayan languages. *International Journal of American Linguistics*, 1991, 57(4): 446–486.
- García Matzar, Rodríguez Guaján 1997 — García Matzar L. P., Rodríguez Guaján J. O. *Rukemik ri Kaqchikel chi'*: Gramática Kaqchikel. Guatemala City: Cholsamaj, 1997.
- García Matzar 2007 — García Matzar L. P. *Rujotayixik tzij pa Kaqchikel: Derivación de palabras en Kaqchikel*. Guatemala City: OKMA, 2007.
- Grimshaw 1990 — Grimshaw J. *Argument structure*. Cambridge (MA): MIT Press, 1990.
- Heaton 2017 — Heaton R. *A typology of antipassives, with special reference to Mayan*. Ph.D. diss., Univ. of Hawai'i at Mānoa, 2017.
- Hendrickson 1995 — Hendrickson C. *Weaving identities*. Austin (TX): Univ. of Texas Press, 1995.
- Imanishi 2020 — Imanishi Y. Parameterizing split ergativity in Mayan. *Natural Language & Linguistic Theory*, 2020, 38: 151–200.
- Imanishi, Mateo Pedro 2013 — Imanishi Y., Mateo Pedro P. Deriving nominals in Kaqchikel. *Studies in Kaqchikel grammar*. Kenstowicz M. (ed.). Cambridge (MA): MIT Press, 2013, 51–66.
- Kornfilt, Whitman 2011a — Kornfilt J., Whitman J. Introduction: Nominalizations in syntactic theory. *Lingua*, 2011, 121: 1160–1163.
- Kornfilt, Whitman 2011b — Kornfilt J., Whitman J. Afterword: Nominalizations in syntactic theory. *Lingua*, 2011, 121: 1297–1313.
- Marantz 1997 — Marantz A. No escape from syntax: Don't try morphological analysis in the privacy of your own lexicon. *Pennsylvania Working Papers in Linguistics 4.2*, 1997: 201–225.
- Mateo Pedro 2009 — Mateo Pedro P. Nominalization in Q'anjob'al (Maya). *Kansas Working Papers in Linguistics*, 2009: 46–63.
- McIntyre 2014 — McIntyre A. Constraining argument structure in nominalizations: The case of English -er. *Lingua*, 2014, 141: 121–138.
- Moulton 2014 — Moulton K. Simple event nominalizations: Roots and their interpretation. *Cross-linguistic investigations of nominalization patterns*. Paul I. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2014, 119–144.
- Patal Majtzul 2007 — Patal Majtzul F. *Rusoltzil ri Kaqchikel: Diccionario bilingüe estándar Kaqchikel ilustrado*. Guatemala City: OKMA, 2007.
- Patal Majzul et al. 2000 — Patal Majzul F., García Matzar L. P., Espantay Serech C. I. *Rujunamaxik ri Kaqchikel chi'*: Variación dialectal en Kaqchikel. Guatemala City: Cholsamaj, 2000.
- Ranero 2019 — Ranero R. *Voice mismatches in Kaqchikel sluicing: Consequences for syntactic parallelism*. Ms. College Park (MD): Univ. of Maryland, 2019.

Фактивность как триггер согласования с сентенциальным актантом в мокшанском языке

© 2022

Наталья Вадимовна Сердобольская

Институт языкознания РАН, Москва, Россия;

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина; serdobolskaya@gmail.com

Анастасия Дмитриевна Егорова

Независимый исследователь, Москва, Россия; astya28@mail.ru

Аннотация: В работе рассматривается проблема выбора субъектного и субъектно-объектного спряжения глаголов, присоединяющих сентенциальные актанты, в мокша-мордовском языке. Анализируются такие факторы, как фактивность, истинность подчиненной пропозиции, данное vs. новое, позиция сентенциального актанта в информационной структуре высказывания.

Ключевые слова: мокшанский язык, мордовские языки, полиперсональность, сентенциальные актанты, словоизменение глагола, согласование, уральские языки, фактивность

Благодарности: Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 20-512-14003 АНФ_a и проекта «Параметрическое описание языков Российской Федерации», реализуемого в Государственном институте русского языка им. А. С. Пушкина.

Для цитирования: Сердобольская Н. В., Егорова А. Д. Фактивность как триггер согласования с сентенциальным актантом в мокшанском языке. *Вопросы языкознания*, 2022, 6: 81–110.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.6.81-110

Factivity as a trigger of agreement with complement clauses in Moksha Mordvin

Natalia V. Serdobolskaya

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia; serdobolskaya@gmail.com

Anastasia D. Egorova

Independent researcher, Moscow, Russia; astya28@mail.ru

Abstract: The paper is aimed at finding the factors determining the choice between the subject and subject-object agreement patterns of complement-taking verbs in Moksha Mordvin. We analyze the following factors: factivity, truth value of the proposition in the complement clause, given vs. new, information structure.

Keywords: agreement, complementation, factivity, Moksha, Mordvin, polypersonality, Uralic, verbal inflection

Acknowledgements: The work is supported by the Russian Foundation for Basic Research grant No. 20-512-14003 ANF_a and the project “Parametric description of the languages of Russian Federation” realized at the Pushkin State Russian Language Institute.

For citation: Serdobolskaya N. V., Egorova A. D. Factivity as a trigger of agreement with complement clauses in Moksha Mordvin. *Voprosy Jazykoznanija*, 2022, 6: 81–110.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.6.81-110

1. Введение

В традиционных грамматиках изъяснительные предложения обычно рассматриваются отдельно от именных глагольных аргументов, в то время как типологи используют термины «сентенциальные актанта» (далее — СА) и «clausal arguments», предполагающие, что именные и клаузалыные глагольные актанта имеют общие свойства. Оба эти подхода находят мотивацию в синтаксических свойствах СА. В некоторых языках они маркируются падежными показателями (адыгейский язык), занимают ту же линейную позицию, что и именные актанта (например, в луговом марийском языке они могут быть вложены в главную клаузу), контролируют согласование главного предиката (австронезийский язык камбера; мордовские языки), могут становиться подлежащим при пассивизации главного предиката и т. п.

В других языках, однако, СА не демонстрируют каких-либо явных свойств именных актанта и, наоборот, проявляют свойства, недопустимые для именных аргументов, — например, в испанском языке СА демонстрируют нейтрализацию по падежу при выборе анафорических местоимений [Alsina et al. 2005].

В одном и том же языке могут сосуществовать СА с различными синтаксическими свойствами: в русском языке СА с *то, что* в большей степени проявляют свойства именных глагольных актанта, нежели СА с *что* и *как* (например, могут сочиняться с именными актантами, контролировать согласование матричного глагола по множественному числу, плавающие определители *один* и *сам* и т. п. [Летучий 2012; 2021: 314–478]). В английском языке финитные СА с союзом *that* с глаголом *believe* ‘думать’ в большей степени повторяют свойства именных актанта, нежели СА глагола *hope* ‘надеяться’ [Dalrymple, Lørdrup 2000]. В адыгейском языке только некоторые типы СА контролируют согласование матричного глагола по множественному числу [Летучий 2016].

В ряде работ показано, что такого рода свойства коррелируют с такими семантическими признаками, как фактивность, топикальность или «известность» зависимой клаузы (статус данного): фактивные / топикальные / известные СА склонны проявлять именные свойства в большей мере, нежели нефактивные / фокусные / вводящие новую информацию клаузы [Kastner 2015; Hanink, Bochnak 2016]. Однако семантические факторы, лежащие в основе распределения синтаксических типов СА, довольно сложно идентифицировать. Вне широкого контекста не всегда понятно, идет ли речь о фактивности, топикальности или предупомнутости СА (см. [Gentens 2016]). Настоящее исследование ставит задачу разграничения данных семантических типов и определения семантики «именных» и «неименных» СА в мокша-мордовском языке.

В мокша-мордовском, как и в некоторых других уральских языках, глагол может согласовываться одновременно с субъектом и с объектом, в том числе с СА:

- (1) *Таня сода-зе, што аля-нц ул-и стир-ец*
 Таня знать-**PST.3SG.O.3SG.S** что отец-3SG.P.SG.GEN быть-NPST.3SG девочка-3SG.P.SG
васенце рьва-нц эз-да...
 первый жена-3SG.P.SG.GEN в-ABL
 ‘Таня знала, что у ее отца есть дочь от первой жены...’ [МП 13.09.2012 № 36].

Альтернативный вариант — другая согласовательная парадигма, включающая только субъектное согласование (субъектное vs. субъектно-объектное спряжение в традиционных терминах [ГМЯ I: 132; Феокистов 1975: 313]):

- (2) *Юля арьсе-сь, што эряв-и пинге,*
 Юля думать-**PST.3SG** что быть.нужным-NPST.3SG время
штоба тядя-ц сетъм-оль...
 чтобы мать-3SG.P.SG успокоиться-**IMPF.3SG**
 ‘Юля думала, что нужно время, чтобы мама успокоилась...’ [МП 28.01.2010 № 3].

Синтаксически данные типы противопоставлены по своим свойствам: СА в (1) характеризуется рядом именных свойств, в то время как клауза в (2) их не имеет [Belyaev et al. 2017; Сердобольская, Егорова 2020]. В [Сердобольская, Кожемякина 2014] выбор согласования в аналогичных примерах объясняется наличием пресуппозиции истинности СА. В частности, глагол *sodams* ‘знать’ чаще присоединяет показатели объектного согласования, как в (1), а глагол *ar s'ams* ‘думать’ — скорее показатели субъектного согласования (2), что напоминает семантическое противопоставление СА при фактивном глаголе *znat'* и нефактивном *dumat'* в русском языке [Анна Зализняк 1992; Апресян 2001]. Ниже мы разграничиваем случаи, когда основным фактором выбора согласования матричного глагола является фактивность, а когда — иные факторы, включая топиальность СА, противопоставление данного и нового, аспектуальные свойства матричного глагола, наличие фреквентативных суффиксов. Для определения семантики обеих конструкций нами была разработана специальная анкета с диагностическими минимальными парами, направленная, в первую очередь, на разграничение фактивности СА, топиальности и статуса СА как данного или нового. Анкета доступна по ссылке: https://iling-ran.ru/serdobolskaya/anketa_sa.pdf.

Итак, цель настоящей работы — определить факторы выбора согласования при СА в мокша-мордовском языке. Рассматривалось 38 матричных предикатов в контексте номинализаций (инфинитивов) и союзов *što* ‘что’, *koda* ‘как’, *maz'ardə / majardə* ‘когда’, *štobə* ‘чтобы’ и *rəka* ‘пока’. Результаты синтаксического анализа данных конструкций подробно изложены в статьях [Belyaev et al. 2017; Сердобольская, Егорова 2020] и здесь обсуждаться не будут.

Исследование основано на данных, полученных в 2014–2016 гг. в ходе полевой работы с жителями сел Лесное Цибаево и Лесное Ардашево Темниковского района Республики Мордовия, а также на материале газеты «Мокшень правда» (МП) за 2008–2015 гг.¹

В работе используются следующие сокращения: ПД — прямое дополнение; СА — сен-тенциальный актант; матричный глагол — глагол, присоединяющий СА; СО — субъектно-объектное спряжение, С — субъектное спряжение.

2. Фактивность, истинность, топиальность и предупянутость СА: контекстуальные диагностики

Одним из важнейших семантических противопоставлений в системе конструкций с СА является фактивность [Kiparsky, Kiparsky 1971] — свойство матричного предиката вводить пресуппозицию истинности СА. В частности, глагол *regret* вводит пресуппозицию истинности СА (с точки зрения говорящего), в отличие от глагола *claim*, который лишь сообщает мнение (возможно, ошибочное с точки зрения говорящего) субъекта главной предикации:

- (3) а. *He regrets that Peter never went to college.*
б. *He claims that Peter never went to college.*

Наиболее часто обсуждаемый тест на пресуппозицию истинности СА — сохранение истинности СА при отрицании в матричной предикации [Beaver, Geurts 2012]. Для (3а) истинность пропозиции *Peter never went to college* сохраняется («пресуппозиция проецируется») под отрицанием (*He didn't regret that...*), в то время как в (3б) истинность СА при

¹ Мы опираемся на тексты газеты «Мокшень правда» и примеры, найденные поиском в Интернете, написанные на литературном мокшанском языке, поскольку, согласно [Феоктистов 1990: LXXI], говор сел, в которых проводилась полевая работа, относится к центральному диалекту мокшанского языка, который лежит в основе литературного языка. Такие примеры записаны кириллицей; элицитированные примеры приводятся в латинской транскрипции.

отрицании *He didn't claim that...* остается неизвестной. Соответственно, СА с пресуппозицией истинности в литературе характеризуются как факты [Арутюнова 1988; Анна Зализняк 1992], или фактивные пропозиции [Asher 1993], а СА без такой пресуппозиции — как (нефактивные) пропозиции.

В русистской семантической традиции наиболее обсуждаемое противопоставление в свете фактивности — это противопоставление знания и мнения [Анна Зализняк 1992: 448 и сл.; Апресян 2001]. Как показано в (1) и (2), глаголы со значением ‘знать’ и ‘думать’ также выбирают различные модели согласования в мокша-мордовском языке — СО и С соответственно; в [Сердобольская, Кожемякина 2014] фактивность приводится как основной фактор выбора согласования.

В литературе широко обсуждается точка зрения, согласно которой не существует четкой границы между фактивностью и известностью (статусом данного) в контексте [Kalluli 2010]. В частности, в [Levinson 1983: 205; Stalnaker 1974] формулируется понятие прагматической пресуппозиции (см. тж. [Падучева 1981]), которая определяется как «часть общих знаний говорящего и адресата», т. е. противопоставление данного / нового. Ниже мы исходим из необходимости различать логическую и прагматическую пресуппозицию (см. [de Cuba, Ürögdi 2010] и комментариев к (9)–(10)). Мы предлагаем ряд диагностик, позволяющих провести данное противопоставление, и показываем, что на нашем материале релевантна именно логическая пресуппозиция.

Один из важных вопросов, связанных с фактивностью, — является ли фактивность свойством главного предиката или свойством СА. Первый подход представлен в работах [Kiparsky, Kiparsky 1971; Анна Зализняк 1992; Апресян 2001; Падучева 2004], второй — в [Asher 1993; Kalluli 2010]. В [Levinson 1983: 183; Beaver, Geurts 2012] выделяются также конструкции, вызывающие пресуппозицию истинности («presupposition-inducing expressions»; например, конструкции узкого фокуса). Наш материал служит обоснованием для подхода, согласно которому матричный предикат может вызывать пресуппозицию истинности пропозиции в СА, однако фактивность все же является именно свойством СА. Поясним данную точку зрения. Глагол *знать* в русском языке в своем основном значении (‘субъект имеет истинную информацию о некотором объекте или явлении’ [АС, т. 3: 745]) вызывает пресуппозицию истинности и сохраняет истинность СА под отрицанием, ср.:

(4) *Он не знает, что Питер не учился в колледже.*

Однако данный глагол может присоединять СА, не обладающие свойством фактивности, например общий косвенный вопрос:

(5) *Он не знает, дома ли Питер.*

Очевидно, это не означает, что данный глагол не вызывает пресуппозицию (не является фактивным), так как наличие пресуппозиции — один из основных признаков, отличающих знание от мнения [Апресян 1995]. Однако фактивность СА определяется не только семантикой главного глагола. С другой стороны, глаголы мнения, будучи нефактивными, могут выступать в конструкциях с фактивными СА, например *Тогда я и не думал, что Р.*

Ряд предикатов, которые Л. Карттунен [Karttunen 1971] относит к фактивным, в своем основном значении присоединяют СА со значением события — например, англ. *see*; в [Spenader 2002; Beaver, Geurts 2012] глаголы окончания ситуации описываются как вызывающие пресуппозицию, ср. известный пример:

(6) *Ты перестала пить коньяк по утрам?*

Действительно, эти глаголы предполагают, что ситуация в СА имела место до момента речи. При ‘начинать’, наоборот, такой пресуппозиции не возникает, что показывает тест на отрицание: само употребление глагола завершения ситуации в *Она не перестала Р* вводит пресуппозицию, что ситуация в СА имела место, а при глаголах начала ситуации

такого не происходит (*Она (и) не начинала Р* предполагает, что не было такого момента, когда Р имело место).

Важно уточнить, что многие авторы не противопоставляют пропозиции и события в СА (см. работы о данных семантических типах [Арутюнова 1988; Анна Зализняк 1992; Asher 1993; Dik 1997; Hengeveld, Mackenzie 2008]). Для событий понятие истинности не имеет смысла: события не утверждаются, а происходят или не происходят в реальном (или воображаемом) мире [Анна Зализняк 1992]; в силу этого события плохо сочетаются с отрицанием [Asher 1993: 43], в отличие от пропозиций. Однако несмотря на то, что СА сам по себе не является пропозицией, можно сказать, что некоторые глаголы, вводящие события, ('перестать', 'заканчивать', 'видеть', 'слышать') имеют пресуппозицию истинности пропозиции, включающей ситуацию в СА. То есть, утверждая (7а) без отрицания или (7б) с отрицанием, говорящий оценивает ситуацию в СА как имеющую место в реальном мире и присоединяется² к мнению субъекта об истинности пропозиции *Она зашла в дом*; иначе он использовал бы конструкцию в (7в) и (7г) соответственно.

- (7) а. *Он видел, как она зашла в дом.*
 б. *Он не видел, как она зашла в дом.*
 в. *Ему показалось, что она зашла в дом.*
 г. *Он не видел, чтобы она заходила в дом.*

Аналогичным образом, произнося высказывание (6), говорящий предполагает истинность пропозиции *Ты пил коньяк по утрам* и считает, что соответствующая ситуация имеет место в реальном мире (см. [Анна Зализняк 1992] о пропозитивных СА как включающих событие в «информационной», или «ментальной оболочке»).

В (6) и (7а, б, г) СА не является пропозицией и не может оцениваться по параметру истинности, однако он выражает суждение, которое может быть оценено как истинное или ложное (ср. анализ контекста *помнить, что* как производного от *помнить, как* в [Анна Зализняк 1987: 26]). В силу этого мы предлагаем обозначать предикаты восприятия и окончания ситуации как вызывающие пресуппозицию, однако не считаем, что они обязательно вводят фактивные СА, — например, *видеть* в значении чувственного восприятия вводит события, а фактивный СА возможен только в значении когнитивного восприятия (см. сноску 2) в контексте союза *что*.

Определение информационного и дискурсивного статуса ИГ не всегда очевидно даже в случае объектных имен, референция которых может быть более или менее легко установлена в реальном мире. Неудивительно, что в случае абстрактных имен и тем более клауз выявление семантического типа сопряжено с серьезными трудностями (см., например, обзор различных подходов к анализу английских СА в [Gentens 2016]). Довольно часто все три типа — данное, факт и топик — совпадают в одном языковом выражении:

- (8) *Удивительно, что Вы не помните определение морфемы.*

В приведенном примере отрицание главной клаузы в (8) *Неудивительно, что...* сохраняет истинность СА; СА находится в пресуппозиции и является фактивным. В контексте экзамена и замешательства студента при ответе на просьбу преподавателя «Дайте определение морфемы» зависимая клауза будет интерпретироваться как данное и топик предложения. Таким образом, СА здесь является данным, топиком и характеризуется как фактивный.

Если речь идет о различном маркировании фактивных vs. нефактивных, топикальных vs. нетопикальных клауз, или клауз, кодирующих данное vs. новое, то такие примеры неинформативны. Кроме того, поскольку речь идет о данном / новом и топике / фокусе, для того, чтобы однозначно определить семантический тип СА, недостаточно изолированных

² В современном русском языке, однако, нередки примеры экспансии *как* на контексты ирреальной ситуации, подобные (7г).

предложений, требуется более широкий контекст. На первый взгляд, здесь может помочь анализ материала корпусов. Между тем большая часть корпусных примеров либо относятся к типам «фактивный СА, данное, топик» или «нефактивный СА, новое, фокус», либо же неоднозначны с точки зрения семантики СА. Чтобы понять, какой именно из трех факторов сыграл роль в выборе оформления, мы подобрали минимальные пары, противопоставляющие различные значения этих параметров в контексте (2–3 предложения). Кроме перечисленных трех факторов, учитывались индивидуальные семантические свойства матричных предикатов, то есть одни и те же противопоставления в контексте одного матричного предиката. Приведем пример контекстных пар:

(9) *(Почему ты не взял ключи?) Ты же знал, что меня не будет дома!*

(10) *Вот ты всё ругаешь дядю Витю. А ты знаешь, что он в войну получил два ордена?*

Выше противопоставлены два контекста для глагола *знать*. В первом случае зависимая клауза является данным и не входит в фокус. Однако СА при *знать* может вводить новую информацию и составлять фокус (10), оставаясь при этом фактивным.

Кроме перечисленных выше параметров, мы проверяли признак истинности пропозиции в СА (с точки зрения говорящего): для нефактивных СА противопоставляются 1) случаи, когда говорящий склонен считать СА истинным в силу контекста (11) или знает, что СА станет истинным в результате произнесения высказывания (перформативы), 2) контексты, где истинность СА не определена (12), и 3) контексты, имплицитующие ложность СА (13):

(11) *Не забудь сказать родителям, что завтра в школе собрание!*

(12) *Я не говорил, что поеду с вами, я промолчал, потому что не хотел спорить.*

(13) *Он сломал руку пьяный, а всем говорит, будто воевал.*

Для событий, которые не имеют истинности, тестировались контексты, предполагающие ирреальность СА:

(14) *(Дома ли Петя?) — Пети, по-моему, нет дома. Я не видел, чтобы он возвращался.*

Операторы эпистемической модальности, такие как ‘может быть’, ‘наверное’ и т. п., обычно выделяют нефактивные пропозиции ([Hengeveld, Mackenzie 2008: 151 и сл.]; ср. тж. [Anand, Nasquard 2013] о субънктиве в СА с фактивными глаголами). Это обусловлено тем, что они обозначают степень вероятности и, соответственно, непосредственным образом связаны с оценкой истинности, которая невозможна для событий и всегда одинакова («истина») для фактов (ср. неестественность ? *Она была расстроена тем, что он, может быть, опоздал на поезд*).

Далее, в анкету были включены контексты, «непрозрачные для пресуппозиции» («presupposition-opaque contexts», «plugs»): ирреальное условие, контрафактивные глаголы и т. п. [Heim 1992]. В этих контекстах истинность пресуппозиции может не сохраняться, ср.:

(15) *Если бы я знал, что могу научиться летать, я бы не пожалел на это времени и сил.*

(16) *Если бы я знал, что ты так резкоотреагируешь, я бы не стал с тобой это обсуждать.*

Оба примера содержат СА, вложенный в протазис ирреального условия, однако между ними есть существенное различие. В (15) зависимая предикация не может быть истинна в реальном мире, в то время как в (16) истинность СА сохраняется, как видно из контекста.

Анкета для мокшанских финитных СА включает 20 матричных предикатов. Кроме непосредственно семантических параметров, описанных выше, и матричных предикатов, мы старались учитывать различия в семантике союзов. Примеры подбирались таким образом,

чтобы получить минимальные пары в контексте трех основных союзов, использующихся в СА: *što* ‘что’, *koda* ‘как’ и *məz'ardə / məjardə* ‘когда’, — а также *pəka* ‘пока’ (в контексте глагола ‘ждать’). Союзы *štobə* ‘чтобы’, *bətə* ‘будто’ и бессоюзная стратегия в нашей анкете встречались довольно редко. Результаты опроса обсуждаются в разделе 3.2.4.

3. Семантика СА с объектным согласованием в мокша-мордовском языке

3.1. Объектное согласование с именными актантами

Противопоставление С- и СО-спряжения (см. введение) в мордовских языках подробно описано в ряде работ, начиная с грамматик [ГМЯ I: 132], и очерков [Феоктистов 1975: 313]. СО-согласование используется для переходных глаголов (17а), в то время как непереходные глаголы в основном присоединяют показатели С (18). Однако переходные глаголы допускают не только СО, но и С, ср. (17б, в).

(17) а. *vas'ε ker'-əz'ə* *šuft-t'* / **šuftə*
 Вася резать-PST.3SG.O.3SG.S дерево-DEF.SG.GEN / дерево
 ‘Вася срубил (это) дерево’.

б. *vas'ε ker'-s'* *šuftə* / **šuft-t'*
 Вася резать-PST.3SG дерево / дерево-DEF.SG.GEN
 ‘Вася срубил (какое-то) дерево’.

в. *vas'ε ker'-s'* *šuft-t'* *esə*
 Вася резать-PST.3SG дерево-DEF.SG.GEN V.IN
 ‘Вася рубил дерево’ {в течение долгого времени}.

(18) *traks-s' <...> pra-s'* *vet'-t'i*.
 корова-DEF.SG падать-PST.3SG вода-DEF.SG.DAT
 ‘Корова упала в воду’. [Элементы 2018: 865]

Выбор модели глагольного согласования в мордовских языках напрямую связан с маркированием ПД (см. подробнее статью С. Ю. Толдовой в [Элементы 2018]). ПД в генитиве определенного или посессивного склонения чаще всего требует СО (17а). Если ПД не оформляется (18б) или вводится послелогом *esə* (17в) (или аблативом при глаголах ‘есть’, ‘пить’, ‘курить’ [ГМЯ I: 115]), то глагол выступает в форме С. В целом переходные глаголы допускают все три модели маркирования ПД (17 а, б, в). Синтаксически генитивная и не-оформленная именная группы демонстрируют свойства канонического глагольного ПД, в то время как группа с послелогом *esə* лишена ряда таких свойств [Элементы 2018: 578 и сл.].

Факторы, определяющие выбор оформления ПД в мордовских языках, описаны в ряде работ, включая [Бубрих 1962: 107; ГМЯ I; Марков 1964; Серебренников 1967: 29–31; Тихонова 1986; Molnár 2001; Bartens 1999: 175; Цыпкайкина 2007: 64–66; Толдова 2017; Элементы 2018: 574–616]. Исследователи показывают, что стратегия «генитив + СО» выбирается для определенных ПД при предельных глаголах в случае перфективного видового ракурса (17а). Определенное ПД в контексте неопредельной интерпретации оформляется послелогом *esə* и требует С (17в) [Марков 1964; Матюшкин 1973; Козлов 2017].

То есть СО функционирует, с одной стороны, как показатель определенности ПД, а с другой стороны, как телисизатор (глагол теряет способность выступать в ряде контекстов с неопредельной интерпретацией, например в актуально-длительном значении настоящего времени) [Козлов 2017].

Важно упомянуть, что показатели многократности, или фреквентативные суффиксы в мокшанском могут иметь ателисизирующую функцию, см. статью А. А. Козлова в [Элементы 2018]. Соответственно, ожидается, что в этой функции глагол с фреквентативом скорее будет присоединять С. Ниже будет показано, что это выполняется и для матричных глаголов, присоединяющих СА.

Неопределенные ПД выступают без показателя; глагол присоединяет С (176). Если ПД и глагол находятся в разных компонентах информационной структуры высказывания, выбирается генитив ПД и С [Элементы 2018]; см. также [Матюшкин 1973; Grünthal 2008]. Нереперентные ПД оформляются генитивом и требуют СО, если они являются топиком, а в остальных случаях не оформляются [Элементы 2018: 606 и сл.].

Итак, в целом для выбора согласования глагола в контексте именного ПД релевантны факторы «данное vs. новое», позиция в информационной структуре высказывания, аспектуальные характеристики глагола и наличие фреквентатива. Первые два параметра входят в нашу анкету; мы обращали особое внимание на другие два параметра (в анкету они, однако, включены не были).

3.2. Семантика зависимой предикации и выбор модели согласования

3.2.1. Согласование матричных глаголов в мокша-мордовском языке

Проблема выбора согласования матричных глаголов, присоединяющих СА, обсуждается в литературе значительно реже, нежели аналогичная проблема для именных ПД. Некоторые обобщения сформулированы в работе [Molnár 2001]. Ю. Мольнар пишет, что СО обязательно, если СА оформляется номинализацией с генитивом определенного или посессивного склонения (20), в остальных случаях используется С (19).

(19) *mon juksta-n' rama-m-s kši*
я забыть-PST.1SG купить-INF-ILL хлеб
'Я забыл купить хлеб'.

(20) *mon falu juksn'ə-sa šava-n'ə-t'n'ə-n' šta-kšn'ə-ma-t'*
я всегда забыть.FREQ-NPST.3SG.O.1SG.S миска-DIM-DEF.PL-GEN мыть-FREQ-NZR-DEF.SG.GEN
'Я всегда забываю мыть посуду'.

Что касается финитных СА, в работе показано, что матричные глаголы 'думать' и 'знать' тяготеют к различным типам спряжения (С и СО соответственно), а также приводится список глаголов, предпочитающих С, и СО-глаголов. Таким образом, правила выбора согласования формулируются как индивидуальные свойства матричных глаголов.

Нами проведено исследование 38 матричных глаголов мокша-мордовского языка с целью определить факторы выбора согласования. Анализировались нефинитные СА и актантные предложения с союзами *što* 'что', *koda* 'как' и *məz'ardə / məjardə* 'когда' и *pəka* 'пока'. Предварительные результаты опубликованы в работе [Сердобольская, Кожемякина 2014]; настоящее исследование продолжает и углубляет данную работу. Мы уточняем результаты Ю. Мольнар и формулируем правила выбора согласования исходя, прежде всего, из семантического типа СА.

Следует уточнить, что мы не рассматриваем конструкции с союзом клауз (clause union) и конструкции, напоминающие по своим свойствам подъем аргумента СА³, подробно описанные в [Кожемякина 2016]. В первом случае объектные показатели на матричном

³ В [Кожемякина 2016] показано, что данные конструкции являются результатом кореферентного сокращения, а не подъема аргумента.

глаголе отсылают к ПД зависимой клаузы, во втором случае — к ее субъекту. Первый тип конструкций возникает только при нефинитных СА; второй тип возможен также в союзных актантных предложениях.

Ниже мы рассматриваем отдельно конструкции с нефинитными и финитными СА.

3.2.2. Согласование с нефинитными СА

Для нефинитных СА (номинализаций или инфинитивов⁴) действует правило, сформулированное в [Molnár 2001]: СО обязательно, если СА оформляется номинализацией с генитивом (20); в остальных случаях используется С, см. раздел 3.2.1. Уточним, что С выбирается как при формах на *-mә*, *-ms* (19) и *-mdә*, которые многие исследователи относят к инфинитивам, так и при номинализациях (на *-ma*) во всех падежах, кроме определенного или посессивного генитива. Такая же связь между согласованием глагола и оформлением ПД наблюдается при именных актантах. Данное правило практически не нарушается, в отличие от именных ПД [Элементы 2018: 576–577].

Нами зафиксировано лишь одно исключение из этого правила: глагол *pel'əms* 'бояться', который вводит стимул в аблативе или с послелогом *ezdә* 'от', может управлять не только номинализацией с послелогом, но и в генитиве. При этом допускается как СО, так и С. Конструкция с номинализацией в генитиве, однако, встречается крайне редко.

В целом все непереходные глаголы не присоединяют номинализации в генитиве и не допускают СО. Приведем список исследованных нами глаголов: *maštəms* 'уметь', *s'iz'əms* 'устать', *tonadəms* 'научиться, привыкнуть', *lotkəms* 'перестать', *jorəms* 'хотеть, собираться', *viz'd'əms* 'стесняться', *ken'ər'əms* 'успеть', *er'askədəms* 'спешить', *anəkləms* 'готовиться', *ver'andəms* 'верить', *ken'er'd'əms* 'радоваться', а также *pel'əms* 'бояться'.

Заметим, что в этот список входят не только глаголы контроля (напр., 'перестать', 'уметь'), но и другие глаголы, в частности 'верить', 'радоваться', 'научиться'. Таким образом, наличие контроля не является определяющим признаком для выбора согласования.

Рассмотренные нами переходные глаголы делятся на три типа. Глаголы начала ситуации *osnəvəms* и *ušədəms* 'начать' всегда выступают с С и инфинитивом. Глагол *ad'ələms* 'закончить' и глаголы *n'ejəms* 'видеть', *kul'əms* и *mar'əms* 'слышать', *kel'gəms* 'любить' всегда выступают с СО и номинализацией в генитиве. Наконец, глаголы *jukstəms* 'забыть', *kir'd'əms* 'терпеть' допускают обе конструкции: косвенный падеж нефинитной формы (иллатив при 'забыть', аблатив и датив при 'терпеть') с С или номинализацию в генитиве с СО.

С точки зрения семантики можно сформулировать следующие обобщения. Рассмотрим пару *ušədəms* 'начинать' — *ad'ələms* 'заканчивать'. Первый требует С (и немаркированного инфинитива на *-mә*), второй — СО (и, соответственно, номинализации в генитиве):

(21) *mon ušəd-ən'* / **ušəd-in'ə* *mora-mә*
я начать-РСТ.1SG / начать-РСТ.3.О.1SG.S петь-INF
'Я начал петть'.

(22) *mon ad'əla-sa* / **ad'əl-an* *mora-ma-z'ə-n'*
я закончить-NPST.3SG.О.1SG.S / закончить-NPST.1SG петь-NZR-1SG.P.SG-GEN
'Я заканчиваю петть'.

Так же себя ведет другой глагол со значением 'начинать', *osnəvəms*.

⁴ Проблема разграничения инфинитивов и номинализаций в мордовских языках является одной из наиболее активно обсуждаемых в литературе, см. [Бубрих 1953: 153–154; ГМЯ II: 241–249; Феоктистов 1975: 326] и др. Для настоящего исследования, однако, более важным оказывается именно падеж номинализации (генитив vs. остальные падежи), поэтому мы обходим данную проблему стороной.

Глаголы завершения ситуации предполагают, что ситуация в СА имела место до момента речи, а при ‘начинать’, наоборот, такой пресуппозиции не возникает (см. раздел 2). Выбор спряжения при данных глаголах коррелирует с семантическим типом глагола: СО используется при глаголах, вводящих пресуппозицию истинности СА.

Аналогичным образом, глаголы чувственного восприятия в своем основном значении предполагают, что ситуация в СА имела место (см. раздел 2), и, соответственно, требуют номинализацию и СО. Так же можно объяснить выбор инфинитива и С при глаголах ‘успеть’, ‘готовиться’, ‘спешить’, ‘бояться’, ‘забывать’ (в значении ‘забывать что-то сделать’), не имеющих пресуппозиции истинности СА.

Уточним, что глаголы ‘бояться’, ‘терпеть’ и ‘забывать’ присоединяют обе конструкции (19)–(20). При ‘терпеть’ и ‘бояться’ инфинитив с С используется в случае контроля, в остальных случаях предпочтительна номинализация с СО (с ‘бояться’ носители в целом предпочитают при отсутствии контроля финитные стратегии). Глагол ‘забывать’ (в значении ‘забывать что-то сделать’) в основном присоединяет инфинитив (19); номинализация в генитиве (20) маргинальна. По нашим данным, при этих трех глаголах выбор между С и СО не связан с семантическим типом СА.

Можно заключить, что при нефинитных СА наблюдается зависимость модели согласования от наличия пресуппозиции истинности СА. Уточним, что сформулированная закономерность действует как лексический, а не как семантический фактор. То есть, при СО-глаголах запрет на С сохраняется, даже если контекст вынуждает интерпретацию без пресуппозиции истинности:

(23) *ton uʒə t'ijit' urokn'an'?*

*mon iz'-in'ə / *iz'-ən' ad'al'a t'ij-əm-s*
я NEG.PST-PST.3.O.1SG.S NEG.PST-PST.1SG закончить.CN делать-INF-ILL

— Ты уже сделал уроки?

— Я не закончил их делать (потому что не успел за них сесть’).

Иными словами, пресуппозиция истинности определяет маркирование не в конкретном предложении, а для матричного глагола в целом (такой же принцип действует для некоторых типов союзных СА).

Сформулированное правило работает не для всех глаголов: один из глаголов окончания ситуации, *lotkams* ‘переставать’, выступает только с С. Также себя ведет глагол ‘уствовать’ с пресуппозицией истинности СА. Модальные глаголы, присоединяющие событийные СА (напр., ‘уметь’), также требуют инфинитива и С. Следует признать, что для многих глаголов контроля наиболее частотная стратегия оформления — это С и инфинитив, вне зависимости от семантики.

Итак, для большинства глаголов действует следующее правило: если данный глагол в своем основном значении чаще всего вводит пресуппозицию истинности СА, то он всегда выступает в форме СО и присоединяет номинализации с генитивом. В противном случае глагол выступает в форме С и присоединяет нефинитные клаузы с другими падежными показателями.

3.2.3. Выбор модели согласования при финитных СА

Перейдем к союзным СА. Допустимость СО зависит от переходности / непереходности матричного предиката: непереходные глаголы не допускают СО⁵. Обратное неверно; пере-

⁵ В силу этого ниже мы не рассматриваем такие глаголы, как *nadijams* ‘надеяться’, *evəd'əms* ‘пугаться’, *ken'er'd'əms* ‘радоваться’, *uʒel'd'əms* ‘жалеть’, *viz'd'əms* ‘стесняться’, *ver'andams* ‘верить’, *pel'əms* ‘бояться’ (последний допускает только один тип ПД — номинализацию в генитиве, однако данная конструкция маргинальна, и во всех остальных случаях, в том числе при союзных

ходные глаголы делятся на три типа: при некоторых предпочтительно СО (напр., ‘любить’, ‘забывать’), при некоторых — С (напр., ‘думать’, ‘привыкать’), при некоторых примерно с равной частотностью встречаются примеры и с СО, и с С (‘ждать’, ‘понимать’). Таким образом, на первый взгляд, выбор согласования задается индивидуальными лексическими свойствами матричного глагола.

Ю. Мольнар [Molnár 2001: 72–75] показывает, что глаголы речи делятся на две группы в зависимости от типа спряжения, глагол ‘думать’ чаще сочетается с С, а ‘знать’ — с СО, ср. (1)–(2) и (24)–(25):

- (24) *Эста аш-ине сода, што сон*
 тогда NEG.PST-PST.3.O.3SG.S знать.CN что он
 — *Великай Отечественнай войнань участник.*

{Когда я учился в вечерней школе, историю там вел М. И. Строителев.} ‘Тогда я не знал, что он участник Великой Отечественной войны’. [МП 12.05.2011 № 18]

- (25) *И рвьвась, виздемок ломаньда и пелемок идензон инкса, ашезь карма*
оду лувонфтомост серматнень, арьс-есть, што мирденц пякстазь тюрьмав...
 думать-PST.3SG что
 ‘И жена, стесняясь людей и боясь за детей, не стала снова давать читать эти письма, думала, что мужа посадили в тюрьму...’ [МП 19.08.2010 № 32]

Во многих языках глаголы со значением знания и мнения противопоставлены по фактивности СА: у ‘знать’ истинность СА находится в пресуппозиции, в то время как для ‘думать’ это чаще всего неверно [Kiparsky, Kiparsky 1971; Апресян 2001]. В мокша-мордовском языке глагол ‘знать’ — фактивный: под отрицанием сохраняется пресуппозиция истинности СА — в частности, в (24) это тот факт, что учитель является участником войны.

Напротив, глагол ‘думать’ вводит СА, не имеющие пресуппозицию истинности, и в том числе пропозиции, которые оцениваются говорящим как ложные: например, в (25) в контексте становится ясно, что муж героини не в тюрьме, а погиб на фронте.

В соответствии с этим в работе [Сердобольская, Кожемякина 2014] была высказана гипотеза о том, что выбор согласования матричного глагола в мокшанском языке обусловлен фактивностью СА. Фактивные контексты предпочтительно сочетаются с СО, как в (24), а нефактивные — с С (25). В указанной статье рассматриваются основные глаголы и союзы; показано, что глаголы *kel'gəms* ‘любить’, *n'ejəms* ‘видеть’, *kul'əms* и *mar'ams* ‘слышать’, *azəms* ‘говорить’, *sodəms* ‘знать’ (24), *jukstəms* ‘забывать’ (26), *mel'afəms* ‘помнить’ в большинстве случаев выступают в форме СО, ср. запрет на С в (26). Напротив, при глаголах *ar's'əms* и *duməndəms* ‘думать’ (25), *mer'gəms* ‘сказать’ и *korəms* ‘говорить’ в основном используется С, ср. запрет на СО в (27).

- (26) *t'ed'e-z'ə juksta-z'ə / *juksta-s' što ton't'eči šačəma šic'ə.*
 мать-1SG.PSG забыть-PST.3SG.S.3SG.O / забыть-PST.3SG что
 ‘Мама забыла, что у тебя сегодня день рождения’.

- (27) *rad'io-sə mer'k-s't' / *mer'g-əz' što ul'i ps'i.*
 радио-IN сказать-PST.3PL / сказать-PST.3.O.3.PL.S что
 ‘По радио сказали, что будет жарко’.

Наблюдаемые закономерности можно отчасти объяснить исходя из фактивности СА, в частности СО при ‘знать’, ‘помнить’ и ‘забывать’ и С при ‘думать’ и ‘сказать’. Однако

СА, данный глагол всегда выступает с С). Глагол *tonadəms* ‘привыкнуть’ является непереходным в значении ‘привыкать’, в котором он присоединяет СА, а переходное употребление имеет только в значении ‘научиться чему-л.’, в котором он не сочетается с СА.

некоторые глаголы из приведенного выше списка допускают и фактивные, и нефактивные СА — это глаголы ‘ждать’, ‘понимать’. Кроме того, нефактивные глаголы речи допускают строго одну модель согласования, некоторые — СО, некоторые — С. Далее, для многих глаголов находятся контрпримеры.

Для событийных СА, к которым гипотеза фактивности неприменима, выбор согласования тесно связан с выбором союза. В [Сердобольская, Кожемякина 2014] показано, что СА с союзом *koda* ‘как’ строго требуют СО, а СА с союзами *što* ‘что’, *məz'ardə / məjardə* ‘когда’, *štobə* ‘чтобы’ и бессоюзные финитные СА допускают оба типа согласования.

Наконец, в [Сердобольская, Кожемякина 2014] не рассматриваются другие факторы, описанные в разделе 2, — данное vs. новое, информационная структура высказывания, истинность СА. Между тем, как показано выше, эти факторы обычно тесно переплетаются с фактивностью и для их разграничения требуются специально построенные контексты.

Чтобы более точно определить факторы, влияющие на выбор согласования, и объяснить наблюдаемые несоответствия, мы провели опрос носителей по анкете, описанной в разделе 2. Ниже рассматриваются результаты опроса и формулируются обобщения.

Оговоримся, что базовое ограничение на СО в мокша-мордовском языке — переходность матричного глагола. Непереходные глаголы не допускают СО (или допускают его только при союзе клауз [Кожемякина 2016]) вне зависимости от значения и выбора союза. По этой причине ниже мы не рассматриваем такие глаголы, как *nad'ijams* ‘надеяться’, *evəd'əms* ‘пугаться’, *ken'er'd'əms* ‘радоваться’, *užel'd'əms* ‘жалеть’, *viz'd'əms* ‘стесняться’ и *ver'andams* ‘верить’. Глагол *pel'əms* ‘бояться’ допускает только один тип ПД — номинализацию в генитиве (если стимул выражен ИГ, он оформляется аблативом / послелогом *ezdə* ‘от’), однако эта конструкция, как уже говорилось, по-видимому, достаточно маргинальна и во всех остальных случаях, в том числе при союзных СА, данный глагол выступает исключительно с С. Глагол *tonadəms* является непереходным в значении ‘привыкнуть’, в котором он присоединяет СА, а переходное употребление имеет только в значении ‘научиться чему-л.’, в котором он не сочетается с СА. В силу этого глаголы *pel'əms* и *tonadəms* также не рассматриваются.

Обратим внимание, что исследование сложного предложения в мордовских языках имеет свою специфику. Как известно, в финно-угорских языках, тесно контактировавших с русским, сама конструкция союзного финитного придаточного заимствовалась из русского [ГМЯ II: 249–250; Бузаков 1965; 1973: 16; Феоктистов 1975: 337], вытесняя сложившиеся ранее конструкции с нефинитными формами. Результатом является заимствование ряда союзов (ср. мокшанские *što* ‘что’, *štobə* ‘чтобы’, *bəŋə* ‘будто’, *pəka* ‘пока’); заимствовано и несколько базовых матричных глаголов — ‘думать’, ‘верить’, ‘обещать’, ‘надеяться’. Данные заимствования входят в словари и грамматики середины XX в. и на настоящий момент уже могут считаться освоенными (см. [Бузаков 1965] о различии в употреблении русск. *что* и морд. *што*). Однако не всегда очевидно, насколько естественными являются те или иные сочетания союзов с глаголами: например, употребление *štobə* при ирреальных СА с ‘видеть’ и ‘слышать’ (*Ты когда-нибудь видел, чтобы слон летал?*), *što* при ‘ждать’ и ‘бояться’ и т. д. Это могут быть хорошо освоенные заимствованные функции соответствующих союзов или же окказиональные кальки русских конструкций. В силу этого делать вывод относительно семантики таких конструкций не так легко — можно предположить, что носители в этих случаях выбирают тип спряжения исходя из наиболее частотного типа при данном матричном глаголе, а не из семантики. Тем не менее, по нашим данным, в целом это не так: выбор спряжения по крайней мере в ряде случаев чувствителен к семантике СА и матричного глагола, поэтому мы берем на себя смелость делать выводы относительно связи семантики и выбора спряжения в мокшанском языке. С другой стороны, учитывая сам факт калькирования конструкций, мы считаем допустимым опираться на описания семантики русских матричных глаголов в русле Московской семантической школы (см. [АС, тт. 1, 3]). Конечно, наличие и естественность того или иного употребления проверялись в ходе полевой работы.

3.2.4. Семантический тип СА и согласование матричного глагола: результаты опроса

Как уже было сказано в разделе 2, наша анкета на семантический тип зависимой ситуации (https://iling-ran.ru/serdobolskaya/anketa_sa.pdf) учитывает следующие основные параметры: наличие пресуппозиции истинности, данное vs. новое, позиция СА в информационной структуре высказывания (топик — не топик — фокус), истинность СА с точки зрения говорящего. Анкета включает минимальные пары при различных матричных глаголах и в контекстах различных союзов. Всего в ходе опроса задействовано 17 носителей. В предложениях, полученных в ходе опроса, мы отдельно фиксировали первый вариант (СО или С), предложенный носителем, отдельно — грамматичность второго варианта, порожденного опрашивающим (если таковой предлагался). Ниже мы для каждого предложения из анкеты указываем его семантический тип; это делается также для примеров из текстов и — в тех случаях, когда есть достаточный контекст, — для элицированных примеров, не принадлежащих анкете.

Результаты опроса в целом подтверждают, что для выбора спряжения релевантно прежде всего наличие логической (семантической) пресуппозиции, но не предупомянутость или топикальность СА. Сформулируем правило выбора спряжения:

- (i) Фактивные СА требуют СО на матричном глаголе; нефактивные СА требуют С.

Кажущиеся исключения из этого правила возникают с нефактивными СА — это контексты, где пресуппозиция не проецируется, особые конструкции и значения матричных глаголов, производные глаголы с другой семантикой и т. п. Рассмотрим данные случаи подробнее. Ниже для каждого предложения его семантический тип уточняется после перевода.

При глаголе *sodams* ‘знать’ СО чаще всего обязательно:

- (28) *ton že soda-jt’* / **soda-t’* *što mon af ul’an kucə!*
ты же знать-PST.3.O.2SG.S / знать-PST.2SG что

‘{Почему ты не взял ключи?} Ты же знал, что меня не будет дома!’ — факт, данное, не топик

Как показано выше, глагол ‘знать’ в мокша-мордовском вызывает пресуппозицию; истинность СА сохраняется под отрицанием (24). СО обязательно, даже если СА вводит информацию, новую для адресата:

- (29) *a ton soda-sak* / **sod-at* *što*
а ты знать-NPST.3SG.O.2SG.S / знать-NPST.2SG что
vojnat’ pinkstə son palučandas’ kaftə ord’ətt?

‘{Вот ты ругаешь дядю Витю.} А ты знаешь, что он в войну получил два ордена?’ — факт, новое, фокус

В (29) СА является новым и принадлежит к широкому фокусу, однако требуется СО, а не С. Это доказывает, что СО маркирует логическую пресуппозицию, а не данное или топик. Заметим, что в принципе глагол ‘знать’ допускает С (см. ниже), т. е. требование СО не является лексически обусловленным запретом.

Один из контекстов при ‘знать’, не предполагающих фактивность СА, — это контекст общих косвенных вопросов [Levinson 1983: 184]:

- (30) *mon af sod-an ul’-ijt’ l’i*
я NEG знать-NPST.1SG быть-NPST.3PL ли
moskusə t’aftamə vastt kosə ul’i koda tonafn’əms mokšən’kel’i’.

‘Я не знаю, есть ли в Москве такие места, где можно учить мокшанский язык’. — пропозиция

Как и предсказывает правило (i), некоторые носители выбирают здесь С.

Рассмотрим контекст, где пресуппозиция не проецируется (см. раздел 2), — протазис условного предложения:

- (31) *kədə mon soda-l'-in'ə* / ^{OK}*soda-l'-ən'* *što*
 если я знать-IMPF-PST.3.O.1SG.S / знать-IMPF-PST.1SG что
t'ejən azəvi valšebnaj val mon s'akə afəl'an' l'ijə i aralal'in'ə jalgaz'an'.
 {Герой сказки улетел, оставил друга в беде.} 'Если бы я знал, что могу сказать волшебное слово [и улететь], я бы все равно не улетел, спас бы друга'. — факт, пресуппозиция не проецируется; данное, топик

Здесь прагматический контекст говорит о ложности зависимой предикации в реальном мире (в мире сказки пресуппозиция действует, однако она «не проецируется», т. е. не сохраняется на уровне главной предикации и всего дискурса). Как и ожидается, в этом контексте носители допускают С. Напротив, в (32), где 'знать' также выступает в протазисе ирреального условия и контекст говорит об истинности СА, пресуппозиция проецируется, и носители запрещают С:

- (32) *kədə soda-l'-in'ə* / ^{??}*soda-l'-ən'* *što*
 если знать-IMPF-PST.3.O.1SG.S / знать-IMPF-PST.1SG что
ton sajat mon bə s'adə ingəl'ə anal'an'pr'e rabotastə.
 '{Почему ты не сказал, что приедешь к нам?}' Если бы я знала, что ты приедешь, я бы заранее отпросилась с работы'. — факт; пресуппозиция проецируется; данное, топик

Таким образом, в целом при глаголе 'знать' выбор согласования ориентирован на фактивность СА: обычно 'знать' выступает с фактивными СА, и необходимо СО, однако при нефактивных пропозициях допускается С.

Рассмотрим теперь контекст глаголов мнения, не вводящих пресуппозицию.

Глаголы *dumandams* и *ar's'əms* 'думать' обычно выступают с С:

- (33) *dumand-an* *što*
 думать-NPST.1SG что
vas'e palučandaj egzamənt' inksə kaftə.
 'Думаю, что Вася получит на экзамене двойку'. — пропозиция

При 'думать', однако, возможна конструкция, где СА — фактивный, а именно конструкция вида «даже/и не думал, что Р». В этой конструкции оба глагола мнения допускают СО:

- (34) *mon iz'-in'ə* *ar's'-ə* *što*
 я NEG.PST-PST.3.O.1SG.S думать-CN что
son t'afitamə s'ir'ə, son pek octə n'efi'i.
 {— Почему ты не помог Марии Ивановне, не проводил до дома? Ей же уже за 80!}
 '— Я и не думал, что она такая пожилая, она очень молодо выглядит'.
 — факт, данное, топик

Это предсказывается правилом (i): поскольку в данных конструкциях есть пресуппозиция истинности СА, носители выбирают здесь СО.

Сопоставим эти примеры с предложениями, где контекст предполагает ложность СА:

- (35) *t'a-t* / **t'a-k* *ar's'-ə* *što*
 PROH-IMP.SG / PROH-IMP.3SG.O.SG.S думать-CN что
mon ton'mel'gat štasajn'ə šavan'et'n'an'.
 'Не думай, что я буду мыть за тебя посуду'. — пропозиция, данное, топик

В этом случае необходимо С. Такая же закономерность наблюдается в случаях, когда истинность СА не определена:

- (36) *mon n'ejin 'ə koda it'ɪ'langs koməc' pin 'ə,*
dumanda-n' što susk-si
 думать-PST.1SG что кусать-NPST.3SG.O.3SG.S
 {— Почему ты так испугалась?}
 '— Я увидела, как на ребенка собака прыгнула, думала, что покусает'.
 — пропозиция, новое, фокус

При наличии внешне-ситуационных эпистемических операторов ('может быть', 'наверное') СО недопустимо:

- (37) *as'e dumanda-j / *dumanda-si što*
 Ася думать-NPST.3SG / думать-NPST.3SG.O.3SG.S что
možt pet'e urmas 'kəc'.
 'Ася думает, что, может быть, Петя заболел'. — пропозиция

Наличие таких операторов при глаголах мнения противоречит семантике фактивности, поэтому запрет на СО при них вполне ожидаем.

Таким образом, при глаголах мнения выбор согласования также ориентирован на фактивность СА.

Русские⁶ переводные аналоги глаголов *jukstams* 'забывать' и *mel'aftəms* 'помнить' в значении информационной памяти (*помнить, что P*) в литературе характеризуются как содержащие смысл «знать информацию» и, следовательно, фактивные [НОСС: 390; Анна Зализняк 2008]. В мокшанском эти глаголы в основном присоединяют СО (26); С носители запрещают (кроме некоторых случаев, рассмотренных ниже).

Следующий пример из текста показывает, что для 'забывать' важна именно пресуппозиция истинности, а не топикальность:

- (38) *azər-s' juksta-z'ə što*
 господин-DEF.SG забыть-PST.3SG.S.3SG.O что
puŋf gazt' lankə pačkalgəc.
 {Собака наблюдает за хозяином, который берет нож, чтобы порезать зелень для омлета.} 'Хозяин забыл, что поставил на газ сковородку'. {Пошел посмотреть на сковородку.} [Текст «Омлет». Полевые материалы экспедиции 2015 г.] — факт, данное, фокус

Здесь СА отсылает к уже упомянутой выше ситуации («поставил на огонь сковородку»), однако она не входит в топик: непосредственно перед этим обсуждается, как хозяин взял нож, чтобы порезать зелень, и только после этого он вспоминает про сковородку. Таким образом, СА входит в широкий фокус — несмотря на это, он требует СО.

Однако в тех значениях, где данные глаголы не вводят пресуппозицию истинности СА, они выступают с С. Для 'забывать' это контекст «забыть что-то сделать» (сдвинутое употребление *забывать 1* в [АС, т 3: 444]) с инфинитивом⁷ (19). В этом контексте 'забывать' строго требует С-спряжения (кроме как в случае союза *клауз*), в то время как при фактивном СА с *što* требуется СО. Для 'помнить' это значение, близкое к *припомнить 2* в сочетании с отрицанием ([Июмдин 2010: 490]: 'ситуация или объект не возникла в сознании субъекта или вообще не существовала'), при котором СА чаще всего вводится союзом *štobə* 'чтобы':

- (39) *mašə af mel'afci / mel'aft-i štobə*
 Маша NEG помнить-NPST.3SG.O.3SG.S / помнить-NPST.3SG чтобы
paša kaz 'ən'd'əl't'ejənzə pančft.
 'Маша не помнит (не припомнит), чтобы Паша дарил ей цветы'. — событие, ирреальное

⁶ В английском *forget* 'забывать' относят к фактивным глаголам, а *remember* 'помнить' — к глаголам, допускающим и фактивные, и нефактивные СА [Kiparsky, Kiparsky 1971].

⁷ Уточним, что здесь дело именно в семантике, а не в том, что СА кодируется инфинитивом: инфинитив допускает СО, например, при *kel'gəms* 'любить'.

В этом случае некоторые носители допускают оба спряжения.

В обоих случаях (19) и (39) глаголы ‘помнить’ и ‘забывать’ вводят не пропозиции, а события, не реализованные в действительности. Реальные события вводятся союзом *koda* ‘как’ и требуют СО:

- (40) *son juksta-z'ə koda min'ingəl'ə jakamə.*
 он забыть-PST.3SG.O.3SG.S как
 ‘Он забыл, как мы раньше гуляли’. — событие, реальное

Итак, при ментальных глаголах в фактивных контекстах с союзом *što* ‘что’ используется СО. Кажущиеся нарушения возникают при фактивных глаголах, допускающих нефактивные СА в других значениях или в особых контекстах (при том же союзе или при других союзах). Кроме того, СО маркирует реальные события с союзом *koda* ‘как’. Нефактивные глаголы в основном строго требуют С (см., однако, оговорку относительно особой конструкции выше).

Существует два глагола, при которых формы СО и С кажутся в равной мере употребительными, — это глаголы *šar'kəd'əms* ‘понимать’ и *učəms* ‘ждать’, требующие отдельного обсуждения.

Глагол ‘понимать’ в [Анна Зализняк 1987; Падучева 1993] характеризуется как преимущественно фактивный: ‘Х понимает, что Р’ включает компонент ‘Х знает, что Р’. Согласно словарю [МРС 1998], основное значение мокшанского *šar'kəd'əms* — ‘догадываться’; такое значение предполагает фактивный СА. В соответствии с правилом (i), при данном глаголе ожидается СО. Однако, как отмечает Анна Зализняк [1987: 51], русский глагол *понимать* может употребляться в значении, где он не имеет фактивной презумпции: *Правильно ли я понял, что...?* В этом случае он может сочетаться с местоимением *так* и наречием *неправильно*. Мокша-мордовский глагол *šar'kəd'əms* также может иметь данное значение и сочетаться с местоимением ‘так’:

- (41) *sas'edət'n'ə vačkajt'mašinat'i veščat,*
mon t'afət šar'kəd'-ən' što s'in'tujt'. vid'ə t'e?
 я так понимать-PST.1SG что
 ‘Соседи укладывают вещи в машину, я так понял, что они уезжают. Это правда?’ — пропозиция, новое, фокус

Здесь СА включает пропозицию, которую говорящий представляет как вероятную, и носители чаще всего выбирают С. Напротив, в основном значении ‘понимать’ (42) чаще всего выбирается СО:

- (42) *mon šar'kəd'-in'ə što s't'ər'n'ez't'i topəd'i s'is'am kizət.*
 я понимать-PST.3.O.1SG.S что
kurək son mol'i školav.
 ‘Я понял, что дочке исполняется 7 лет! Скоро в школу пойдет’. — факт, новое, фокус

Данные выводы касаются только ‘понимать’ в прошедшем времени. В настоящем данный глагол всегда выступает с СО (не считая косвенного вопроса) и употребляется немало в другом значении: это не просто осознание, что некоторая пропозиция истинна, как в (41)–(42), а осознание и глубокое осмысление данного факта:

- (43) *Морафтсак тя или тона статьять и шарьхкодь-сак, што*
 и понимать-NPST.3SG.O.2SG.S что
синь ётафневихть тяштихнень седиснон-ваймоснон пачк.
 ‘Прочитаешь ту или иную статью и понимаешь, что они проходят через сердце и душу писателей’. [МП 17.06.2010 № 23] — факт, новое, фокус

- (44) *Тяни ни сембе лац шарьхкодь-сазь, што*
 сейчас уже все хорошо понимать-NPST.3.O.3PL.S что

юбилейсь — тя аф аныцек и аф сяшкава праздникь ётафтомац, а цебярень сатомась.

‘Сейчас уже все хорошо понимают, что юбилей — это не только и не столько проведение праздника, а достижение хорошего’. [МП 23.08.2012 № 33] — факт, новое, фокус

СА в (43) и (44) описывают сложные положения дел, включающие интерпретацию, моральную оценку и осмысление ситуации на глубоком уровне (3-е значение, «объяснить себе смысл, содержание чего-л.» в [МРС 1998]; ср. аналогичное толкование русск. *понятный* как «понимание сути характеризуемого объекта, проникновение в его основные, наиболее существенные свойства» [НОСС: 790]), в отличие от (41)–(42), где для говорящего в большей степени важна истинность пропозиции в СА, чем ее интерпретация и оценка на основании жизненного опыта. По нашим данным, во всех случаях, аналогичных (41)–(42), носители предпочитают использовать прошедшее время («понял, что»). Если в анкете русский стимул выступал в настоящем времени, информанты меняли его на прошедшее. Поэтому мы предполагаем, что настоящее время глагола ‘понимать’ в мокша-мордовском зарезервировано для глубинного понимания и осмысления, включающего компонент ‘X наблюдал подобные ситуации’. Это особое подзначение возникает только для фактивного значения ‘понимать’; поэтому в настоящем времени данный глагол выступает с показателями СО.

Таким образом, в целом глагол *šar'kad'ams* ‘понимать’ следует правилу фактивности (i). Рассмотрим примеры с СО и С при ‘ждать’:

- (45) *Весть стир-сь уч-езе, мзярда*
однажды девочка-DEF.SG ждать-*PST.3SG.O.3SG.S* когда
офтсь каязе понав кедть...

‘Однажды девочка подождала, когда медведь снимет мохнатую шкуру...’ [Мордовская сказка «Ореховая веточка»]. — событие, данное, фокус

- (46) *n'obas'tuc'av, mon uš-an / *uš-sa što ul'i piz'əm.*
я ждать-*NPST.1SG* / ждать-*NPST.3SG.O.3SG.S* что

‘На небе тучи, я жду / ожидаю, что будет дождь’. — пропозиция, новое, фокус

Выбор спряжения при ‘ждать’ соответствует различным значениям данного глагола: в (45) речь идет о «физическом» ожидании, в то время как в (46) оценивается вероятность того, что некоторая пропозиция истинна. Ю. Д. Апресян [АС, т. 3: 371–374] и Анна Зализняк [1992: 521 и сл.] выделяют несколько значений для русского глагола *ждать* с одушевленным субъектом, из которых для СА в мокшанском прежде всего релевантно противопоставление «процессуального» ожидания (‘в некотором промежутке времени быть в состоянии готовности к событию Р’) и «вероятностного» значения — в последнем случае ‘ждать’ синонимичен глаголам мнения («я ждал, что она обидится, но этого не случилось»). В обоих случаях стимулом ожидания является событие, однако согласно толкованиям Анны Зализняк [1992], в первом случае субъект знает или предполагает, что это событие будет иметь место (толкование включает компоненты ‘X считает, что Р произойдет’, или ‘X знает, что Р произойдет’, или ‘X считает, что Р возможно’), однако в ассерции толкования находится не Р, а само ожидание. Во втором случае, наоборот, в ассерции толкования вероятностная оценка: ‘X предполагает, что Р произойдет’. Тем самым, в первом случае стимул ожидания — это событие, и конструкция с ‘ждать’ может включать пресуппозицию истинности наступления этого события. Напротив, во втором случае СА, включающий это событие, является пропозицией, которая оценивается как высоко вероятная; в этом значении ‘ждать’ истинность СА не может быть в пресуппозиции.

Это соответствует фактам мокшанского языка. В (45) глагол ‘ждать’ обозначает сам процесс ожидания, СА обозначает событие, и выбирается СО. Во втором значении (46) СА — пропозиитивный, и на СО накладывается запрет.

Поскольку во втором значении глагол ‘ждать’ — «ментальное состояние», как и синонимичные ему глаголы мнения, «ситуация, “не заполняющая” промежутка времени, в течение которого оно [это состояние — *Н. С.*] имеет место, и не локализуемая в пространстве» [Анна Зализняк 1992: 525], он не допускает выражений, указывающих на процессуальность ожидания («сжду и жду, что...», «весь бледный жду, что...»):

- (47) а. *vas'ə uč-i što sevi kaftə egzamənsə.*
 Вася ждать-NPST.3SG что
 ‘Вася ожидает, что получит два на экзамене’. — пропозиция
- б. **vas'ə uč-i optəm bl'ednaj što sevi kaftə.*
 Вася ждать-NPST.3SG целиком бледный что
 Букв. «Вася весь бледный ожидает, что получит два».
- в. *ʔmon ozad-an i uč-an što son sevi kaftə.*
 сидя-NPST.1SG и ждать-NPST.1SG что
 ‘Я сжду и ожидаю, что он получит два’.

В процессуальном значении глагол ‘ждать’ выступает с союзами *məz'ardə / məjardə* ‘когда’ и *pəka* ‘пока’, *məz'ars* ‘до тех пор, пока’ и *štobə*, а в вероятностном значении — с союзом *što* или с бессоюзным СА. В первом значении он кодирует событие и допускает СО. Во втором значении, наоборот, СА — пропозитивный и нефактивный, и СО отвергается информантами.

Однако в первом значении не всегда выбирается СО, ср.:

- (48) а. *vas'e uč-i i uč-i məz'ardə ad'əla-v-i*
 Вася ждать-NPST.3SG и ждать-NPST.3SG когда закончить-PASS-NPST.3SG
piz'əm-s' i mon-gə t'ε-n' esə uč-an
 дождь-DEF.SG и я-ADD ЭТОТ-GEN В.IN ждать-NPST.1SG
- б. *...mon-gə t'ε-n' uč-sa*
 я-ADD ЭТОТ-GEN ждать-NPST.3SG.O.1SG.S
 а.=б. ‘Вася сидит ждет, когда дождь кончится, и я тоже этого жду’. — событие

В частности, при *štobə* чаще всего употребляется С:

- (49) *Уч-тама, штоба 2011 кизось улель нинге сяда удадафокс ингольть коряс...*
 ждать-NPST.1PL чтобы
 ‘Ждем, чтобы 2011 год был еще удачней предыдущего...’ [МП 30.12.2010 № 51]. — пропозиция

Это не противоречит правилу (i), так как здесь СА имеет значение события, а для событий противопоставление по фактивности нерелевантно. Что обуславливает выбор между СО и С в этих случаях? По нашим данным, ‘ждать’ может иметь различные модели управления. При процессуальном ‘ждать’ стимул может оформляться генитивом (48б) или послелогом *esə* (48а), как и именное ПД (см. раздел 3.1). При вероятностном ‘ждать’ носители предпочитают местоимение с послелогом *esə*:

- (50) *al'ez'ə kurək saj, možət, uski jarmakt.*
 — да, мон тожə t'ε-n' esə uč-an.
 да я тоже ЭТОТ-GEN В.IN ждать-NPST.1SG
 ‘Папа скоро придет, может, привезет деньги. — Да, я тоже этого жду (предполагаю)’. — пропозиция, данное, топик

Как и с именными аргументами, ПД в генитиве требует СО, а при послеложном аргументе глагол выступает с С. В первом значении носители допускают пассивную форму глагола ‘ждать’, во втором — нет. Это говорит о том, что ‘ждать’ в вероятностном значении

является непереходным и в силу этого всегда требует С (послелог *esə* вводит пациентив, не обладающий свойствами канонического ПД [Элементы... 2018]; отсюда запрет на пассив). Закономерно, что именно в этом значении он вводит пропозитивные СА: как и при глаголах мнения, пропозиции сочетаются с С.

В процессуальном значении глагол ‘ждать’, наоборот, переходный, поэтому допускает оба спряжения. Выбор согласования в основном обусловлен аспектуальными характеристиками. В перфективном контексте выбирается СО; а в имперфективном контексте — С:

(51) а. *son uč-əz'ə məz'ardə ad'əlav's' piz'əms'i tus'ošu.*
он ждать-PST.3SG.O.3SG.S когда
‘Он подождал, пока дождь закончится, и поехал в город’. — событие

б. *son uč-s' məz'ardə ad'əlav's' piz'əms'*
он ждать-PST.3SG когда
‘Он ждал, пока дождь закончится’. — событие

(51а) содержит указание на конечную точку ожидания, после которой происходит другое событие («подождал / дождался, пока Р»), и предпочтительно СО. Вариант в (51б) выбирается, если акцент не на конечной точке, а на самом процессе ожидания. Ср. также следующий пример и перевод, предложенный носителем:

(52) *mon uč-an, uč-an, no uč-san.*
я ждать-NPST.1SG ждть-NPST.1SG но ждть-NPST.3SG.O.1SG
‘Я жду, жду и все равно дождусь’.

В контексте имперфективных наречий, которые обычно используются как диагностика неопредельной акциональной интерпретации, предпочтительно С (53)–(54), на СО накладывается запрет (54):

(53) *mon uč-an af lam-n'a-s i tuj-an.*
я ждть-NPST.1SG NEG много-DIM-ILL и уйти-NPST.1SG
‘Я подожду немного и пойду’.

(54) *mon užə kaftə čast-t uč-an / *uč-san*
я уже два час-PL ждть-NPST.1SG / ждть-NPST.3SG.O.1SG
məz'ardə ton sərk-at.
‘Я уже два часа сижу и жду, когда ты соберешься’. — событие, данное, топик

Таким образом, при процессуальном ‘ждать’, где СА обозначает событие, а не пропозицию, выбор спряжения связан с аспектуальными характеристиками глагола, а не с семантикой СА. В этом событийные СА следуют правилам выбора согласования с именным ПД, см. раздел 3.1.

Итак, глаголы *učəms* ‘ждать’ и *šar'kəd'əms* ‘понимать’ допускают СО и С, и в обоих случаях С выбирается при том значении глагола, где СА — пропозиция. Фактивные СА при ‘понимать’ требуют СО, а событийные СА при ‘ждать’ допускают обе модели, в зависимости от аспектуального значения (как с именным ПД).

У ряда глаголов выбор спряжения, на первый взгляд, не объясняется правилом (i). Это глаголы восприятия *n'ejəms* ‘видеть’ и *kul'əms* ‘слышать’ (строго СО), глагол *kel'gəms* ‘любить’ (строго СО), глаголы речи *kořtəms* ‘говорить’, *mer'gəms* ‘сказать’ (строго С), *azəms* ‘сказать, рассказать’ и *kiz'əftəms* ‘спрашивать’ (строго СО, не учитывая прямую речь) и их дериваты с фреквентативом *kořn'ə-m-s*, *az-ənd-ə-m-s*, *kiz'əfn'ə-m-s*.

Самый сложный случай представляют собой глаголы речи. Ф. П. Марков [1964] пишет, что глаголы речи (приводятся примеры на *azomc* ‘говорить’, *poladomc* и *pribaavomc* ‘добавить’) в контексте прямого цитирования присоединяют СО. Мы рассматривали три глагола речи с общим значением ‘говорить’ — *kořtəms*, *mer'gəms* и *azəms*, а также *kiz'əftəms* ‘спрашивать’ и вышперечисленные фреквентативные дериваты.

Глаголы вопроса чаще всего вводят адресата в позиции ПД, который контролирует показатели СО (модель «спросил кого о чем») (55). Однако используются также конструкции, где ‘спросить’ согласуется с СА. Это видно по тому, что адресат — 1-е или 2-е лицо, а согласование происходит по 3-ему (56).

- (55) *Кизефт-емазь, коса работ-ан.*
спрашивать-РСТ.1.О.3PL.S где работать-NPST.1SG
‘Они спросили меня, где я работаю’. [МП 16.02.2015, номер не проставлен]
- (56) ...эрь медсестрасть, эрь санитаркасть (...)
кизефт-сазь, кодама минь пичефксоньке, прыбальньке.
спрашивать-NPST.3.О.3PL.S какой
‘...каждая медсестра, каждая санитарка (...) спрашивает, какие у нас тревоги, заботы’. [МП 20.09.2012 № 36]

Примеры с С также возможны — по нашим наблюдениям, при прямой речи, а косвенная речь требует СО (56).

Дериват данного глагола *kiz'əfn'əms* (с суффиксом фреквентатива) присоединяет С и с косвенной речью:

- (57) *Коль кизефне-сть, коста мон сань и кода пуроптыне тя щамть.*
все.еще спрашивать.FREQ-PST.3PL откуда
‘Они всё спрашивали, откуда я и как я создала этот наряд’. [МП 01.09.2011 № 34]

Суффиксы *-ənd-*, *-n'ə-*, *-s'ə-* и *-kšn'ə-* в литературе описаны как маркеры многократности [ГМЯ I: 1962], или фреквентативы [Элементы 2018]. Данные показатели могут не только обозначать множественность ситуации, но и выступать как ателисизаторы, и, соответственно, присоединять С (см. раздел 3.1). Поэтому у ряда СО-глаголов требование СО-спряжения ослабляется в контексте фреквентативных дериватов. В том числе С возможно для *kiz'əfn'əms* ‘спрашивать’, но не для *kiz'əftəms* ‘спросить’, чаще зафиксировано для *učs'əms*, нежели для *učəms* ‘ждать’, для *azəndəms* ‘говорить, рассказывать’, нежели для *azəms* ‘(рас)сказать’; см. также ниже о глаголах восприятия.

Нам не удалось обнаружить какие-либо семантические различия между примерами вида (56) и (57); в том числе, по-видимому, не играет роль противопоставление частного и общего косвенного вопроса.

Перейдем к глаголам речи с общим значением. Данные глаголы строго предпочитают один тип спряжения: *azəms* ‘сказать, рассказать’ всегда сочетается с СО, а *kořtəms* ‘говорить’ и *mer'gəms* ‘сказать’ и их дериваты — с С. Дериват *az-ənd-əm-s* (сказать-FREQ-INF-ILL) скорее предпочитает СО, однако допускает С (как и дериваты других СО-глаголов, напр. *kiz'əfn'ə-m-s* (спрашивать-FREQ-INF-ILL), *n'ej-ən'd'əm-s* (видеть-FREQ-INF-ILL), *kul'ən'd'əm-s* (слышать-FREQ-INF-ILL) ниже).

Наши данные показывают, что глаголы речи имеют различное распределение в зависимости от того, оценивает ли говорящий ситуацию в СА как истинную. В нашей анкете семь контекстов для глаголов речи: СА — данное в топике, СА — данное в фокусе, СА — новое в ассерции, перформативное употребление, ложный СА, гипотетическая ситуация в контексте условного предложения, истинная ситуация в контексте условного предложения. Везде, где пропозиция в СА оценивается как истинная (если это понятно по контексту), активно используется *azəms*⁸. Всего таких контекстов три: данное в топике, новое в ассерции, перформативное употребление. Из 33 примеров такого типа в 18 случаях носители выбрали глагол *azəms* (54% случаев). Остальные примеры включают пропозиции с неопределенной истинностью или ложные пропозиции. В этих случаях носители

⁸ Уточним, что мы анализируем только конструкции с СА, то есть поведение *azəms* при прямой речи может быть устроено иначе.

намного реже использовали *azəms* (2 из 19, т. е. 15% случаев), а предпочитали *koṛtəms* и *mər'gəms*, их дериваты или дериват *azəndəms*, который как раз допускает С.

Соответственно, мы предполагаем, что глагол *azəms* имеет более ограниченную лексическую сочетаемость, чем его синонимы: он вводит информацию, которая оценивается говорящим как истинная (в том числе официальную информацию, в значении 'объявлять, заявлять' [МРС 1998]). Это примеры, где СА является истинным в силу конситуации или контекста (тогда он обычно входит в данное) (58), где его истинность утверждается (сам СА в ассерции) (59) или совершается в контексте перформативного глагола (60). В первом случае СА обычно является данным (в частности, может быть топикальным (58)), во втором случае — новым (59)–(60). Таким образом, глагол *azəms* нечувствителен к статусу СА как данного или нового и его позиции в информационной структуре.

- (58) *ton d'ed'ε-c'ɪ'i az-it' što moɭ'-t'amə ešəl'a-mə?*
ты мать-2SG.P.SG.DAT сказать-PST.3.O.2SG.S что идти-NPST.1PL купаться-INF
— *oj, iz'-in'ə az-ə n'ingə*
ой NEG.PST-PST.3.O.1SG.S сказать-CN еще

'Ты сказала матери, что мы купаться идем? — Ой, не сказала еще'. — пропозиция, данное, топик

- (59) *ab'əzat'al'nə az-k rad'it'əɭ'n'an'd'i što vandi školasə sabran'ije!*
обязательно сказать-IMP.3SG.O.SG.S

'Обязательно скажи родителям, что завтра в школе собрание!' — пропозиция, новое, фокус

- (60) *mon az-sa što ton bol'šə t'asə af rabotat.*
я сказать-NPST.3.SG.O.1SG.S что

{Директор увольняет рабочего.} 'Объявляю, что ты больше здесь не работаешь!' — пропозиция, новое, фокус

Если же СА является ложным (61) или имеет неопределенное истинностное значение (62), носители предпочитают использовать другие глаголы: в 42% случаев *koṛt'ams* и *koṛn'əms*, в 37% *mər'gəms* и *mər'gən'd'əms*:

- (61) *mes ton iz'-ət' / ?iz'-it' mər'g-ə što*
почему ты NEG.PST-PST.2SG / NEG.PST-PST.3.O.2SG.S сказать-CN что
is'ak l'ezdət't'ed'ec'ɪ'i?

{— Учительница меня поругала за то, что я не сделал задание.

— Надо было соврать.} 'Почему ты не сказал, что ты вчера маме помогал?'

— пропозиция, ложная, новое, фокус

- (62) *mon iz'-ən' / *iz'-in'ə koṛta što*
я NEG.PST-PST.1SG NEG.PST-PST.3.O.1SG.S говорить-CN что

maṛtat mol'an štoḅə t'in'maṛtant af spor's'əms.

'Я не говорил, что поеду с вами, (я промолчал,) чтобы не спорить'. — пропозиция, неопределенная истинность, данное, топик

В этих контекстах также могут использоваться фреквентативные дериваты от *azəms* — *az-əndəms* или двойной фреквентатив *az-ən-kšn'əms*. Наличие такого суффикса (суффиксов) не только влияет на допустимость С-спряжения, но и меняет лексические ограничения: *azəndəms* и *azənkšn'əms* допустимы при СА с неопределенной истинностью в большей мере, нежели *azəms*.

Можно заключить, что глаголы *azəndəms*, *azənkšn'əms*, *mər'gəms*, *koṛtəms* и *koṛn'əms* не специфицированы по истинностной оценке СА, в то время как *azəms* чаще всего сочетается с пропозицией, которая оценивается говорящим как истинная.

Подчеркнем, что параметр «истинность СА», конечно, не совпадает с фактивностью, так как в последнем случае истинность СА не просто утверждается, а находится в пресуппозиции. Однако лексическая сочетаемость глагола *azəms* не может не отражаться на выборе спряжения. Данный глагол практически всегда требует СО, в то время как *koṛtəms*, *koṛn'əms* и *mer'gəms* требуют С. Другое спряжение выбирается крайне редко, и это происходит именно в тех контекстах, где при опросе навязывается нарушение ожидаемой лексической сочетаемости. В частности, с ложными СА *azəms* не используется; однако если специально подставить этот глагол, носители могут разрешить С. И наоборот, в контекстах, где истинность СА в пресуппозиции, носители скорее склонны употребить *azəms*, но если специально подставить глаголы *mer'gəms* и *koṛtəms*, то они могут разрешить СО.

Итак, выбор спряжения при глаголах речи практически всегда лексически обусловлен. Для глагола *azəms* этот выбор связан с ограничениями на лексическую сочетаемость, в то время как для *koṛtəms*, *koṛn'əms* и *mer'gəms* он довольно жестко фиксирован вне зависимости от семантики СА.

Рассмотрим теперь СО-глаголы восприятия *n'ejəms* 'видеть', *kul'əms* 'слышать' и глагол *kel'gəms* 'любить'. Выше мы в основном анализировали глаголы с пропозитивными СА, которые вводятся союзами *što* 'что' или *štobə* 'чтобы' (за исключением *uṣəms* 'ждать'). Глаголы восприятия и 'любить', напротив, присоединяют в основном не фактивные, а событийные СА ('слышать' также допускает пропозиции, см. ниже), которые кодируются союзом *koda* и строго требуют СО, вне зависимости от семантики СА:

- (63) *mon pək kel'k-sa / *kel'g-an*
 я очень любить-NPST-3.SG.O.1SG.S / любить-NPST.1SG
məz'ardə ton azənkšn'at in t'ər'esnaj istor'ijat.
 'Расскажи смешную историю.' Я очень люблю, когда ты рассказываешь интересные истории'. — событие, данное, топик

Параметр фактивности для событийных СА нерелевантен (см. раздел 2). Мы проверяли параметры «реальность/ирреальность ситуации», «данное vs. новое», а также позицию СА в информационной структуре высказывания.

СО обязательно для СА, кодирующих данное в топике (63) и новое в фокусе:

- (64) *mon af kel'k-sa / *kel'g-an*
 я NEG любить-NPST.3SG.O.1SG.S / любить-NPST.1SG
məz'ardə fal'ənda-jt'
 когда хвалиться-NPST.3PL
 {— Почему ты не любишь дядю Витю?}
 '— Потому что я не люблю, когда хвастаются'. — событие, новое, фокус
- (65) *mon kul'-in'ə / *kul'-ən' koda*
 я слышать-PST.3.O.1SG.S / слышать-PST.1SG как
sas'ed'n'ej klazsə s t'es t'it'n'ə.
 {— Почему ты встаешь с места до конца урока?}
 '— Я слышал, как в соседнем классе дети встали'. — событие, новое, фокус

Если СА — данное в фокусе, СО-спряжение также обязательно:

- (66) *mon kul'-in'ə / *kul'-ən' kodan'ε*
 я слышать-PST-3.O.1SG.S / слышать-PST.1SG как
gorn'es'zvənoks'i s t'en'.
 {— Почему ты встаешь с места до конца урока?}
 '— Я слышал, как звонок зазвенел, и встал' (имеется в виду, что все это слышали).
 — событие, данное, фокус

Таким образом, независимо от предупомянутости СА и места в информационной структуре высказывания глаголы восприятия и ‘любить’ строго требуют СО. Заметим, что выбор союза не влияет на согласование СА: в примерах выше при ‘любить’ используется союз *məz'ardə*, при глаголах восприятия в прямом значении — союз *koda*. Однако СО-согласование для ‘любить’ обязательно также при союзе *štobə*, а для ‘слышать’ — при союзе *što* (в значении когнитивного восприятия, «слышать, что Р»):

(67) *mon kel'k-sa štobə praz'n'əkstə ul'əj'ɪ'lamə loman'd'ə.*
я любить-NPST.3SG.O.1SG.S чтобы
‘Я люблю, чтобы на празднике было много народу’. — событие

(68) *mon kul'-in'ə šabra-z'ə-n' ez-də što*
я слышать-PST.3.O.1SG.S сосед-1SG.PSG-GEN в-ABL что
vas'ə ər'vejes', vid'ə l'i t'e?
‘Я слышал от соседки, что Вася женился. Это правда?’ — событие, новое, фокус

Что касается параметра реальности зависимой ситуации, обсуждаемые глаголы сохраняют запрет на С (для ‘любить’ данный параметр неприменим, так как в мокшанском он (в отличие от англ. *I like it that...*) присоединяет только генерические ситуации) как для реальных (66), так и для ирреальных СА:

(69) *mon iz'-in'ə / *iz'-ən' n'ej-ə koda son sa-s'*
я NEG.PST-PST.3.O.1SG.S / NEG.PST-PST.1SG видеть-CN как он прийти-PST.3SG
{Пети, по-моему, нет дома.} ‘Я не видел, как / чтобы он возвращался’ (имеется в виду, что он еще не возвращался). — событие, ирреальное, данное, топик

То же происходит в контексте условного оператора:

(70) *kədə mon n'ej-əl'-in'ə / *n'ej-əl'-ən' što*
если я видеть-IMPF-PST.3.O.1SG.S / видеть-IMPF-PST.1SG что
maštəl'ən'l'ezdams, il'adəl'ən'.
‘Если бы я видел, что мог помочь, остался бы (но я понял, что не могу помочь, и не остался)’. — пропозиция, данное, топик

Однако в контексте «не слышал, чтобы» носители предпочитают заменять исходный глагол на фреквентативный дериват, который, как говорилось выше, чаще сочетается с С. В этом случае они допускали оба спряжения, либо предлагали в первую очередь С:

(71) *paša məz'ardə-ngə iz' / iz'-əz'ə kul'-ən'd'-ə štobə*
Паша когда-ADD NEG.PST.3SG / NEG.PST-PST.3SG.O.3SG.S слышать-FREQ-CN чтобы
it'ɪ'n'ə kel'gəl'əz' školav jakamasnən.
‘Паша никогда не слышал, чтобы дети любили ходить в школу’. — пропозиция

По-видимому, выбор С в данном случае связан с тем, что ‘слышать’ употребляется в значении не чувственного, а когнитивного восприятия («слышать от кого-то о чем-то») и, соответственно, вводит не событие, а пропозицию. Суффикс фреквентатива служит для того, чтобы снять запрет на С, накладываемый исходным глаголом.

В (71) ситуация в СА представлена как практически невозможная и, следовательно, соответствующая пропозиция является ложной; можно было бы предположить, что употребление С связано именно с этим (как в случае с выбором глагола речи с С). Однако С и глагол с фреквентативом выбирается и в тех случаях, когда СА представляет собой реальное событие, которое регулярно повторяется, ср. пример с *n'ejənkšn'əms* ‘видеть’:

(72) *Кажднай недэля-ня ня-ен-кин-есь стир-сь, кода*
каждый неделя-ТМРР видеть-FREQ-FREQ-PST.3SG девочка-DEF.SG как
офтсь кайсезе офтось понав кеденц и арсесь меки ломанькс.

‘Каждую неделю видела девочка, как медведь снимал медвежью мохнатую шкуру и опять становился человеком’ [Мордовская сказка «Ореховая веточка»]. — событие, данное, топик

Итак, в целом глаголы восприятия и ‘любить’ в мокша-мордовском строго требуют СО. Их производные, однако, могут допускать С.

3.2.5. Обсуждение результатов исследования финитных актантных предложений

Проведенное исследование показывает, что выбор модели согласования матричного глагола в мокша-мордовском языке — сложное многофакторное явление, которое нельзя описать одним простым правилом, и в том числе — правилом фактивности СА (i). На первый взгляд, факторы перебираются случайным образом — то спряжение определяется лексически, то союзом (напр., *koda* vs. *štobə* при ‘слышать’), то играет роль предельность (при ‘ждать’) или время (при ‘понимать’), то семантика СА — иногда фактивность, иногда истинность, иногда реальность события. Кроме того, накладывается фактор использования фреквентативных суффиксов, которые делают доступным С для СО-глаголов. Попытаемся объединить полученные результаты в единую картину.

Что является основным фактором выбора согласования с СА — союз, матричный глагол (как описывает Ю. Мольнар) или семантический тип СА? Наши данные показывают, что важны последние два фактора: они работают в одном направлении, но не всегда дают одинаковый результат. То есть, важно наличие пресуппозиции истинности СА, но иногда это свойство матричного глагола, а иногда — самого СА.

Союзы. Все союзы, кроме *bətə* ‘будто’, сочетаются с обеими моделями согласования; союз *bətə* вводит ирреальные СА и, как предсказывает правило (i), обычно употребляется с С. Остальные союзы допускают различные семантические типы СА; отсюда допустимость обеих моделей. Следует особо оговорить, что союз *koda* в нашем материале зафиксирован при глаголах, строго требующих СО (см. выше), однако при других глаголах он сочетается с С, например при глаголе *vanəts* ‘смотреть’:

(73) *Ван-ан, кода операторь «кунци» кадрат.*
смотреть-NPST.1SG как

‘Я смотрю, как оператор «ловит» кадры’. [МП 19.09.2013 № 37] — событие, новое, фокус

Мы объясняем обязательность СО при глаголах восприятия с *koda* тем, что в своем основном значении (чувственного, а не когнитивного восприятия) эти глаголы предполагают, что ситуация в СА имеет место в действительности (из-за чего Л. Картунен [Karttunen 1971] относит их к фактивным глаголам, не учитывая, однако, различие между пропозициями и событиями, см. раздел 2). В других значениях данные глаголы заменяются на дерибаты с суффиксом многократности, допускающие С.

Семантический тип СА.

1. Событийные СА при глаголах восприятия и ‘любить’ всегда вводятся СО, однако при ‘ждать’ и непереходных глаголах (напр., ‘привыкать’, ‘бояться’) они сочетаются с С. Ирреальные события кодируются так же, как реальные; генерические так же, как единичные. У ‘ждать’ выбор согласования с событийным СА следует правилу для именных ПД: при предельной интерпретации матричного глагола выбирается СО, при непредельной — С.

2. Фактивные СА в основном требуют СО, за исключением глаголов речи *kořtams*, *ter'gəts* и их производных, для которых выбор маркирования связан не с семантикой СА, а задан лексически.

3. Пропозитивные СА в основном требуют С, однако это нарушается в контексте глаголов, которые в своем основном значении присоединяют факты или СА, истинные с точки зрения говорящего (при глаголах 'знать', 'слышать' и *azəms* 'сказать, рассказать').

Семантика глагола. Для глаголов речи, глаголов восприятия и 'любить' выбор согласования определяется лексически. Если же необходимо употребить СО-глагол в значении, где он будет присоединять ложную пропозицию или ирреальную ситуацию, носители используют производный глагол с суффиксом фреквентатива (напр., *azəndəms*, *kul'ən'd'əms* и др.). Поскольку при именных актантах данный суффикс выступает как ателисизатор [Элементы 2018], он чаще сочетается с С и, соответственно, с нефактивными СА.

Итак, выбор модели согласования с финитными стратегиями оформления СА отчасти зависит от семантического типа СА, отчасти определен лексически. Если СА — фактивная пропозиция, глагол оформляется СО; пропозиции сочетаются с С. У глаголов речи согласование определяется лексически; распределение глаголов отчасти определяется параметром истинности СА с точки зрения говорящего. У глаголов, присоединяющих преимущественно события, выбор согласования либо следует именной модели ('ждать'), либо определен лексически (глаголы восприятия и 'любить').

4. Выводы

В работе были проанализированы семантические свойства СА с СО- и С-спряжением в мокша-мордовском языке. Мы показали, что распределение двух спряжений при союзных СА со значением **пропозиции** зависит от семантического типа зависимой клаузы: фактивные пропозиции требуют СО, а нефактивные — С. Глаголы, которые чаще всего присоединяют факты ('знать', 'понимать', 'забывать', 'помнить'), в основном требуют СО, однако допускают С в контекстах, где пресуппозиция не проецируется, или в тех значениях / особых конструкциях, где они присоединяют нефактивные СА ('понимать'; 'не знать' + общий косвенный вопрос). Глаголы, преимущественно присоединяющие нефактивные СА, в основном требуют С (глаголы мнения и 'ждать' в вероятностном значении), однако выступают в контексте СО в других значениях ('ждать' в процессуальном значении) и в конструкциях, вызывающих пресуппозицию истинности ('а я и не думал, что Р').

В отличие от английского и некоторых других языков, в мокша-мордовском противопоставление проходит именно между фактами и пропозициями, вне зависимости от предупомянутости ситуации в СА и информационной структуры высказывания. В английском языке СА при *deny*, *accept* и других глаголах ответной реакции (вводящих предупомянутые СА) проявляют те же синтаксические свойства, что и фактивные СА при глаголах *know*, *realize* и др. В этом плане они отличаются от нефактивных глаголов, вводящих новое (*say*, *claim* и т. п.). В мокшанском параметр данности / предупомянутости (а также информационная структура) на выбор спряжения не влияет.

Тем самым, распределение двух спряжений с СА и именными ПД имеет различную функциональную базу: из числа факторов выбора согласования при именных ПД — определенность, информационная структура, аспектуальные характеристики ситуации, для СА релевантны только аспектуальные характеристики ситуации.

Исключением из правила фактивности являются глаголы речи и вопроса, у которых выбор спряжения определяется лексически. При этом, однако, он ориентирован на истинность пропозиции в СА: один из глаголов речи, *azəms*, имеет ограниченную лексическую сочетаемость: он вводит информацию, которая оценивается говорящим как истинная. Этот глагол и глагол вопроса требуют СО. Остальные глаголы и их производные сочетаются с С.

Для **событийных** СА выбор согласования является лексическим свойством матричного глагола. Глаголы восприятия (в своем основном значении) и 'любить' строго требуют СО. Однако если СА вводит ирреальную ситуацию (или пропозицию), то используются

глаголы с суффиксом многократности, более склонные к С. Оформление событийных СА с *məz'ardə* и *pəka* при глаголе 'ждать' зависит от предельности (согласно правилу выбора согласования при именных ПД).

Для **нефинитных** СА выполняется правило, сформулированное в [Molnár 2001]: СО используется при номинализации в генитиве, С при остальных нефинитных формах. В целом это распределение соответствует правилу наличия пресуппозиции истинности: при тех глаголах, которые предполагают, что ситуация в СА имеет место в реальном мире (*ad'əlam* 'закончить', *n'ejəms* 'видеть', *kul'əms* и *mar'ams* 'слышать' и др.), используется номинализация в генитиве и СО. При глаголах, не вводящих такой пресуппозиции (*osnəvəms* и *ušədəms* 'начинать', *ken'ər'əms* 'успеть', *anəkləms* 'готовиться' и *er'askədəms* 'спешить', *pel'əms* 'бояться', *jukstəms* 'забывать что-то сделать'), употребляется инфинитив и С-спряжение. Однако для глаголов *lotkəms* 'переставать', *s'iz'əms* 'уставать' и *maštəms* 'уметь' данное правило не работает.

Итак, факторы семантики матричного глагола и семантического типа зависимой предикации работают в одном направлении (наличие пресуппозиции истинности СА влечет выбор СО), но не всегда дают одинаковый результат. Для ментальных глаголов в целом побеждает семантический тип СА, для глаголов речи и восприятия — семантический тип матричного глагола.

На обобщения, сформулированные выше, накладывается телисизирующее значение СО-спряжения. При глаголе 'ждать' (в значении процессуального ожидания) выбор между С и СО обусловлен предельностью ситуации. Глаголы с суффиксом многократности, который может обозначать неопределенность ситуации, склонны допускать С в большей степени, чем их исходные варианты.

В работах [Belyaev et al. 2017] и [Сердобольская, Егорова 2020] показано, что синтаксически союзные конструкции с СО включают именную вершину, в отличие от конструкций с С. Первый тип конструкций обладает именными синтаксическими свойствами — в частности, способностью замещаться именной анафорой (в том числе плеонастической) и анафорическим квантором, а также сочиняться с непроизводным именем. Конструкции второго типа не обладают данными свойствами.

Настоящее исследование показывает, что различие в синтаксической структуре отражает различие в семантике СА. Фактивные союзные клаузы (а также истинные пропозиции при глаголах мнения и реальные события при глаголах восприятия и 'любить') вводятся конструкцией с именной вершиной, в то время как пропозитивные и ирреальные СА — конструкцией без именной вершины. Таким образом, наличие именной вершины на синтаксическом уровне выражает наличие пресуппозиции или истинности пропозиции в СА (ср. схожие выводы в [Kastner 2015; Hanink, Bochnak 2016]).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо

ПД — прямое дополнение

СА — сентенциальный актант

СО — субъектно-объектное спряжение

С — субъектное спряжение

ABL — аблатив

ADD — аддитивная частица

CN — коннегатив

DAT — датив

DEF — определенность

DIM — диминутив

FREQ — фреквентатив

GEN — генитив

ILL — иллатив

IMP — императив

IN — инессив

INF — инфинитив

IMPF — имперфектив

NEG — отрицание

NPST — непрошедшее время

NZR — номинализатор

O — объект

P — посессивный показатель

PASS — пассив

PL — множественное число

PRON — прохитив

PST — прошедшее время

S — субъект

SG — единственное число

TMPR — темпоралис

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

МП — Газета «Мокшень правда». <http://www.mokshen-pr.ru/>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Апресян 1995 — Апресян Ю. Д. Проблема фактивности: *знать* и его синонимы. *Вопросы языкознания*, 1995, 4: 43–64. [Apresjan Yu. D. The problem of factivity: Russian *znat'* 'to know' and its synonyms. *Voprosy Jazykoznanija*, 1995, 4: 43–64.]
- Апресян 2001 — Апресян Ю. Д. Системообразующие смыслы «знать» и «считать» в русском языке. *Русский язык в научном освещении*, 2001, 1: 5–26. [Apresjan Yu. D. The structuring meanings 'know' and 'believe' in Russian. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2001, 1: 5–26.]
- Арутюнова 1988 — Арутюнова Н. Д. *Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт*. М.: Наука, 1988. [Arutyunova N. D. *Tipy yazykovykh znachenii: Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of linguistic meanings: Evaluation. Event. Fact]. Moscow: Nauka, 1988.]
- АС — Апресян Ю. Д. (отв. ред.). *Активный словарь русского языка*. Т. 1–3. М.; СПб.: Языки славянской культуры; Нестор-история, 2014–2017. [Apresjan Yu. D. (ed.). *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka* [Active dictionary of Russian]. Vols. 1–3. Moscow; St. Petersburg: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury; Nestor-Istoriya, 2014–2017.]
- Бубрих 1953 — Бубрих Д. В. *Историческая грамматика эрзянского языка*. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1953. [Bubrikh D. V. *Istoricheskaya grammatika erzyanskogo yazyka* [Historical grammar of Erzya]. Saransk: Mordvin Book Publ., 1953.]
- Бубрих 1962 — Бубрих Д. В. *Грамматика мордовских языков. Фонетика и морфология*. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1962. [Bubrikh D. V. *Grammatika mordovskikh yazykov. Fonetika i morfologiya* [Grammar of Mordvinic languages. Phonetics and morphology]. Saransk: Mordvin Book Publ., 1962.]
- Бузаков 1965 — Бузаков И. С. Функции союзных слов и подчинительных союзов в мордовских языках. *Труды НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Мордовской АССР. Серия лингвистическая*, 1965, 29: 191–264. [Buzakov I. S. Functions of complementizers in Mordvinic. *Proc. of the Institute for Language, Literature, History, and Economics under the Council of Ministers of the Mordvin ASSR. Linguistic series*, 1965, 29: 191–264.]
- Бузаков 1973 — Бузаков И. С. *Сложное предложение в мордовских языках*. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1973. [Buzakov I. S. *Slozhnoe predlozhenie v mordovskikh yazykakh* [Complex sentence in Mordvinic]. Saransk: Mordvin Book Publ., 1973.]
- ГМЯ I — Коляденков М. Н., Заводова Р. А. (ред.). *Грамматика мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Ч. I: Фонетика и морфология*. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1962. [Kolyadenkov M. N., Zavodova R. A. (eds.). *Grammatika mordovskikh (erzyanskogo i mokshanskogo) yazykov* [Grammar of Mordvinic (Erzya and Moksha) languages]. Part 1: *Fonetika i morfologiya* [Phonetics and morphology]. Saransk: Mordvin Book Publ., 1962.]
- ГМЯ II — Коляденков М. Н. *Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков. Ч. II: Синтаксис*. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1954. [Kolyadenkov M. N. *Grammatika mordovskikh (mokshanskogo i erzyanskogo) yazykov* [Grammar of Mordvinic (Moksha and Erzya) languages]. Part 2: *Sintaksis* [Syntax]. Saransk: Mordvin Book Publ., 1954.]
- Анна Зализняк 1987 — Зализняк Анна А. К проблеме фактивности глаголов пропозициональной установки. *Логический анализ языка. Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте*. Арутюнова Н. Д. (ред.). М.: Наука, 1987. [Zaliznyak Anna A. On the problem of factivity of verbs of propositional attitude. *Logicheskii analiz yazyka. Propozitsional'nye predikaty v logicheskom i lingvisticheskom aspekte*. Arutyunova N. D. (ed.). Moscow: Nauka, 1987.]
- Анна Зализняк 1992 — Зализняк Анна А. *Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния*. [Zaliznyak Anna A. *Issledovaniya po semantike predikatov vnutrennego sostoyaniya* [Studies in semantics of mental state predicates].] München: Otto Sagner, 1992.
- Анна Зализняк 2008 — Зализняк Анна А. Концептуализация памяти и забвения в русском языке. *Когнитивные исследования*. Вып. 2. Соловьев В. Д., Черниговская Т. В. (ред.). М.: Ин-т психологии РАН, 2008, 209–230. [Zaliznyak Anna A. Conceptualization of memory and forgetting in Russian.

Kognitivnye issledovaniya. No. 2. Solov'ev V. D., Chernigovskaya T. V. (eds.). Moscow: Institute of Psychology, 2008, 209–230.]

- Иомдин 2010 — Иомдин Б. Л. Ментальная лексика: память и ее функционирование. *Перспектив активного словаря русского языка*. Апресян Ю. Д. (отв. ред.). М.: Языки славянских культур, 2010, 465–493. [Iomdin B. L. Mental lexis: Memory and its functioning. *Prospekt aktivnogo slovarya russkogo yazyka*. Апресян Ю. Д. (ed.). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2010, 465–493.]
- Кожемякина 2016 — Кожемякина А. Д. *Согласование матричного предиката в конструкциях с сентенциальным актантом в мокшанском языке*. Бакалаврская работа. М.: МГУ, 2016. [Kozhemyakina A. D. *Soglasovanie matrichnogo predikata v konstruktivnykh s sententsial'nym aktantom v mokshanskom yazyke* [Agreement of the matrix predicate in clausal argument constructions in Moksha]. BA thesis, Lomonosov Moscow State Univ., 2016.]
- Козлов 2017 — Козлов А. А. Акциональный DOM в мокшанском языке и проблема циклов грамматикализации. [Kozlov A. A. Actionality and DOM in Moksha: Grammaticalization cycles.] *Acta linguistica Petropolitana*, 2017, 2: 158–194.
- Летучий 2012 — Летучий А. Б. О некоторых свойствах сентенциальных актантов в русском языке. *Вопросы языкознания*, 2012, 5: 57–87. [Letuchiy A. B. Some features of sentential arguments in Russian. *Voprosy Jazykoznanija*, 2012, 5: 57–87.]
- Летучий 2016 — Летучий А. Б. Согласование с сентенциальными актантами в адыгейском языке. *Рема*, 2016, 4: 83–104. [Letuchiy A. B. Agreement with complement clauses in Adyghe. *Rhema*, 2016, 4: 83–104.]
- Летучий 2021 — Летучий А. Б. *Русский язык о ситуациях. Конструкции с сентенциальными актантами*. СПб.: Алетея, 2021. [Letuchiy A. B. *Russkii yazyk o situatsiyakh. Konstruktsii s sententsial'nymi aktantami* [Russian language on situations. Clausal argument constructions]. St. Petersburg: Aleteiya, 2021.]
- Марков 1964 — Марков Ф. П. Функции объектного спряжения мордовского глагола. *Труды по прибалтийско-финским и волжским языкам*, 1964: 69–85. [Markov F. P. Functions of the object conjugations of Mordvin verb. *Trudy po pribaltiisko-finskim i volzhskim yazykam*, 1964: 69–85.]
- Матюшкин 1973 — Матюшкин П. Г. Особые случаи употребления безобъектных форм спряжения вместо объектных в мордовских языках. *Вопросы синтаксиса мордовских языков*. Ч. 2. Надькин Д. Т. (отв. ред.). Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1973, 85–89. [Matyushkin P. G. Special uses of intransitive instead of transitive conjugation in Mordvinic. *Voprosy sintaksisa mordovskikh yazykov*. Part 2. Nad'kin D. T. (ed.). Saransk: Mordvin Book Publ., 1973, 85–89.]
- МРС 1998 — Серебrenников Б. А., Феоктистов А. П., Поляков О. Е. (ред.). *Мокшанско-русский словарь*. М.: Русский язык; Дигора, 1998. [Serebrennikov B. A., Feoktistov A. P., Polyakov O. E. (eds.). *Mokshansko-russkii slovar'* [Moksha–Russian dictionary]. Moscow: Russkii Yazyk; Digora, 1998.]
- НОСС — Апресян Ю. Д. (ред.). *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. М.; Вена: Языки славянской культуры; Венский славистический альманах, 2004. [Апресян Ю. Д. (ed.). *Novyi ob'yasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New explanatory dictionary of Russian synonyms]. Moscow; Vienna: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury; Wiener Slavistischer Almanach, 2004.]
- Падучева 1981 — Падучева Е. В. Презумпции и другие виды неэсплицитной информации в предложении. *Научно-техническая информация, сер. 2*, 1981, 11: 23–30. [Paducheva E. V. Presumptions and other types of non-explicit information in sentence. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya, seriya 2*, 1981, 11: 23–30.]
- Падучева 1993 — Падучева Е. В. К аспектуальным свойствам ментальных глаголов: перфектные видовые пары. *Логический анализ языка. Ментальные действия*. Арутюнова Н. Д. (ред.). М.: Наука, 1993, 111–120. [Paducheva E. V. On aspectual features of mental verbs: Perfect aspectual pairs. *Logicheskii analiz yazyka. Mental'nye deistviya*. Arutyunova N. D. (ed.). Moscow: Nauka, 1993, 111–120.]
- Падучева 2004 — Падучева Е. В. *Динамические модели в семантике лексики*. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Paducheva E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in lexical semantics]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004.]
- Сердобольская, Кожемякина 2014 — Сердобольская Н. В., Кожемякина А. Д. Семантика сентенциального актанта и выбор модели согласования матричного глагола в мокша-мордовском языке. *Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «ТМП-2014»*. Вып. 1. Лютикова Е. А., Циммерлинг А. В., Коношенко М. Б. (ред.). М.: МГГУ им. М. А. Шолохова, 2014, 179–199. [Serdobol'skaya N. V., Kozhemyakina A. D. Semantics of the clausal argument and the choice of agreement type of the matrix verb in Moksha Mordvin. *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Proc. of the international conf. "TMP-2014"*. No. 1. Lyutikova E. A.,

- Zimmerling A. V., Konoshenko M. B. (eds.). Moscow: Sholokhov Moscow State Univ. for Humanities, 2014, 179–199.]
- Сердобольская, Егорова 2020 — Сердобольская Н. В., Егорова А. Д. Грамматический статус показателей субъектно-объектного согласования в конструкциях с сентенциальными актантами (мокша-мордовский язык). [Serdobol'skaya N. V., Egorova A. D. Subject-object agreement markers in Moksha-Mordvin complement clauses.] *Acta linguistica Petropolitana*, 2020, 3: 480–533.
- Серебренников 1967 — Серебренников Б. А. *Историческая морфология мордовских языков*. М.: Наука, 1967. [Serebrennikov B. A. *Istoricheskaya morfologiya mordovskikh yazykov* [Historical morphology of Mordvinic]. Moscow: Nauka, 1967.]
- Тихонова 1986 — Тихонова Т. М. *Артиклевые функции форм объектного спряжения глагола в мордовских языках*. Саранск: Мордовский гос. ун-т им. Н. П. Огарева, 1986. [Tikhonova T. M. *Artikleveye funktsii form ob'ektnogo spryazheniya glagola v mordovskikh yazykakh* [Article functions of the transitive conjugation forms in Mordvinic]. Saransk: Ogarev Mordovia State Univ., 1986.]
- Толдова 2017 — Толдова С. Ю. Кодирование прямого дополнения в мокшанском языке. *Исследования по теории грамматики*. Вып. 8: *Дифференцированное маркирование аргументов: материалы к типологии*. Плуниан В. А., Ронько Р. В., Циммерлинг А. В. (ред.). *Acta linguistica Petropolitana*, 2017, 3: 123–158. [Toldova S. Yu. Coding of direct object in Moksha. *Issledovaniya po teorii grammatiki*. No. 8: *Differentsirovannoe markirovanie argumentov: materialy k tipologii*. Plungian V. A., Ron'ko R. V., Zimmerling A. V. (eds.). *Acta linguistica Petropolitana*, 2017, 3: 123–158.]
- Феоктистов 1975 — Феоктистов А. П. Мордовские языки. *Основы финно-угорского языкознания 2. Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки*. Лыткин В. И. и др. (ред.). М.: Наука, 1975, 248–343. [Feoktistov A. P. Mordvinic. *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaneya 2. Pribaltiitsko-finskie, saamskii i mordovskie yazyki*. Lytkin V. I. et al. (eds.). Moscow: Nauka, 1975, 248–343.]
- Феоктистов 1990 — Феоктистов А. П. Диалекты мордовских языков. [Feoktistov A. P. Dialects of Mordvinic languages.] *Mordwinisches Wörterbuch*. Bd. I: A–J. Paasonen H. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1990, LX–LXXXVI.
- Цыпкайкина 2007 — Цыпкайкина В. П. *Темпоральность в мордовских языках и принципы ее описания*. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2007. [Tsyпкайкаина V. P. *Temporal'nost' v mordovskikh yazykakh i prinitsipy ee opisaniya* [Temporality in Mordvinic and principles of its description]. Saransk: Mordovia Univ. Press, 2007.]
- Элементы 2018 — Толдова С. Ю., Холодилова М. А. (отв. ред.). *Элементы мокшанского языка в типологическом освещении*. М.: Буки Веди, 2018. [Toldova S. Yu., Kholodilova M. A. (eds.). *Elementy mokshanskogo yazyka v tipologicheskoy osveshchenii* [Elements of Moskha in typological perspective]. Moscow: Buki Vedi, 2018.]
- Alsina et al. 2005 — Alsina A., Mohanan K. P., Mohanan T. How to get rid of the Comp. *Proc. of the LFG05 Conf*. Butt M., King T. H. (eds.). E-publication: CSLI Publications, 2005. <http://web.stanford.edu/group/cslipublications/cslipublications/LFG/10/pdfs/lfg05amm.pdf>.
- Anand, Hacquard 2013 — Anand P., Hacquard V. Epistemics and attitudes. *Semantics and Pragmatics*, 2013, 6.8: 1–59. <http://dx.doi.org/10.3765/sp.6.8>.
- Asher 1993 — Asher N. *Reference to abstract objects in discourse*. Dordrecht: Kluwer Academic Publ., 1993.
- Bartens 1999 — Bartens R. *Mordvalaiskielten rakenne ja kehitys*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1999.
- Beaver, Geurts 2012 — Beaver D., Geurts B. Presupposition. *Semantics. An international handbook of natural language meaning*. Vol. 3. Maienborn C., von Stechow K., Portner P. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2012, 2432–2460.
- Belyaev et al. 2017 — Belyaev O., Serdobolskaya N., Egorova A. In defense of COMP: complementation in Moksha Mordvin. *Proc. of the LFG05 Conf*. Butt M., King T. H. (eds.). E-publication: CSLI Publications, 2005. <http://web.stanford.edu/group/cslipublications/cslipublications/LFG/LFG-2017/lfg2017-bks.pdf>.
- de Cuba, Ürögdi 2010 — de Cuba C., Ürögdi B. Clearing up the 'facts' on complementation. *University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics*, 2010, 16(1): Article 6. <https://repository.upenn.edu/wppl/vol16/iss1/6>.
- Dalrymple, Lødrup 2000 — Dalrymple M., Lødrup H. The grammatical functions of complement clauses. *Proc. of the LFG00 Conf*. Butt M., King T. H. (eds.). E-publication: CSLI Publications, 2005. <http://web.stanford.edu/group/cslipublications/cslipublications/LFG/LFG5-2000/pdfs/lfg00dalrymplodrup.pdf>.

- Gentens 2016 — Gentens C. The discursive status of extraposed object clauses. *Journal of Pragmatics*, 2016, 96: 15–31.
- Grünthal 2008 — Grünthal R. Transitivity in Erzya Mordvin. *Ünnepi írások Havas Ferenc tiszteletére. Uralisztikai Tanulmányok 18*. Berezcki A., Csepregi M., Klima L. (eds.). Budapest, E-publication, 2008, 219–240.
- Hanink, Bochnak 2016 — Hanink E. A., Bochnak M. R. Factivity and two types of embedded clauses in Washo. *NELS 47: Proc. of the 47th Annual Meeting of the North East Linguistic Society*. Lamont A., Tetzloff K. (eds.). Amherst (MA): Univ. of Massachusetts, 2016. <http://home.uchicago.edu/~cahanink/nelshandout.pdf>.
- Heim 1992 — Heim I. Presupposition projections and the semantics of attitude verbs. *Journal of Semantics*, 1992, 9: 183–221.
- Hengeveld, Mackenzie 2008 — Hengeveld K., Mackenzie J. L. *Functional Discourse Grammar: A typologically-based theory of language structure*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2008.
- Kalluli 2010 — Kalluli D. Belief will create fact: On the relation between givenness and presupposition, and other remarks. *Theoretical Linguistics*, 2010, 36(2/3): 199–208.
- Karttunen 1971 — Karttunen L. Some observations on factivity. *Papers in Linguistics*, 1971, 4(1): 55–69.
- Kastner 2015 — Kastner I. Factivity mirrors interpretation: The selectional requirements of presuppositional verbs. *Lingua*, 2015, 164: 156–188.
- Kiparsky, Kiparsky 1971 — Kiparsky P., Kiparsky C. Fact. *Semantics: An interdisciplinary reader*. Jakobovits L., Steinberg D. (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1971, 345–369.
- Levinson 1983 — Levinson S. C. *Pragmatics*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983.
- Molnár 2001 — Molnár J. Zur Verwendung der Objekt- und Subjektkonjugation im Ungarischen und im Mordwinischen. *Zur (Morpho-)Syntax der Uralischen Sprachen*. Pusztay J. (ed.). Szombathely: Savariae, 2001, 67–92.
- Spenader 2002 — Spenader J. *Presuppositions in spoken discourse*. Ph.D. diss., Stockholm Univ., 2002.
- Stalnaker 1974 — Stalnaker R. Pragmatic presuppositions. *Semantics and philosophy*. Munitz M., Unger P. (eds.). New York: New York Univ. Press, 1974, 197–214.

Получено / received 29.08.2021

Принято / accepted 23.11.2021

Место импозиции в типологии значений

© 2022

Дарья Павловна Попова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия; daschapopova@gmail.com

Аннотация: Обзор посвящен понятию импозиции, выдвинутому в последних работах по динамической семантике. Под импозицией понимается информативное и автоматическое обновление контекста. Такое обновление вводят в контекст аппозитивные относительные клаузы, эвиденциальные показатели, вводные конструкции. Импозиция является семантической репрезентацией, при этом несет информацию о том, как соответствующая ей языковая единица взаимодействует с контекстом, что позволяет описывать не только семантическую сторону высказывания, но и говорить о прагматике дискурса. Обзор также соотносит понятие импозиции с более традиционными понятиями, такими как конвенциональная импликатура и пресуппозиция.

Ключевые слова: дискурс, импликатура, импозиция, прагматика, пресуппозиция, семантика
Благодарности: Автор благодарен Е. В. Рахилиной, Н. А. Зевахиной, Л. С. Козлову и анонимным рецензентам за ценные замечания и дополнения. Статья написана при поддержке фонда «Гуманитарные исследования» ФГН НИУ «Высшая школа экономики» в 2022 г., проект «Эксперименты на стыке лингвистики и логики».

Для цитирования: Попова Д. П. Место импозиции в типологии значений. *Вопросы языкознания*, 2022, 6: 111–122.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.6.111-122

The place of impositions in the meaning typology

Daria P. Popova

HSE University, Moscow, Russia; daschapopova@gmail.com

Abstract: The paper reviews the notion of the imposition introduced in the paradigm of dynamic semantics. An imposition is an informative and automatic update of the common ground or the context set. This type of context update is associated with appositive clauses, evidential markers, parenthetical constructions. An imposition encodes the discourse behavior of its bearer, which allows us to examine the interplay between the semantic representation of an expression, its discourse change potential, the broader context, and the speaker's intentions behind the information packaging. The paper also compares the notion of the imposition with the more traditional notions of conventional implicature and presupposition.

Keywords: discourse, implicature, imposition, pragmatics, presupposition, semantics

Acknowledgements: The author is indebted to E. V. Rakhilina, N. A. Zevakhina, L. S. Kozlov and two anonymous reviewers for insightful comments on the draft of this paper. This work was supported by the Humanitarian Research Foundation of the Faculty of Humanities, HSE University in 2022, Project "Experiments in linguistics and logic".

For citation: Popova D. P. The place of impositions in the meaning typology. *Voprosy Jazykoznanija*, 2022, 6: 111–122.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.6.111-122

1. Введение

Некоторые языковые выражения и конструкции, в частности аппозитивные относительные клаузы, вводные конструкции, эвиденциальные показатели, требуют анализа, который различает не только ассерцию, пресуппозицию, импликацию, но и другие типы пропозициональных значений. Эти значения имеют много общего с ассерцией, но не являются ассерцией в полной мере, см., например, [Богуславский 1985; Падучева 2004; Horn 2002; Potts 2005; Murray 2010]. Они являются отражением более современного, дискурсивного взгляда на язык и текст.

Данный обзор ставит задачей обсудить один из центральных терминов такого рода — понятие импозиции, которое определяется как информативное и автоматическое обновление контекста [AnderBois et al. 2010; 2015; Ciardelli et al. 2012]. С семантической точки зрения понятие импозиции конкурирует с более традиционными понятиями конвенциональной импликации и пресуппозиции. С прагматической точки зрения импозиция конкурирует с дискурсивным пониманием вспомогательного содержания [Simons et al. 2011]. Понятие импозиции выигрышно смотрится на фоне более традиционных понятий тем, что характеризует и семантический, и прагматический, и дискурсивный аспекты соответствующей языковой единицы.

В разделе 2 вводится понятие импозиции, приводятся примеры языковых выражений, ассоциированных с импозицией, критерии ее выделения и принципы ее формализации. В разделе 3 понятие импозиции соотносится с понятиями конвенциональной импликации, пресуппозиции, вспомогательного содержания (not-at-issue meaning). Также импозиция рассматривается в контексте реализации дискурсивной стратегии говорящего. Обзор завершается разделом 4, в котором подводятся основные итоги.

2. Понятие импозиции

Информация в дискурсе имеет разный статус. Часть информации является основной, она отражает то, что говорящий планирует обсудить с собеседниками. Другая часть информации является вспомогательной: она создает дополнительный контекст для того, чтобы основная информация могла быть правильно проинтерпретирована. Утверждения, которые несут основную с точки зрения дискурса информацию, в современной литературе по динамической семантике (семантике дискурса) называют **предлагаемым** (proposal, [Farkas, Bruce 2010]). Это новая традиция — в эпоху, предшествовавшую анализу дискурса, похожий тип значения назывался ассерцией [Stalnaker 1978]. Центральная роль в анализе дискурса принадлежит говорящему. С точки зрения говорящего, предлагаемое — это то, что он выносит на обсуждение, предлагает обсудить участникам дискурса. С точки зрения слушающего, предлагаемое — это то, что он может принять, поставить под сомнение, дополнить или опровергнуть в последующем дискурсе. С точки зрения построения дискурса, предлагаемое — это основная информация.

Второстепенная с дискурсивной точки зрения информация, которую говорящий не ставит под сомнение и не планирует обсуждать с участниками дискурса, называется **импозицией** (imposition, от англ. impose ‘навязывать’, термин придуман Флорисом Розлофсоном и впервые введен в работе [AnderBois et al. 2010]). Эмпирическим источником импозиций являются аппозитивные относительные предложения, эвиденциальные показатели (показатели источника информации), вводные конструкции [AnderBois et al. 2010; 2015; Ciardelli et al. 2012; Murray 2010; 2014]¹.

¹ В работах [Murray 2010; 2014] не используется термин импозиции, но выделяется аналогичное значение, называемое вспомогательным ограничением (not-at-issue restriction).

Чтобы проиллюстрировать идею разделения значений на предлагаемое и импозицию, рассмотрим пример с аппозитивной относительной клаузой [Ciardelli et al. 2012: 57]:

(1) *Jane, who damaged her car yesterday, called Ben to ask for money.*

Произнося (1), говорящий предлагает обсудить то, что Джейн попросила денег у Бена, и навязывает (предлагает принять без обсуждения) собеседникам тот факт, что она повредила машину. Содержание импозиции носит вспомогательный характер по отношению к содержанию предлагаемого: импозиция вводит причину, по которой Джейн попросила у Бена деньги.

В работах [AnderBois et al. 2010; 2015; Ciardelli et al. 2012; Murray 2010; 2014] предложено два критерия, позволяющих различить импозицию и предлагаемое.

Первое различие состоит в том, что предлагаемое, но не импозиция, отвечает на обсуждаемый вопрос (Question Under Discussion, [Roberts 2012]). Ниже приведены примеры из [Ciardelli et al. 2012: 57]:

(2) a. *Did Jane call Ben to ask for money?*

b. *Yes, Jane, who damaged her car yesterday, called Ben to ask for money.*

(3) a. *Did Jane damage her car yesterday?*

b. **Yes, Jane, who damaged her car yesterday, called Ben to ask for money.*

Действительно, в (2b) содержание главной клаузы, то есть предлагаемое, отвечает на обсуждаемый вопрос (2a). В (3b) попытка ответить на обсуждаемый вопрос (3a) содержанием аппозитивной относительной клаузы, то есть импозицией, приводит к потере связности дискурса. Неестественность (3) обусловлена тем, что импозицией нельзя ответить на вопрос, так как импозиция в принципе и по определению на него не отвечает.

Второе различие состоит в том, можно ли использовать простое отрицание в последующем дискурсе. Например, в английском языке можно не согласиться с содержанием предлагаемого, используя простое отрицание, а именно, отрицательную частицу *no*; несогласие с содержанием импозиции потребует более сложной стратегии, в частности, в этой ситуации может быть использован дискурсивный маркер *actually* [Ciardelli et al. 2012: 58]:

(4) *Jane, who damaged her car yesterday, called Ben to ask for money.*

a. *No, she didn't call Ben to ask for money.*

b. *{Actually / #No}, she didn't damage her car yesterday.*

В отличие от простого отрицания, которое позволяет слушающему не согласиться с содержанием предлагаемого, не меняя ход обсуждения, некоторые дискурсивные маркеры, в частности *actually* (ср. русск. *вообще-то*), позволяют слушающему поменять выбранную говорящим дискурсивную стратегию и переключить обсуждение с содержания предлагаемого на содержание импозиции [Rojas-Esponda 2015].

Те же свойства проявляются в контексте с эвиденциальным показателем. Рассмотрим пример с эвиденциальным показателем репортатива из [Murray 2014: 3]:

(5) Шайенский (алгонкинская группа алгской семьи)

É-hó'táhéva-séstse Sandy

3-win-RPT.3SG Sandy

'Sandy won, they say.'

Пример (5) 'Сэнди, говорят, выиграла' содержит два смысла: 'Сэнди выиграла' и 'Говорят, что Сэнди выиграла'. Пример (5) может являться ответом на вопрос 'Что случилось с Сэнди?'. В то же время, (5) не может быть ответом на вопрос 'Откуда ты знаешь, что Сэнди выиграла?'. В последующем дискурсе можно отрицать, что Сэнди выиграла, но нельзя отрицать, что говорящий слышал об этом от других. Таким образом, смысл 'Сэнди выиграла' доступен для обсуждения, а смысл 'Говорят, что Сэнди выиграла' — нет. Смысл

‘Сэнди выиграла’ является предлагаемым, а смысл ‘Говорят, что Сэнди выиграла’ — импозицией, то есть, в терминах обсуждаемой традиции, навязанной информацией.

Работы, которые мы упоминали, ориентированы на формализацию понятий, связанных с организацией дискурса. Формализация понятия импозиции реализована в них на базе динамической предикативной логики (*dynamic predicate logic*), см. подробнее [Groenendijk, Stokhof 1991]. Динамическая предикативная логика моделирует интерпретацию естественного языка как процесс последовательных обновлений контекста. Контекст представляет собой множество возможных миров, которые совместимы со знаниями и представлениями собеседников на начало разговора. Каждому высказыванию соответствует пропозиция, которая истинна в одних возможных мирах и ложна в других. Также высказывание обладает определенным потенциалом изменения контекста, например сужает контекстное множество возможных миров, исключая из него те миры, в которых соответствующая высказыванию пропозиция ложна. Авторы формализуют импозицию и предлагаемое как два разных способа обновления контекста.

Поскольку предлагаемое — это та часть высказывания, которую говорящий предлагает обсудить, то с точки зрения обновления контекста оно будет (а) информативным обновлением, сужающим множество релевантных контекстов; (б) неавтоматическим (обсуждаемым) обновлением, сужающим контекст только после согласия собеседника. Импозиция — это часть высказывания, которую говорящий навязывает (предлагает принять без обсуждения) слушающему. С точки зрения потенциала обновления контекста импозиция будет (а) информативным обновлением, сужающим множество релевантных контекстов; (б) автоматическим (необсуждаемым) обновлением.

Рассмотрим формализацию примера (1), предложенную в [Ciardelli et al. 2012: 58–59]. Как мы видели, высказывание (1) представляет собой пару предлагаемое — импозиция. Контекстное множество возможных миров разбивается на четыре части, в зависимости от того, выполняются ли там пропозиции ‘Джейн вчера повредила машину’ (импозиция) и ‘Джейн позвонила Бену, чтобы попросить у него денег’ (предлагаемое). Допустим, что 01 и 00 — это миры, в которых обе пропозиции ложны; 10 и 11 — это миры, в которых Джейн повредила свою машину вчера; а 11 — это мир, в котором Джейн позвонила Бену, чтобы попросить у него денег. Произнося высказывание (1), говорящий навязывает собеседникам обновление контекста (импозицию), которое автоматически (без реакции со стороны собеседников) сужает его до миров 10 и 11, в которых Джейн повредила свою машину вчера. В то же время говорящий предлагает обновить контекст так, что он будет сводиться к миру 11, в котором Джейн не только повредила свою машину, но и позвонила Бену, чтобы попросить у того денег. Обновление контекста до мира 11 произойдет только в том случае, если собеседники согласятся с содержанием предлагаемой пропозиции.

Таким образом, в рамках этой формализации получается, что импозиция и предлагаемое — два разных типа обновления контекста. Оба обновления информативны, они ограничивают контекст, но ограничивают его по-разному. Импозиция автоматически сужает контекст, тогда как предлагаемое сужает контекст, только если собеседник принимает такое обновление контекста.

3. Импозиция среди других значений

Понятие импозиции конкурирует с более традиционными понятиями конвенциональной имплицатуры, пресуппозиции, а также вспомогательного содержания (*not-at-issue meaning / content*) в семантическом смысле [Potts 2005] и в прагматическом смысле [Simons et al. 2011]. Далее мы последовательно рассмотрим, как понятие импозиции встраивается в уже существующую типологию значений, и покажем, что импозиция объединяет лучшие свойства своих «теоретических предшественников»: с одной стороны, позволяет

присвоить «семантический ярлык» компоненту значения, с другой стороны, сам этот ярлык кодирует дискурсивное поведение, а именно, потенциал изменения контекста, что делает семантическую репрезентацию динамической.

3.1. Семантический подход: конвенциональная импликатура и пресуппозиция

Понятия конвенциональной имплицатуры и пресуппозиции сформировались в рамках семантического подхода, который подразумевает, что разные типы значений получают разную семантическую репрезентацию.

В ставшей классической монографии [Potts 2005] конвенциональная импликатура определена как конвенциональное, логически независимое, проективное, нефоновое значение. Поттс утверждает, что конвенциональная импликатура соответствует вспомогательному содержанию (*not-at-issue meaning*), семантическая репрезентация которого противопоставлена семантической репрезентации основного содержания (*at-issue meaning*). Рассмотрим последовательно все свойства конвенциональных имплицатур.

Конвенциональные имплицатуры конвенциональны в том смысле, что они ассоциированы с определенными выражениями и конструкциями, в частности с аппозитивными отнесенительными клаузами, с некоторыми вводными конструкциями, частицами, эпитетами (полный список языковых единиц, ассоциированных с конвенциональной имплицатурой, см. в [Potts 2015: 196]):

- (6) *Charlie, the pizza delivery person, is at the door.*

Основное содержание: *Charlie is at the door.*

Конвенциональная импликатура: *Charlie is the pizza delivery person.*

Действительно, конвенциональные имплицатуры логически, то есть в отношении своего истинностного значения, не зависят от основного содержания предложения. Например, в (6) содержание конвенциональной имплицатуры может быть ложно, если Чарли — квартирный вор, а не курьер с пиццей, и говорящий, будучи сообщником вора, хочет ввести слушающего в заблуждение. В то же время содержание главного предложения будет истинно: Чарли действительно стоит за дверью.

Конвенциональные имплицатуры не попадают в сферу действия отрицания, модального, вопросительного, условного оператора (свойство проективности). Термин «проективность» отражает метафору преодоления препятствия для некоторой информации, которая может это препятствие не проходить, а может избегать и проецироваться в дальнейший контекст. В нашем случае информацией является конвенциональная импликатура, а препятствием является один из семантических операторов. Например, если добавить матричное отрицание в пример (6), в сферу действия отрицания попадет содержание главного предложения, но не конвенциональная импликатура:

- (7) *Charlie, the pizza delivery person, is not at the door.*

Основное содержание: *Charlie is not at the door.*

Конвенциональная импликатура: *Charlie is the pizza delivery person.*

Отдельно отмечается, что конвенциональные имплицатуры не попадают в сферу действия нефактивных предикатов пропозициональной установки:

- (8) *Sue believes that Chuck, a confirmed psychopath, is a suitable babysitter, [#]but Chuck isn't a psychopath.*

Основное содержание: *Sue believes that Chuck is a suitable babysitter.*

Конвенциональная импликатура: *Chuck is a confirmed psychopath.*

Конвенциональная импликатура не попадает в сферу действия предиката пропозициональной установки *believe* и интерпретируется как мнение говорящего, а не субъекта пропозициональной установки Сью.

Наконец, конвенциональные импликации не являются фоновым знанием, они приносят в контекст новую информацию, которая не является частью общего знания собеседников, активированного в предшествующем дискурсе. Если содержание конвенциональной импликации уже содержится в контексте разговора, повторение этой информации в конвенциональной имплицатуре излишне:

(9) *Lance is a cyclist.* #*Lance, the cyclist, battled cancer.*

Обратимся теперь к семантическим пресуппозициям. Простейшим примером пресуппозиции служит (10), в котором пресуппозиция существования у Джона слона вводится выражением *John's elephant*:

(10) *John's elephant is sick.*
Пресуппозиция: *John has an elephant.*

С точки зрения рассматриваемого здесь подхода пресуппозиции характеризуются как проективные, фоновые значения. Они ассоциированы с лексемами, конструкциями, интонационными контурами. Эти языковые единицы называют триггерами пресуппозиций. Один из самых подробных списков триггеров пресуппозиций приводится в [Potts 2015: 173].

Так же как и конвенциональные импликации, пресуппозиции не попадают в сферу действия отрицания, модального, вопросительного, условного оператора (проецируются в контекстах с этими операторами):

(11) a. *John's elephant is not sick.*
b. *John's elephant might be sick.*
c. *Is John's elephant sick?*
d. *If John's elephant is sick, he'll be grumpy.*
Пресуппозиция: *John has an elephant.*

В отличие от конвенциональных импликатур, пресуппозиции могут не проецироваться в контекстах с нефактивными предикатами пропозициональной установки:

(12) *Sue believes that John's elephant is sick, but that's ridiculous — John doesn't own an elephant.*

Как мы видим, в (12) пресуппозиция попадает в сферу действия предиката пропозициональной установки *believe* и интерпретируется как мнение субъекта пропозициональной установки Сью, а не говорящего.

Наконец, пресуппозиции являются фоновым знанием, которое может уже содержаться в контексте до произнесения высказывания с пресуппозицией. Если содержание пресуппозиции уже содержится в контексте разговора, повторение этой информации в форме пресуппозиции не приводит к эффекту избыточности:

(13) *Lance is a cyclist. But the reporter did not realize that Lance was a cyclist until after their interview.*

Таким образом, свойством конвенциональности, а также свойством проективности в контекстах с отрицанием, модальным, вопросительным и условным оператором обладают и пресуппозиции, и конвенциональные импликации. Свойства, которые должны различать конвенциональные импликации и пресуппозиции, — это фоновость пресуппозиций и проективность конвенциональных импликатур в контекстах предикатов пропозициональной установки. Заметим, однако, что пресуппозиции не всегда являются фоновым знанием, есть и информативные пресуппозиции, см., например, [Tonhauser 2015]. Конвенциональные импликации, в свою очередь, не всегда проецируются в контекстах

предикагов пропозициональной установки. В работах [Harris, Potts 2009; Karttunen, Zaenen 2005] показано, что, если говорящий не разделяет мнение субъекта пропозициональной установки и это очевидно по контексту, то примеры типа (8) становятся приемлемыми. Это происходит потому, что заранее заданные семантические характеристики языковых значений (такие как конвенциональная импликатура или пресуппозиция) могут нивелироваться дискурсивным контекстом. Учесть эффекты взаимодействия семантических значений и дискурсивного контекста позволяет новый, динамический, взгляд на семантику значений и на контекст и новая терминология, которую он предлагает.

3.2. Прагматический подход

Переход к динамическому взгляду на обсуждаемые в обзоре значения осуществляется через прагматический подход, реализованный в работе [Simons et al. 2011], который ставит задачей определить проективность и фоновость с учетом контекста. Авторы работы утверждают, что содержание, которое отвечает на обсуждаемый вопрос, не проецируется (то есть входит в сферу действия отрицания, модальных, вопросительных, условных операторов) и не является фоновым. Они называют такой тип содержания основным содержанием (*at-issue meaning / content*). Содержание же, которое не отвечает на обсуждаемый вопрос, напротив, проецируется и является дискурсивно фоновым. Авторы называют его вспомогательным содержанием (*not-at-issue meaning / content*).

Рассмотрим пример (14), которым авторы иллюстрируют введенное ими прагматическое определение проективности. Диетолога спрашивают, что его больше всего удивило в общении с первоклассниками. Ответ диетолога содержит отрицание и две пропозиции (14a) и (14b), которые могли бы попасть в сферу действия отрицания. Согласно прагматическому определению проективности, в сферу действия отрицания не попадет пропозиция, которая не отвечает на обсуждаемый вопрос.

(14) Обсуждаемый вопрос: *What most surprised you about the first graders?*

Ответ: *They didn't know that you can eat raw vegetables.*

a. *You can eat raw vegetables.*

b. *They knew that you can eat raw vegetables.*

Пропозиция (14a) отвечает на вопрос, можно ли есть сырые овощи. Этот вопрос не является обсуждаемым вопросом, более того, он не выводится из обсуждаемого в данном контексте вопроса о том, что удивило диетолога. Так как пропозиция (14a) не является ответом на обсуждаемый вопрос, прагматический подход к проективности предсказывает, что она не попадет в сферу действия отрицания. Действительно, мы видим, что ответ в (14) не содержит отрицания пропозиции (14a). В отличие от (14a), пропозиция (14b) релевантна обсуждаемому вопросу: то, что дети не знали про то, что можно есть сырые овощи, является одним из возможных ответов на вопрос о том, что вызвало удивление диетолога. Прагматическое определение проективности предсказывает, что (14b) попадет в сферу отрицания как информация, содержащаяся в ответе на обсуждаемый вопрос. Мы видим, что предсказание анализа подтверждается.

Как отмечают сами авторы, прагматический подход к определению проективности не учитывает важный фактор: конвенциональность. Многие конструкции и выражения вводят значения, которые конвенционально проективны, а не получают или теряют это свойство в конкретном контексте. Авторы приводят пример (15), где ответ на обсуждаемый вопрос содержится в подчиненной клаузе и является пресуппозицией.

(15) Обсуждаемый вопрос: *What's the weather like?*

Ответ: *#Bob realizes / doesn't realize that it's raining.*

Прагматический подход к проективности предсказывает, что, как ответ на обсуждаемый вопрос, пропозиция 'It's raining' попадет в сферу действия отрицания. Это предсказание ложно: в ответе не отрицается, что идет дождь. Более того, диалог (15) в целом воспринимается как несвязный, так как ответ не соответствует вопросу.

Авторы утверждают, что несвязность диалога (15) вызвана тем, что говорящий выбрал неверную стратегию и упаковал информацию, которая в данном контексте является ответом на обсуждаемый вопрос, в пресуппозицию, то есть тип значения, который конвенционально не отвечает на обсуждаемый вопрос. По мнению авторов, информация, которая не отвечает на обсуждаемый вопрос и, следовательно, проецируется в контексте, должна быть упакована говорящим в те типы значений (пресуппозиции или конвенциональные импликатуры), которые семантически проективны. Таким образом, авторы демонстрируют, что необходимо учитывать не только семантические свойства выражений и прагматику контекста, но и их динамическое взаимодействие. Этот посыл воплощается в рамках динамической семантики.

3.3. Динамическая семантика: импозиция

Динамическая семантика кодирует потенциал языковых единиц к изменению контекста в их семантической репрезентации. Конкретные выражения, интонационные контуры, конструкции получают «семантический ярлык» (импозиция, предлагаемое), который предопределяет их вклад в контекст. Сам ярлык определяется дискурсивным поведением языковой единицы, в частности ее способностью отвечать на обсуждаемый вопрос. Таким образом, динамическая семантика совмещает семантический и прагматический подходы к описанию значений и позволяет моделировать взаимодействие семантических, прагматических и дискурсивных аспектов высказывания.

О формальных аспектах импозиции и предлагаемого мы говорили выше, теперь же обсудим использование этих терминов для описания дискурсивной стратегии говорящего. То, какое содержание говорящий упаковывает в импозицию, а какое содержание в предлагаемое, говорит собеседникам о его намерениях по отношению к развитию разговора, например о том, какую информацию он планирует обсудить. Перед говорящим стоит выбор, использовать конструкцию с импозицией или без. Например, говорящий может выбрать (16a), где две пропозиции равноправны, обе являются предлагаемым, а может выбрать конкурирующую конструкцию с импозицией (16b).

(16) а. *Федерер — легендарный теннисист, и он выиграл двадцатый турнир Большого шлема.*

б. *Федерер, легендарный теннисист, выиграл двадцатый турнир Большого шлема.*

Выбирая конструкцию с импозицией (16b), говорящий сигнализирует слушающему, что не планирует обсуждать, что Федерер — легендарный теннисист, а хочет обсудить, что Федерер выиграл двадцатый турнир Большого шлема.

Содержание импозиции навязывается слушающему говорящим. Это накладывает определенные требования на то, что может быть упаковано в импозицию. По-видимому, информация, с которой слушающий не сможет молчаливо согласиться, не будет выбрана содержанием импозиции, только если говорящий не использует агрессивную коммуникативную стратегию явного навязывания своего мнения. Например, в (16b) говорящий должен предполагать, что то, что Федерер — легендарный теннисист, не будет оспорено слушающим, что слушающий сможет принять эту информацию. Если, напротив, говорящий подозревает или знает, что слушающий считает Федерера посредственным теннисистом, (16b) будет неудачной стратегией упаковки информации, так как навязет слушающему мнение, с которым тот не сможет согласиться.

Таким образом, конструкции с импозицией предоставляют говорящему два параметра варьирования: 1) выбор между конструкцией с импозицией и конкурирующей конструкцией без импозиции; 2) выбор информации, которую можно успешно навязать слушающему.

3.4. Импозиция, пресуппозиция, конвенциональная импликатура

Как было показано в разделе 3.1, семантический подход противопоставляет конвенциональные импликатуры и пресуппозиции как нефоновые и фоновые конвенциональные проективные значения. В рамках прагматического подхода (раздел 3.2) содержание и пресуппозиций, и конвенциональных импликатур соответствует вспомогательному содержанию и в этом смысле два типа значений объединяются. Возникает вопрос, как соотносятся эти два типа значений в рамках динамического подхода, который вводит понятие импозиции. Если мы считаем, что динамический подход является прямым продолжателем прагматического, мы ожидаем, что конвенциональная импликатура и пресуппозиция объединятся под зонтичным понятием импозиции. Возможна и альтернативная ситуация, когда для описания вклада пресуппозиции и конвенциональной импликатуры в контекст потребуются отдельный тип или типы обновления контекста.

Как видно из разделов 2 и 3.1, языковые выражения и конструкции, которые традиционно ассоциировались с конвенциональными импликатурами, иллюстрируют понятие импозиции. Это позволяет говорить о том, что триггеры конвенциональных импликатур, в терминах динамической семантики, вводят импозицию как информативное и автоматическое обновление контекста.

Что касается триггеров пресуппозиции, то в работах по импозициям пока нет консенсуса по поводу того, могут ли они анализироваться в терминах динамической семантики как выражения, получающие ярлык импозиции, или же соответствуют отдельному типу обновления контекста. В работах [AnderBois et al. 2010; 2015] реализована вторая точка зрения. Авторы анализируют пресуппозицию как ограничение на контекст, предшествующий высказыванию, а не как импозицию. Авторы отмечают, что как импозиции, так и пресуппозиции отличаются от предлагаемого тем, что являются необсуждаемыми обновлениями контекста, но при этом они различаются между собой тем, что импозиции навязывают новое, информативное обновление контекста, тогда как пресуппозиции вводят ограничения на предшествующий высказыванию контекст. Анализ пресуппозиций как условий, которым должен удовлетворять дискурсивный контекст на момент добавления в этот контекст соответствующего высказывания, основывается на классическом подходе к анализу пресуппозиций в [Stalnaker 1973; 1974; 1978]. Рассмотрим пример (17), где импозиция ‘Mary kissed him too’ содержит триггеры пресуппозиции *him* и *too*:

(17) *John kissed Mary, who kissed him too.*

Контекст обновляется последовательно. Сначала происходит обновление предлагаемым ‘John kissed Mary’. Далее контекст должен обновиться импозицией, соответствующей аппозитивной относительной клаузе, ‘Mary kissed him too’. Эта клауза содержит триггеры пресуппозиции *him* и *too*, поэтому сначала выполняется проверка пресуппозиционных ограничений. Так как в контексте есть антецедент для местоимения (*John*) и есть кто-то, отличный от Мэри, кто кого-то поцеловал, — напомним, что предлагаемое ‘John kissed Mary’ на этот момент уже часть контекста, — проверка пресуппозиционных ограничений триггеров *him* и *too* проходит успешно. После проверки контекста на соответствие пресуппозициям происходит обновление контекста импозицией

‘Mary kissed him too’. Таким образом, пресуппозиция анализируется как ограничение на предшествующий контекст, а не как новое и автоматическое обновление контекста, то есть импозиция.

В работе [Ciardelli et al. 2012], напротив, приводятся аргументы в пользу того, что пресуппозиции являются источником импозиций. Применимы ли критерии для выделения импозиций к пресуппозициональным значениям? Рассмотрим пример (18). Он содержит пресуппозицию, что у Джейн есть машина. Первый критерий состоит в том, что содержание импозиции не может являться ответом на обсуждаемый вопрос. Содержание пресуппозиции также не является прямым ответом на обсуждаемый вопрос [Ibid.: 57]:

(18) Обсуждаемый вопрос: *Does Jane have a car?*

Ответ: *[#]Yes, Jane damaged her car yesterday.*

Второй критерий состоит в том, что нельзя использовать простое отрицание в последующем дискурсе для отрицания содержания импозиции. Это же свойство характерно и для пресуппозиций в целом [Shanon 1976; von Stechow 2004], и для нашего примера в частности [Ciardelli et al. 2012: 58]:

(19) *Jane damaged her car yesterday.*

a. *No, she didn't damage her car yesterday.*

b. *[Actually / [#]No], she doesn't have a car.*

Примеры (18–19) показывают, что диагностикам импозиций удовлетворяют в том числе и значения, которые в рамках семантического подхода классифицируются как пресуппозиции. Авторы подробно обсуждают следующий пример [Ciardelli et al. 2012: 59]:

(20) *Did Jane damage her car[↑] or her bike[↓] yesterday?*

Значение ‘Джейн повредила машину или велосипед, но не то и другое’, соответствующее интонации альтернативного вопроса, в ряде работ анализируется как пресуппозиция, например в [Aloni, Égré 2010; Rawlins 2008]. Авторы, однако, отмечают, что данное значение может быть введено непосредственно вопросом. Предшествующий дискурсивный контекст может не содержать это значение на момент произнесения (20). Это позволяет анализировать данное значение как новое автоматическое обновление контекста, т. е. импозицию, а не как ограничение на предшествующий контекст, т. е. пресуппозицию [Ciardelli et al. 2012: 59–60]. Анализ интонации альтернативного вопроса в терминах импозиции, а не ограничения на предшествующий контекст, созвучен анализу, предложенному в [Karttunen, Peters 1976; Roelofsen, van Gool 2010].

Решение вопроса о том, должно ли понятие пресуппозиции описываться как отдельный тип обновления контекста или же достаточно понятия импозиции, осложняется тем, что пресуппозиции не являются однородным классом значений, см. [Abusch 2002; 2010; Sudo 2012; Zeevat 1992]. Решение данного вопроса требует систематического изучения дискурсивного поведения всего спектра пресуппозициональных триггеров. Перспективной кажется стратегия, при которой пресуппозиция анализируется тем или иным образом (как ограничение на предшествующий контекст или же как импозиция) в зависимости от степени анафоричности ее триггера. Можно предположить, что пресуппозиции с триггерами высокой степени анафоричности — разрешающими (resolution) и отслеживаемыми (bookkeeping), по классификации [Zeevat 1992], — например, *him* ‘его’ и *too* ‘тоже’, которые мы видели в примере (17), удачнее анализировать как ограничения на предшествующий контекст и не смешивать с импозициями. Неанафорические пресуппозиции — пресуппозиции с лексическими (lexical) триггерами, по классификации [Zeevat 1992], — например, пресуппозиции фазовых глаголов типа *начать* или интонационные пресуппозиции, как в (20), которые не накладывают ограничений на предшествующий контекст, можно отнести к импозициям, т. е. информативным автоматическим обновлениям контекста.

4. Заключение

Нередко бывает, что с развитием лингвистической теории в целом и разных теоретических парадигм в частности появляется целый ряд понятий, которые описывают схожие свойства языковых единиц, но представляют разные теоретические подходы. Так произошло, например, в традиции описания информационного (коммуникативного) статуса языковых единиц, где понятия темы и ремы, данного и нового, топика и фокуса, комментария, контрастного топика и контрастного фокуса, с одной стороны, конкурируют друг с другом, а с другой стороны, дополняют друг друга и предлагают взглянуть на одни и те же языковые данные под разным углом.

В данном обзоре мы рассмотрели понятие импозиции, т. е. информативного и автоматического обновления контекста. Появившееся недавно в парадигме динамической семантики, понятие импозиции стало применяться для описания потенциала к изменению контекста у аппозитивных относительных клауз, эвиденциальных показателей, вводных конструкций, интонационных контуров. На фоне этих языковых данных понятие импозиции столкнулось с понятиями конвенциональной имплицатуры и пресуппозиции, а также вспомогательного содержания в семантическом [Potts 2005] и дискурсивном [Simons et al. 2011] понимании, которые традиционно использовались для описания и теоретического осмысления этих языковых данных.

Мы показали, что понятие импозиции дополняет существующий понятийный спектр, предлагая анализ языковых выражений, который совмещает семантические, прагматические и дискурсивные аспекты значения, что представляет динамический взгляд на семантико-прагматический интерфейс с тесным и непрерывным взаимодействием семантики и прагматики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Богуславский 1985 — Богуславский И. М. *Исследования по синтаксической семантике*. М.: Наука, 1985. [Boguslavskii I. M. *Issledovaniya po sintaksicheskoi semantike* [Studies in syntactic semantics]. Moscow: Nauka, 1985.]
- Падучева 2004 — Падучева Е. В. *Динамические модели в семантике лексики*. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Paducheva E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in semantics of lexis]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004.]
- Abusch 2002 — Abusch D. Lexical alternatives as a source of pragmatic presuppositions. *Proc. of Semantics and Linguistic Theory (SALT) 12*. Jackson B. (ed.). Ithaca (NY): Cornell Univ., 2002, 1–19.
- Abusch 2010 — Abusch D. Presupposition triggering from alternatives. *Journal of Semantics*, 2010, 27(1): 37–80.
- Aloni, Égré 2010 — Aloni M., Égré P. Alternative questions and knowledge attributions. *The Philosophical Quarterly*, 2010, 60(238): 1–27.
- AnderBois et al. 2010 — AnderBois S., Brasoveanu A., Henderson R. At-issue proposals and appositive impositions in discourse. *Proc. of Semantics and Linguistic Theory (SALT) 20*. Li N., Lutz D. (eds.). Ithaca (NY): CLC Publications, 2010, 328–346.
- AnderBois et al. 2015 — AnderBois S., Brasoveanu A., Henderson R. At-issue proposals and appositive impositions in discourse. *Journal of Semantics*, 2015, 32(1): 93–138.
- Ciardelli et al. 2012 — Ciardelli I., Groenendijk J., Roelofsen F. Inquisitive semantics. The North American Summer School in Logic, Language, and Information lecture notes. Ms., 2012. <https://sites.google.com/site/inquisitivesemantics/courses/nasslli-2012>.
- Farkas, Bruce 2010 — Farkas D. F., Bruce K. B. On reacting to assertions and polar questions. *Journal of Semantics*, 2010, 27(1): 81–118.
- Groenendijk, Stokhof 1991 — Groenendijk J., Stokhof M. Dynamic Predicate Logic. *Linguistics and Philosophy*, 1991, 14(1): 39–100.

- Harris, Potts 2009 — Harris J. A., Potts C. Perspective-shifting with appositives and expressives. *Linguistics and Philosophy*, 2009, 32(6): 523–552.
- Horn 2002 — Horn L. R. Assertoric inertia and NPI licensing. *Papers from the 38th Meeting of the Chicago Linguistic Society: The Panels, vol. 2*. Andronis M., Debenport E., Pycha A., Yoshimura K. (eds.). Chicago: Chicago Linguistic Society, 2002, 55–82.
- Karttunen, Peters 1976 — Karttunen L., Peters S. What indirect questions conventionally implicate. *Chicago Linguistic Society. Papers from the 12th Regional Meeting*. Mufwene S. S., Walker C. A. (eds.). Chicago: Chicago Linguistic Society, 1976, 351–368.
- Karttunen, Zaenen 2005 — Karttunen L., Zaenen A. Veridicity. *Dagstuhl Seminar Proc.: Annotating, Extracting and Reasoning about Time and Events*. Katz G., Pustejovsky J., Schilder F. (eds.). Dagstuhl, Germany: Schloss Dagstuhl, Leibniz-Zentrum für Informatik, 2005, 1–9. <https://drops.dagstuhl.de/opus/volltexte/2005/314>.
- Murray 2010 — Murray S. E. *Evidentiality and the structure of speech acts*. Ph.D. diss., Rutgers Univ., 2010.
- Murray 2014 — Murray S. E. Varieties of update. *Semantics and Pragmatics*, 2014, 7(2): 1–53.
- Potts 2005 — Potts C. *The logic of conventional implicatures*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2005.
- Potts 2015 — Potts C. Presupposition and implicature. *The handbook of contemporary semantic theory*. 2nd edn. Lappin Sh., Fox C. (eds.). Oxford: Wiley-Blackwell, 2015, 168–202.
- Rawlins 2008 — Rawlins K. *(Un)conditionals: An investigation in the syntax and semantics of conditional structures*. Ph.D. diss., Univ. of California, Santa Cruz, 2008.
- Roberts 2012 — Roberts C. Information structure in discourse: Towards an integrated formal theory of pragmatics. *Semantics and Pragmatics*, 2012, 5(6): 1–69.
- Roelofsen, van Gool 2010 — Roelofsen F., van Gool S. Disjunctive questions, intonation, and highlighting. *Logic, Language, and Meaning: Selected papers from the 17th Amsterdam Colloquium*. Aloni M., Bastiaanse H., de Jager T., Schulz K. (eds.). Berlin: Springer, 2010, 384–394.
- Rojas-Esponda 2015 — Rojas-Esponda T. *Patterns and symmetries for discourse particles*. Ph.D. diss., Stanford Univ., 2015.
- Shanon 1976 — Shanon B. On the two kinds of presuppositions in natural language. *Foundations of Language*, 1976, 14: 247–249.
- Simons et al. 2011 — Simons M., Tonhauser J., Beaver D., Roberts C. What projects and why. *Proc. of Semantics and Linguistic Theory (SALT) 20*. Li N., Lutz D. (eds.). Ithaca (NY): CLC Publications, 2010, 309–327.
- Stalnaker 1973 — Stalnaker R. Presuppositions. *Contemporary Research in Philosophical Logic and Linguistic Semantics*, 1973, 2(4): 447–457.
- Stalnaker 1974 — Stalnaker R. Pragmatic presuppositions. *Semantics and philosophy*. Munitz M., Unger P. (eds.). New York: New York Univ. Press, 1974, 197–213.
- Stalnaker 1978 — Stalnaker R. Assertion. *Syntax and Semantics 9: Pragmatics*. Cole P. (ed.). New York: Academic Press, 1978, 315–332.
- Sudo 2012 — Sudo Y. *On the semantics of phi features on pronouns*. Ph.D. diss., Massachusetts Institute of Technology, 2012.
- Tonhauser 2015 — Tonhauser J. Are ‘informative presuppositions’ presuppositions? *Language and Linguistics Compass*, 2015, 9: 77–101.
- von Stechow 2004 — von Stechow K. Would you believe it? The King of France is back! Presuppositions and truth-value intuitions. *Descriptions and beyond*. Reimer M., Bezuidenhout A. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2004, 315–341.
- Zeevat 1992 — Zeevat H. Presupposition and accommodation in update semantics. *Journal of Semantics*, 1992, 9(4): 379–412.

[Рец. на: / Review of:] **N. Hober. *Grammaticalization and variation: The case of Mayan motion verbs***. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2021. 377 p. ISBN 9783110728507.

Роман Владимирович Сычев

Roman V. Sychev

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; r-sychev@inbox.ru

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; r-sychev@inbox.ru

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.6.123-130

Серия «Studia Typologica» издательства De Gruyter — это серия-компаньон известного журнала «STUF — Language Typology and Universals». Рецензируемая монография¹ — вторая книга в серии, посвященная проблемам грамматикализации и первая из опубликованных в «Studia Typologica», рассматривающая данный феномен на материале майянских языков, а именно ту часть майянского глагольного морфосинтаксиса, которая выражает значения пространственного дейксиса.

Работа вносит вклад в общую теорию грамматикализации, которая с появлением сетевого подхода [Diessel 2019]², на наш взгляд, переживает сегодня существенное обновление. Так, теория метафорического расширения (Metaphorical Extension) [Heine et al. 1991] сосредотачивается на первых этапах грамматикализации и старается дать объяснение началу самого процесса грамматикализации. Теория так называемого напрашивающегося вывода (Invited Inferencing Theory) [Traugott, Dasher 2002] рассматривает в свою очередь конечную стадию грамматикализации и особо выделяет прагматику и коммуникативное взаимодействие. В фокусе же сетевого подхода, который является основным в рецензируемой работе, находится когнитивный аспект языка. Последний мыслится как разветвленная сеть ассоциаций. Грамматика представляется в виде сети ассоциативных связей элементов морфологии, синтаксиса и лексической семантики. Для сетевого подхода и лексемы, и категории, и конструкции являются знаками. Особое место, на наш взгляд, занимает методологическое выделение шести типов отношений: символические (symbolic) (связь формы и значения), последовательные (sequential) (связь элементов в последовательности), таксономические (taxonomic) (связь между репрезентациями элемента на различных уровнях), лексические (lexical) (связь между лексемами), конструкционные (constructional) (связь между конструкциями), а также отношения заполнения позиции (filler-slot) (связь между частным объектом и позиции в конструкции) [Diessel 2019: 22].

Перед тем, как приступить к обзору рецензируемой работы, считаем необходимым сделать некоторые предварительные замечания, касающиеся майянского дейксиса. В майянских языках категория пространственного дейксиса может быть выражена особыми морфемами внутри глагольной предикации, образованными от глаголов движения. В случае непереходных глаголов, глагольный комплекс с дейктическими показателями располагает дейктическую морфему в позиции справа от показателя времени / аспекта / модальности

¹ Выражаю благодарность В. А. Плунгяну и И. А. Виноградову за ценные комментарии к первоначальному тексту рецензии. Никто из указанных коллег не несет ответственности за взгляды и оценки, высказанные в рецензии. Любые ошибки, неточности и спорные интерпретации остаются на совести рецензента.

² См. обстоятельную рецензию Т. Нессета на эту работу, недавно опубликованную в ВЯ [Nesset 2021].

(TAM) и слева от корня. Так, например, в языке киче (quc/kich1262³) в (1a) представлен глагольный комплекс без показателя движения, в то время как в (1b) — с показателем движения *-e-*, расположенным между маркером 2 л. ед. ч. абсолютива *at-* и лексическим корнем *chak* ‘работать’.

(1) а. *ch-at-chak-u-n-oq*
IMP-2SG.ABS-работать-VT-AP-SS
‘Работай!’ [ALMG 2014: 27]

б. *j-at-e-chak-u-n-oq*
IMP-2SG.ABS-**MOV**-работать-VT-AP-SS
‘Иди работать!’ [Ibid.]

В структуре переходного глагола расположение дейктической морфемы может варьировать: так, она может располагаться между показателем абсолютива и показателем эргатива, как, например, в языке киче (2).

(2) *j-e'-e-q-il-a'*
IMP-3PL.ABS-**MOV**-1PL.ERG-смотреть-SS
‘Пойдем посмотрим на них!’ [Ibid.]

Но дейктическая морфема может также располагаться между показателем TAM и показателем грамматического лица, как, например, в языке кекчи (kek/kekс1242) (3).

(3) *x-ol-in-x-b'ak'*
COMPL-**MOV**-1SG.ABS-3SG.ERG-связывать
‘Он прошел, связывая меня’. [ALMG 2003: 62]

Некоторые майянские языки обладают двумя наборами дейктических граммем: один для выражения движения и другой — для выражения направления. Так, например, в языке какчикель (sak/kaqс1270) категория движения представлена аффиксами *-b'e* ‘идти’, *-ul-o* ‘приходить’ (выбирается сингармоничный элемент) и *-ik'o* ‘проходить’ (4).

(4) *x-e-b'e-qa-tz'ib'-aj*
COMPL-3PL.ABS-**MOV**-1PL.ERG-писать-DER
‘Мы пошли их записать (зарегистрировать)’. [ALMG 2006: 71]

При этом категория направления в какчикель выражается особыми вспомогательными направительными частицами, производными от непереходных глаголов: *pe* ‘сюда’, *apo* ‘туда’, *aq'anij* ‘вверх’, *el* ‘наружу’, *kan* ‘остаться (на месте)’, *qa* ‘вниз’, *ok* ‘внутри’. Обычно такие частицы расположены на правой границе клаузы (5).

(5) *y-aj-el* *el*
INC-1PL.ABS-выходить **оттуда**
‘Мы выходим оттуда’. [ALMG 2006: 72]

Наконец, в майянских языках категория пространственного дейксиса часто может выражаться не грамматическими, а лексическими средствами. В этом случае дейктическая семантика передается самостоятельным финитным глаголом.

Таким образом, в рецензируемой работе мы имеем дело с исследованием майянских глаголов движения, а именно — с выявлением тех из них, которые в диахронической перспективе обладают большей предрасположенностью к утрате своего лексического значения пространственного дейксиса и приобретают в процессе грамматикализации либо иные дейктические значения, отличные от первоначальных, либо грамматические значения

³ При первом упоминании языка в скобках указан ISO 639-3/Glottocode, при первом упоминании языковой семьи, ветви или группы — Glottocode согласно [Glottolog 4.4].

из области времени / аспекта / модальности. Также целью автора является описание процесса такой грамматикализации и возможных типологических следствий.

В главах 1–4 описываются основные методологические установки исследования.

В первую очередь следует отметить, что грамматикализация рассматривается в тесной связи с вариативностью, демонстрируя, на наш взгляд, новый подход к изучению морфосинтаксиса. Под вариативностью имеется в виду вариативность межъязыковая, то есть синхронное разнообразие элементов в разных языках, а не диалектные отличия внутри одного языка.

Работа выполнена в рамках функциональных теорий, ориентированных на узус (usage-based).

В области общей теории грамматикализации методической базой исследования послужила, как уже было сказано, теория сетевого подхода (Network Approach) [Diessel 2019]. При анализе процессов грамматикализации автор опирается в основном на известную работу [Heine, Kuteva 2002], выделяющую следующие глаголы направленного движения (directional motion verbs): ARRIVE, COME, COME.FROM, COME.TO, CROSS, DESCEND, GO, GO.TO, LEAVE, PASS, RETURN. Причем реализации COME и GO рассматриваются как дейктические оппозиции: COME как движение по направлению к дейктическому центру и GO как обратное, то есть по направлению от дейктического центра. На материале майянских языков автор стремится подтвердить точку зрения работы [Wilkins, Hill 1995], опровергающую универсальный характер приведенной оппозиции.

При рассмотрении майянского глагольного комплекса, автор принимает точку зрения о биклаузальном происхождении финитного майянского глагола. Следуя за [Heine et al. 1991], автор исходит из положения о том, что элементы⁴ с лексическим значением, близким к области TAM, в результате грамматикализации обретают сходное грамматическое значение. Необходимо оговориться, что при описанном подходе автор выделяет в качестве центрального значения таких элементов не только дейктическое значение, но и временное — в основном так называемую «будущность» (futurity). В целом во всей работе большое место занимает анализ темпоральной семантики. Похожий подход к анализу майянских TAM-маркеров выражен, например, в диахроническом исследовании [Robertson 1992] и в синхроническом — [Tada 1993]. Однако, такая установка, на наш взгляд, имеет как сильные, так и слабые стороны. Так, например, в [Виноградов 2012; Vinogradov 2016] справедливо указывается, что временные значения в майянских языках грамматикализованы либо периферийно вместе с аспектуальными или модальными, либо, в случае, когда они представлены отдельными морфемами, выражают скорее временную дистанцию, а не собственно время. Зачастую именно аспектуальные значения мыслятся как центральные в майянской TAM-системе ([Vázquez Álvarez 2011; Coon 2010; 2014] и др.). В общетипологической перспективе, как нам кажется, довольно убедительными представляются аргументы [McCoy 2001], [Bohnenmeyer 2002] и [Wiklund 2008], демонстрирующие, что в отсутствии специальных временных показателей, временные значения выражаются периферийно при центральном положении аспекта.

Глава 5 «The Mayan language family» («Майянская языковая семья») посвящена генетической и типологической характеристике майянских языков. Дается краткая генетическая классификация живых и мертвых майянских языков, указываются спорные моменты, касающиеся диалектного членения. Представляя типологическую характеристику, автор предлагает, по нашему мнению, достаточно обстоятельные размышления о базовом порядке слов и личном согласовании. В майянских языках распространен базовый порядок

⁴ В некоторых случаях мы избегаем термина «глагол» и, следуя за [Aissen et al. 2017], заменяем его на более общий «элемент», так как речь идет скорее о корнях, которые, строго говоря, глаголами не являются. Мы считаем майянские языки омнипредикативными [Launey 1994], то есть такими, в которых переход из одного частеречного класса в другой возможен без (существенных) дериваций.

слов VOS, в некоторых западных майянских языках — SVO (как, например, в уастекском (hus/huas1242)). При этом базовый порядок слов не является строгим.

В главе 6 «The Pan-Mayan motion verbs» («Общемайянские глаголы движения») дается краткий обзор существующих на сегодняшний день исследований майянских глаголов движения (в частности, особое внимание уделяется работам [Zavala Maldonado 1994] и [Gómez Cruz 2017]), а также вопросов реконструкции протомайянских форм этих глаголов с опорой на [Kaufman 2003]. В выборку вошли данные 26 из 30 существующих сегодня майянских языков. Представляются формы указанных глаголов в 26 языках выборки, а также их реконструированные протомайянские формы по [Kaufman 2003].

Основная содержательная и собственно аналитическая часть работы представлена главами 7, 8 и 9.

Глава 7 «Grammaticalization of Mayan motion verbs into motion, purpose, and trajectory» («Грамматикализация майянских глаголов движения в показатели движения, цели и траектории») описывает процессы грамматикализации глаголов движения. Анализ сосредоточен на двух группах конструкций: конструкции, выражающие движение с целью (motion-sum-purpose) и направительные конструкции (directional constructions). Дейктические элементы разделяются на пять групп: 1) дейктически ориентированные (deictically anchored); 2) предметно-ориентированные (point-oriented); 3) барьерно- или регионально-ориентированные (enclosure- or region-oriented); 4) со значениями вертикальной оси (vertical axis); 5) аспектуальные (aspectual). Так, к дейктически ориентированным автор относит элементы со значениями 'идти', 'приходить туда', 'прибывать, приходить сюда', 'возвращаться сюда'. К группе предметно-ориентированных относятся элементы со значениями 'проходить', 'идти и возвращаться', 'возвращаться', 'оставаться на месте'. Группа барьерно- или регионально-ориентированных элементов сформирована элементами со значениями 'входить', 'выходить, покидать'. Элементы со значениями вертикальной оси: 'подниматься' и 'опускаться'. Наконец, к аспектуальным автор относит элементы со значениями 'возникать, начинать(-ся)' и 'заканчивать(-ся)'.

При рассмотрении конструкций, выражающих движение с целью, особое внимание уделяется вспомогательным глаголам, развившимся из глаголов движения. Для выражения движения с целью с транзитивным лексическим глаголом V2 (на второй позиции в предложении) автор выделяет пять стадий грамматикализации: 1) соположение двух независимых клауз: с глаголом движения и лексическим глаголом; 2) объединение двух клауз в финитный глагол движения с вложенной клаузой; 3) самостоятельный глагол движения превращается во вспомогательный глагол с вложенной клаузой; 4) глагол движения теряет словоизменительную морфологию; 5) глагол движения превращается в аффикс движения.

При этом процессы грамматикализации с переходными и непереходными глаголами оказываются совершенно различными. Так, выделяются три группы конструкций, выражающих движение с целью, с интранзитивным V2: 1) перифрастические конструкции с подчинительным союзом; 2) чередование групп подчинительного союза с моноклаузальными конструкциями; 3) перифрастические конструкции без обязательного подчинения.

Анализируя направительные конструкции, автор сосредотачивает особое внимание на разнообразии форм и семантики направительных элементов в майянских языках. Также приводятся майянские языки, не имеющие особых направительных конструкций.

В главе 8 «A glance at the fate of the grammaticalized Mayan motion verbs: TAM, unusual targets, and language contact» («Взгляд на судьбу грамматикализованных майянских глаголов движения: ТАМ, необычные цели и языковые контакты») анализируются глаголы движения, ставшие ТАМ-маркерами, а также глаголы, в семантике которых изменился элемент цели движения. Выявляются «необычные цели» грамматикализации майянских глаголов движения (то есть такие, в которых нет очевидной семантической мотивации, и которые реже встречаются в языках мира в отличие от «обычных» целей) майянских глаголов движения, такие, как, например, приобретение глаголами движения эвиденциальных значений. С точки зрения языковых контактов грамматикализация майянских глаголов движения

рассматривается в контексте трех областей: испанско-майянские контакты, майя-мехококе контакты, а также область внутримайянских контактов.

Автором намечено 10 путей грамматикализации майянских глаголов движения в ТАМ-показатели (с. 181 рецензируемой работы). Так, глаголы движения могут становиться показателями комплетива, будущего времени, потенциалиса, гортатива, императива, инхоатива, инцептива, инкомплетива, прогрессива / континуатива и репетитива. Подчеркивается, что некоторые из них не указываются в качестве целей грамматикализации в [Heine, Kuteva 2002], как, например, репетитив для глаголов 'проходить' и 'спускаться', как было выявлено в ходе исследования для направительных глаголов в языке канхобаль (kjb/qanj1241) (с. 214 рецензируемой работы). Из 10 указанных путей грамматикализации на данном этапе исследования наиболее подробно рассматриваются два, в которых в качестве целей выступают будущее время и инцептив.

На материале майянских языков автор подтверждает, что вспомогательные глаголы движения, семантика которых содержит элементы желания, необходимости или движения к цели, зачастую грамматикализуются в показатели будущего времени, а также доказывает, что такой путь грамматикализации свойствен и некоторым направительным глаголам. Примером такого необычного пути грамматикализации, как уже упоминалось выше, являются направительные конструкции в языке канхобаль.

Подробному рассмотрению подвергаются выделяемые автором показатели будущего времени, развившиеся из глаголов движения со значением 'идти' в чолано-цельталанской (chol1286), юкатекской (yucal252), уастекской (huas1241), канхобало-чухеанской (kanj1261) и кичеано-мамеанской (quic1274) ветвях майянской языковой семьи.

Инцептивные показатели, развившиеся из вспомогательных глаголов со значениями 'начинать', 'входить' (в случае языка канхобаль — из направительного глагола 'подниматься') рассматриваются на примере языков канхобаль, киче, мам (mam/mamm1241), цельталь (tzh/tzel1254). В частности указывается необходимость различать инцептив и инхоатив в майянских языках (в противовес позиции в [Mateo Toledo 2008: 180]). Основное отличие, по мнению автора, заключается в том, что инцептив выражает начало действия, а инхоатив — начало состояния. Также указывается, что инхоативные значения некоторых показателей развились из инцептивных в контекстах, при которых имел место переход значения изменения местоположения в значение изменения состояния (см. анализ примеров (140b, c) и (141a, b, d) рецензируемой работы).

В главе 9 «Discussion: Coming full circle» («Обсуждение: замыкая круг») подводятся итоги исследования. Предлагается ряд корректировок к параметрам из [Lehmann 1985]. Обобщаются свойства майянских глаголов движения. Также обсуждаются возможности применения сетевого подхода [Diessel 2019] к грамматике майянских языков.

С точки зрения конкретно-лингвистического анализа майянских глагольных комплексов в работе отмечается ряд представляющих интерес особенностей. Помимо упомянутого выше постулирования элементов категории времени среди майянских ТАМ-показателей, следует отметить представляющийся нам необычным анализ майянских так называемых суффиксов статуса. Категория статуса в майянской лингвистике определяет, как следует из названия, так называемый статус финитного глагола (а также некоторых типов неглагольных предикатов). Статус предиката может быть либо независимым, или прямым (plain), либо зависимым (dependent). Такое деление соответствует семантическому разделению внутри ТАМ-категории: суффиксы прямого статуса используются с показателями, основное семантическое поле которых лежит в аспектуальной плоскости (в основном комплетив и инкомплетив); в то время как суффиксы зависимого статуса используются по большей части с показателями, семантика которых лежит в традиционно модальной плоскости (в основном потенциалис и императив вместе с гортативом). В [Rue 1991] выделяется четыре контекста, потенциально вызывающих появление суффикса статуса: 1) суффикс статуса может зависеть от ТАМ-показателя; 2) суффикс статуса может определяться фонологическими характеристиками корня; 3) суффикс статуса может быть связан с переходностью

глагола; 4) может влиять позиция в клаузе — как правило, суффикс статуса находится на правой границе клаузы. Все эти контексты появления суффикса статуса, за исключением фонологических характеристик корня, по нашему мнению, указывают на глагольные свойства основы, сформированной корнем и суффиксом статуса. Что примечательно, суффиксы зависимого статуса оказываются детерминированы обсуждаемыми в работе Хобер показателями движения, как, например, в языке киче (6).

(6) *x-**oj-b'e'-r-il-a'***

COMPL-1PL.ABS-MOV-3SG.ERG-see-SS.DEP

‘Он(а) пришел / пришла увидеть нас’. [López, Sis 2004: 76]

Таким образом, можно предположить, что появление показателя движения может изменять статус глагола: от прямого к зависимому (разумеется, это утверждение нуждается в дополнительной проверке в ходе специального исследования). Помимо этого, у суффиксов прямого статуса в майянских языках существует омоним — показатели номинализации, которые обычно не рассматриваются как суффиксы статуса из-за существенной функциональной разницы между ними. Так, сравним суффикс прямого статуса *-ik* (7a) и номинализатор *-ik* (7b) в языке киче. В (7a) словоформа *xinxojowik* — финитная форма глагола, в то время как *uto'ik* в (7b) представляет собой обладаемое существительное, образованное от глагола.

(7) a. *x-tajin* *x-in-xojow-ik*

COMPL-PROG COMPL-1SG.ABS-танцевать-SS.PLAIN

‘Я танцевал’. [López, Sis 2004: 69]

b. *x-in-tajin* *chi u-to'-ik*

COMPL-1SG.ABS-PROG PRE 3SG.ERG-помогать-NMLZ

‘Я ему помогал’. [Ibid.: 70]

В рецензируемой работе суффиксы статуса представлены двумя парадигмами: суффиксы финитного статуса и суффиксы нефинитного статуса. Таким образом, функции суффиксов статуса внутри глагольной словоформы и функции номинализаторов в отглагольных существительных объединяются. На наш взгляд, это логичный вывод из положения автора о том, что рассматриваемые нами как номинализованные (7b) формы анализируются в рецензируемом труде как нефинитные глагольные формы. Мы, в свою очередь, не вполне согласны с данным положением, однако, как представляется, оно может являться следствием системно применяемого сетевого подхода к грамматике.

В заключение хотелось бы подчеркнуть уникальность и значимость рецензируемой монографии, а также тщательность проработки материала. В целом, по нашему мнению, исследование Николь Хобер — это скрупулезная, теоретически продуманная и убедительно аргументированная работа, интересная и важная далеко не только для майянистов, но и для специалистов по теории грамматикализации и общей типологии.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо

ABS — абсолютив

AP — антипассив

COMPL — комплетив

DER — показатель деривации

ERG — эргатив

IMP — императив

INC — инкомплетив

IV — непереходный глагол

MOV — показатель движения

NMLZ — номинализатор

PL — множественное число

PRE — предлог

PROG — прогрессив

SG — единственное число

SS — суффикс статуса

SS.DEP — суффикс зависимого статуса
 SS.PLAIN — суффикс прямого статуса

VT — переходный глагол

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Виноградов 2012 — Виноградов И. А. Аспектуальные системы языков майя. [Vinogradov I. A. Aspectual systems of Mayan languages.] *Acta linguistica Petropolitana*, 2012, 2: 662–706.
- Aissen et al. 2017 — Aissen J., England N., Zavala R. (eds.). *The Mayan languages*. New York: Routledge, 2017.
- ALMG 2003 — Academia de Lenguas Mayas de Guatemala. *Gramática descriptiva del idioma maya q'eqchi'*. Guatemala: Universidad Rafael Landívar, Instituto de Lingüística, 2003.
- ALMG 2006 — Academia de Lenguas Mayas de Guatemala. *Gramática normativa del idioma maya kaqchikel*. Guatemala: Universidad Rafael Landívar, Instituto de Lingüística, 2006.
- ALMG 2014 — Academia de las Lenguas Mayas de Guatemala. *Gramática normativa del idioma k'iche'*. Guatemala: Universidad Rafael Landívar, Instituto de Lingüística, 2014.
- Bohnenmeyer 2002 — Bohnemeyer J. *The grammar of time reference in Yukatek Maya*. München: LINCOM Europa, 2002.
- Coon 2010 — Coon J. *Complementation in Chol (Mayan): A theory of split ergativity*. Ph.D. diss., Massachusetts Institute of Technology, 2010.
- Coon 2014 — Coon J. Predication, tenselessness, and what it takes to be a verb. *Proc. of the 43rd Annual Meeting of the North East Linguistics Society*. Huang L., Poole E., Rysling A. (eds.). New York: The City University of New York, 2014, 77–90.
- Diessel 2019 — Diessel H. *The grammar network: How linguistic structure is shaped by language use*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2019.
- Gómez Cruz 2017 — Gómez Cruz J. Los posicionales como evidencia del estatus mixto del tojol-ab'al. *Congreso de Idiomas indígenas de Latinoamérica VIII*. The Univ. of Texas at Austin. 27 de octubre de 2017.
- Glottolog 4.4 — Hammarström H., Forkel R., Haspelmath M., Bank S. *Glottolog 4.4*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2021. <https://glottolog.org>.
- Heine, Kuteva 2002 — Heine B., Kuteva T. *World lexicon of grammaticalization*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002.
- Heine et al. 1991 — Heine B., Claudi U., Hünnemeyer F. *Grammaticalization: A conceptual framework*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1991.
- Kaufman 2003 — Kaufman T. A preliminary Mayan etymological dictionary. *Foundation for the Advancement of Mesoamerican Studies*. 2003. <http://www.famsi.org/reports/01051/index.html>.
- Launey 1994 — Launey M. *Une grammaire omniprédicative : essai sur la morphosyntaxe du nahuatl classique*. Paris: CNRS Éditions, 1994.
- Lehmann 1985 — Lehmann C. The role of grammaticalization in linguistic typology. *Language invariants and mental operations. International interdisciplinary conference held at Gummersbach/ Cologne, Germany, Sept. 18–23, 1983*. Seiler H., Bretschneider G. (eds.). Tübingen: G. Narr, 1985, 41–52.
- López, Sis 2004 — López C., Sis M. *Gramática pedagógica k'iche'*. Guatemala: Universidad Rafael Landívar, Instituto de Lingüística y Educación, 2004.
- Mateo Toledo 2008 — Mateo Toledo E. *The family of complex predicates in Q'anjob'al (Maya): Their syntax and meaning*. Ph.D. diss., Univ. of Texas at Austin, 2008.
- McCoy 2001 — McCoy S. *Colloquial Russian particles -to, že, and ved' as set-generating ("kontrastive") markers: A unifying analysis*. Ph.D. diss., Boston Univ., 2001.
- Nesset 2021 — Nesset T. [Review of:] H. Diessel. The grammar network. How linguistic structure is shaped by language use. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 5: 137–141.
- Pye 1991 — Pye C. The acquisition of K'iche' (Maya). *The crosslinguistic study of language acquisition*. No. 3. Slobin D. I. (ed.). Hillsdale: Erlbaum, 1991, 221–308.
- Robertson 1992 — Robertson J. S. *The history of tense/aspect/mood/voice in the Mayan verbal complex*. Austin: Univ. of Texas Press, 1992.
- Tada 1993 — Tada H. *A/A-bar partition in derivation*. Ph.D. diss., Massachusetts Institute of Technology, 1993.

- Traugott, Dasher 2002 — Traugott E., Dasher R. *Regularity in semantic change*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002.
- Vázquez Álvarez 2011 — Vázquez Álvarez J. J. *A grammar of Chol, a Mayan language*. Ph.D. diss., Univ. of Texas at Austin, 2011.
- Vinogradov 2016 — Vinogradov I. *Tense/aspect/mood systems of Cholan-Tzeltalan Mayan languages*. München: LINCOM GmbH, 2016.
- Wiklund 2008 — Wiklund A.-L. *The syntax of tenselessness: Tense/mood/aspect-agreeing infinitivals*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2008.
- Wilkins, Hill 1995 — Wilkins D. P., Hill D. When 'go' means 'come': Questioning the basicness of basic motion verbs. *Cognitive Linguistics*, 1995, 6(2–3): 209–259.
- Zavala Maldonado 1994 — Zavala Maldonado R. Inverse alignment in Huastec. *Función*, 1994, 15(16): 27–81.

Получено / received 18.01.2022

Принято / accepted 29.03.2022

[Рец. на: / Review of:] **T. Stolz, N. Levkovich (in cooperation with B. Seefried). *Areal linguistics within the Phonological Atlas of Europe. Loan phonemes and their distribution.*** Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2021. 666 p. ISBN 9783110672435.

Дмитрий Сергеевич Николаев

Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия; nikolaev-ds@ranepa.ru

Dmitry S. Nikolaev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; nikolaev-ds@ranepa.ru

Благодарности: Рецензия подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.6.131-138

Acknowledgements: The review was prepared as a part of the state task of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Предлагаемая вниманию читателя книга необычна как по целям и задачам, которые она перед собой ставит, так и по своей структуре. Как указано в ее названии, она была подготовлена в рамках проекта «Фонологический атлас Европы» (Phon@Europe), который реализуется в Бременском университете под руководством Томаса Штольца и во многом наследует цели и задачи проекта Eurotyp, направленного на систематическое изучение европейских языков в типологической перспективе. В то время как Eurotyp фокусировался на морфосинтаксисе (порядок слов, строение сложных предложений, аргументная структура, адвербиалы, время и аспект, строение именной группы, клитики), Phon@Europe должен предоставить подробную информацию о разных аспектах фонологии 210 европейских языков и диалектов. Также подобно Eurotyp, и в отличие от другого популярного лингвистического ресурса, World atlas of language structures (WALS [Dryer, Haspelmath 2013]), основной метод публикации в рамках Phon@Europe — это не доступная для скачивания таблица с данными и онлайн-интерфейсом, а набор книг: «[Рецензируемая книга] может рассматриваться как первый том в серии будущих атласов, посвященных темам, которые по практическим соображениям не смогли войти в данный атлас»¹ (с. 7). Будучи первым томом, он представляет весь проект в целом и дает обзор его целей и методологии, а также языковой выборки, на которой он основан.

Основная ценность проекта, с точки зрения авторов тома, заключается в том, что он впервые предоставит «ареально-лингвистический обзор синхронного распределения отобранных базовых (essential) фонологических явлений в Европе» (с. 7). Ударение ставится, с одной стороны, на явления, которые раньше не привлекали внимание исследователей, а с другой — на невиданный доселе охват европейских докулектов (EDL, далее ЕДЛ), т. е. европейских языков и диалектов, отраженных в описательных работах. Материалы проекта должны послужить базой для дальнейших исследований в разных областях фонологии, лингвистической типологии и контактной лингвистики, а в рамках самого атласа формулируются и оцениваются две гипотезы:

H₀, нулевая гипотеза: распределение фонологических явлений среди ЕДЛ случайно, то есть никакая корреляция с каким бы то ни было определяющим фактором «не выходит на первый план».

H_A, альтернативная гипотеза: распределение фонологических явлений среди ЕДЛ определяется некими факторами, в связи с чем можно наблюдать генетические, типологические и/или ареально сформированные паттерны.

¹ Здесь и далее перевод наш. — Д. Н.

С точки зрения авторов, подтверждение альтернативной гипотезы является достаточным, но не необходимым условием значимости проделанной ими работы, поскольку даже как набор случайных данных Phon@Europe будет «ценным ресурсом общей информации» (с. 9). Авторы отмечают, что для полного успеха их начинания даже не обязательно, чтобы альтернативная гипотеза была верной во всех случаях: достаточно, чтобы она лучше описывала эмпирические данные.

В практическом плане, отмечают Штольц и Левкович, Phon@Europe нацелен на фонологический уровень и эксплицитно опирается на существование фонемы как лингвистической единицы — в большой мере это определяется тем, что такого подхода придерживаются авторы львиной доли описаний, на которых атлас основан. Опора на фонемы определяет, в свою очередь, аспекты языковых систем, которые Штольц и его коллеги планируют обзреть. Предварительный список включает, среди прочего:

- размер фонологического инвентаря;
- соотношение количества согласных и гласных;
- сколько звуков относятся к одному месту или способу образования (мера «плотности» фонологического инвентаря);
- сколько разных мест и способов образования используются в языке;
- сколько разных способов вторичной артикуляции имеют фонологический статус;
- присутствует ли противопоставление по долготе;
- какие классы звуков присутствуют в языке (начиная с противопоставления пульмонических и неппульмонических звуков).

Фонологические процессы, такие как ассимиляция и сандхи, в атлас не включаются, равно как и структура слога, тональные явления и фонотактика.

Отдельная глава тома посвящена истории вопроса, где под «вопросом» понимается, с одной стороны, внутреннее ареальное устройство Европы, а с другой — общие фонологические черты европейских языков. Говоря о внутреннем ареальном делении, авторы подробно рассматривают работы Харальда Хаармана [Haarmann 1976] и Дюлы Дечи [Décsy 2000]. Обе работы признаются недостаточно методологически строгими, чтобы можно было заключить, что они доказывают H_A .

Раздел про общие фонологические черты европейских языков приводит выводы из этих же и других работ Хаармана и Дечи, а также из двух работ Эльмара Терна [Ternes 1998; 2010]. Эти публикации также критикуются за недостаточно строгий подход к выявлению областей распространения разных явлений и интерпретации полученных результатов. Штольц и Левкович отмечают, что их собственная работа в большой мере опирается на базу, заложенную этими тремя авторами, которые описали Европу как единую фонологическую зону, характеризующуюся низкой вариативностью и отсутствием экзотических фонем, однако Хаарман, Дечи и Терн «в некотором смысле сами создали себе проблемы» (с. 51): их амбиции заставили их слишком быстро сделать выводы относительно большого количества разных вопросов без достаточной фактической базы. Этот пример заставил авторов быть более осторожными в выборе тем для изучения и собирании доказательной базы.

Оценив работы предшественников, авторы затем кратко пересказывают основные положения своих собственных публикаций, которые задокументировали предварительные этапы работы над Phon@Europe. Эти работы были посвящены распределению разных типов гласных [Stolz 2006]; моносиллабическим словам [Stolz 2007]; сибилантам и аффрикатам [Stolz 2010]; плавным [Stolz et al. 2010]; велярным и поствелярным фрикативным [Stolz et al. 2011] и редким явлениям [Stolz et al. 2012]. В обобщающих предварительных работах авторы попытались оценить готовность выборки к ее использованию для создания атласа [Stolz, Levkovych 2017] и в какой мере славянские языки представляют собой типологически гомогенную группу [Levkovich et al. 2019]. Все эти работы, как считают авторы, предлагают убедительные аргументы в пользу отвержения нулевой гипотезы.

Также они показали, что карты — более выигрышный способ подачи материала, чем списки языков, и что размер языковой выборки играет важную роль. Все эти соображения привели их к необходимости создания Phon@Europe.

Следующие несколько глав вступительной части поднимают важные методологические вопросы. Глава «Теория» проясняет отношение авторов тома к таким понятиям, как фонология — которая в этом контексте сводится к вопросам идентификации и подсчета фонем, — ареальная лингвистика и языковые союзы. Вслед за Лайлом Кэмпбелом авторы отвергают полезность термина «языковой союз» (Sprachbund) и предлагают смотреть на анализируемые явления через призму ареально-лингвистических сетей, которые образуют «зоны суперпозиции контактов» (термин Марии Копчевской-Тамм и Бернхарда Вельхли) или «зоны распространения признаков» (Кэмпбел).

Глава «Методология» демонстрирует приверженность авторов идеям ареальной типологии в духе [Kortjevskaja-Tamm 2011]. Штольц и Левкович отмечают, однако, что эта область лишена своей собственной методологии и что она представляет собой сумму разрозненных подходов, взятых из диалектологии, лингвистической географии и т. п. Из этого набора авторы выбирают ареальную лингвистическую методологию, опирающуюся на традиции диалектологии и практически сводящуюся к тому, что следует работать с поддающимися четкому определению феноменами, которые можно картографировать. Аналитический подход к этим данным в рамках Phon@Europe включает качественные и количественные компоненты. Качественный подход к анализу данных предполагает, что «засвидетельствованность определенной фонемы в определенном ЕДЛ не только отмечается на соответствующей карте, но и интерпретируется, вкупе с другими такими же символами на той же карте, которые отражают тот же феномен, как основание для зоны диффузии» (с. 76). Из этого можно заключить, что основной единицей представления данных в атласе является карта как таковая.

Количественный аспект анализа данных опирается на частотности разных явлений. «Мы подсчитываем средние (averages), усредненные значения (mean values), доли, пропорции и перцентили на основании частотностей типов и токенов, не применяя более сложных статистических методов, подобных тем, что используются в диалектометрии», — сообщают Штольц и Левкович (с. 77), добавляя, что они в первую очередь фиксируют то, сколько гласных и согласных присутствуют в среднем фонологическом инвентаре ЕДЛ, сколько языков превышают средние значения или не доходят до них и где эти языки расположены на карте Европы.

Отдельная короткая глава «Система координат» (Frame of reference) сообщает, что в атласе используется Международный фонетический алфавит, в результате чего в некоторых случаях требуется интерпретация нотации в источниках. В главе «Терминология» затем проясняются некоторые понятия, а глава «Конвенции» уточняет, какие артикуляции считаются главными, а какие дополнительными, и обосновывает отказ авторов инкорпорировать в атлас субфонологическую фонетическую информацию, вопреки рекомендациям Свена Гравундера [Grawunder 2017].

Глава под названием «Европа» описывает лингвогеографическую традицию называть таким образом регион в западной части Евразии, который не имеет политической, культурной, географической, исторической, экономической или какой бы то ни было еще мотивировки. Авторы признают, что используют это определение, чтобы соблюдать преемственность с проектом Eurotyp.

С лингвистической точки зрения удивительнее всего присутствие в этом регионе Северного и Южного Кавказа, однако, как отмечается в следующей главе «Выборка», без кавказских языков в ней насчитывается 163 докулекта, что больше, чем было использовано в любых прежних исследованиях². 59 % выборки составляют индоевропейские

² Хаарман оперировал 64 языками; Дечи — 62; Терн насчитал около 100 ЕДЛ, не уточняя, сколько из них он рассматривал в своем анализе.

языки, 29 % — нахско-дагестанские, 23 % — уральские, 15 % — тюркские. Среди индоевропейских подгрупп доминируют романские (31 документ), славянские (29) и германские (28). В качестве (непредставительного) примера того, как составлялась выборка, рассмотрим кельтскую группу, из которой были взяты 13 ЕДЛ. Из Приложения I, где все ЕДЛ выборки перечислены по алфавиту вместе со ссылкой на источник и перечнем заимствованных фонем, мы узнаем, что в выборке есть четыре бретонских ЕДЛ: собственно бретонский и три диалектных описания. Аналогично ирландский представлен в трех версиях: ирландский, североирландский и южноирландский. Шотландский представлен один раз в целом и один раз диалектом (Applecross), зато валлийский разделен на южный и северный. Также в списке есть (вымерший в конце XVIII в.) корнский и херитажный мэнский. Неразделение языковых и диалектных описаний в целях наращивания выборки декларируется как руководящий принцип на с. 90–91. Включение в выборку мертвых языков, лишенных синхронических фонологических описаний, не оговаривается.

В главе «Источники» Штольц и Левкович описывают, какого типа публикации они использовали и с какими трудностями они столкнулись при их интерпретации. В несколько иной перспективе эти вопросы снова поднимаются в главе «Данные». Раздел «Главы и карты» описывает, каким образом информация распределена и представлена в них. В частности, описывается схема деления Европы на девять субрегионов, которые называются **нонантами** и затем используются для представления статистических данных.

Все вместе описанные выше вводные главы занимают около 100 страниц. Остаток тома — еще около 550 страниц — составляют главы атласа, в том числе две вводные главы о заимствованных фонемах и истории их изучения, 80 карт (все они идут одна за другой в самом конце), предметный, языковой и авторский указатели, список литературы и упомянутое выше приложение со списком включенных в выборку ЕДЛ.

В целом вторая часть, как отмечают Штольц и Левкович, представляет собой один большой экскурс, который, хотя и предвещает будущие выпуски *Phon@Europe*, посвящен одной специфической проблеме — заимствованным фонемам — и в связи с этим имеет уникальное устройство. В частности, он в значительной мере ориентирован на признаки заимствованных звуков, а не их идентичность (напомним, что основной декларируемый принцип всего атласа — использование фонемы как атома анализа) и уделяет большое внимание диахронии.

В главе «Заимствованные фонемы» авторы начинают с того, что новое определение этого термина было предложено в недавних работах Гроссмана с соавторами и Элада Эйзена, создавших базу данных заимствованных фонем SegBo [Eisen 2019; Grossman et al. 2020], но перед тем как рассмотреть его подробно, делают шаг назад и описывают широкими мазками проблемы ареальности, языковых контактов и заимствованных звуков с отсылками к работам Вайнрайха, Томасон, Блевинс и Комри. На основании предшествующих работ авторы предлагают следующую классификацию заимствованных звуков:

- Малоинтегрированные звуки, которые присутствуют в речи билингвальных носителей и недавних заимствованиях.
- Слабоинтегрированные звуки, представленные преимущественно в недавних заимствованиях и речи билингвальных носителей.
- Хорошо интегрированные звуки, которые встречаются только в заимствованиях.
- Полностью интегрированные звуки, которые проникают в исконный лексикон.

Затем, однако, они уточняют, что используют максималистский подход, который предполагает, что звуки любой из этих категорий считаются звуками принимающего языка и что «даже слабейший намек на возможность заимствования» (с. 125) является основанием для включения звука в число заимствованных фонем.

В следующей главе обозреваются два предшествующих проекта, анализирующих заимствованные фонемы в мировом масштабе: работы Иэна Мэддисона — сведения о заимствованных звуках, содержащиеся в UPSID [Maddieson 1984], и отдельную работу [Maddieson

1986] — и проект SegBo в том виде, в каком он представлен в магистерской диссертации Элада Эйзена [Eisen 2019]. Штольц и Левкович соглашаются с высказанной во всех этих работах точкой зрения, что заимствование фонем часто принимает форму «закрывания пробелов» в звуковых системах, но указывают, что некоторые из обобщений Эйзена, сделанные на основании мировой выборки из 500 с лишним языков, не подтверждаются европейскими данными³.

Следующая глава, «Заимствованные фонемы в Phon@Europe», представляет собой основное содержание тома. В рамках рецензии невозможно рассмотреть ее последовательно, поэтому мы ограничимся основными разделами.

Первая часть главы обзревает языки с большим и малым количеством заимствованных фонем, а затем приводит статистику заимствования гласных и согласных с разными базовыми свойствами (такими как высота и огубленность для гласных и место и способ образования для согласных). Вторая часть главы приводит аналогичную статистику для отдельных сравнительно часто заимствуемых гласных и согласных фонем и для звуков обоих классов, которые заимствуются в единичных случаях.

Третья часть главы прослеживает, в какой мере фонологические заимствования определяются генетическими и географическими признаками и какие звуки образуют устойчивые заимствованные пары или более крупные группы, на основании чего предлагаются имплицитивные иерархии. Так, пять ЕДЛ, заимствовавшие /ɲ/, являются подмножеством более крупной группы ЕДЛ, которые заимствовали /k/.

Эти три главы включают десятки отдельных наблюдений, сопровождаемых графиками и таблицами (таблиц в атласе в целом больше, чем иллюстраций: 223 и 216 соответственно), что не позволяет сопроводить их полноценным выводом, помимо наблюдения, что и география, операционализованная как распределение языков по нонантам, и филогенетические факторы очевидно коррелируют с паттернами распространения заимствованных фонем, однако эти корреляции устроены сложным образом, а достаточно случайное априорное разделение языков по нонантам вносит дополнительный шум в анализ.

В завершающей главе тома, «Конвергенция (и дивергенция) в Европе — вклад заимствованных фонем», Штольц и Левкович задаются вопросом, в какой мере заимствованные фонемы внесли свой вклад в образ «фонологического монолита», сформированный в работах Хаармана, Дечи и Терна, и какова была роль крупных языков-доноров в этом процессе. Они отмечают, что (1) фонологические заимствования могут вести как к конвергенции — между соседними языками, — так и к дивергенции — между не-соседними языками из одной семьи или группы — и что (2) конвергенция предположительно оказала в Европе более сильное влияние. Общемировые языки-доноры при этом, такие как английский, арабский и французский, в Европе уступают русскому, турецкому и немецкому, однако арабский остается заметным донором, и их совместный с турецким вклад заставляет авторов усомниться в гипотезе Хайне и Кутевой о постепенной индоевропеизации Европы [Heine, Kuteva 2006: 289]. Глава завершается обзором фонем, которые никогда не заимствуются, и языков, которые не заимствовали ни одной фонемы, после чего следует «Заключение», подводющее общие итоги и выражающее надежду, что работа, проделанная авторами в отношении европейских языков, будет продолжена применительно к другим регионам мира, что позволит «наконец решить, насколько экзотической или прозаической является Европа в аспекте заимствованных фонем — и в других отношениях» (с. 532).

Переходя к оценке тома, мы должны в первую очередь отметить, что Штольц и Левкович сделали все, чтобы сделать оценку если не невозможной, то не слишком осмысленной. Заявленные ими цели проекта предполагают, что каковы бы ни были его результаты,

³ В более позднем разделе, однако, сообщается, что ключевой тезис концепции Эйзена — что чаще всего заимствуются звуки, представленные где-то в половине языков выборки, тогда как очень редкие и очень частотные фонемы заимствуются редко, — согласуется с предложенным анализом, ср. с. 509.

он заведомо может считаться успешным, поскольку будет служить точкой опоры для будущих исследований. В частности, предложенная ими «альтернативная гипотеза», с одной стороны, настолько слаба, что не может не подтвердиться (лишь с большим трудом можно себе представить, что распределение фонологических черт в Европе, как ее ни определяй, будет абсолютно случайным), а с другой — и не обязана подтверждаться, поскольку атлас все равно будет «ценным ресурсом общей информации».

Переходя к методологии, мы вынуждены заключить, что авторы раз за разом шли по пути наименьшего сопротивления: опираясь на традиционное понятие фонемы — поскольку оно используется почти во всех доступных описаниях; отказываясь от более глубокого фонологического анализа; опираясь на МФА как на единую систему описания; не включая в рассмотрение никаких явлений, кроме собственно фонем; ограничивая анализ частотностями и простейшими статистическими анализами на их основе; определяя Европу так же, как ее определяли предыдущие авторы; включая в выборку идиомы любого уровня (от диалекта небольшого города до национального языка); отказываясь, вслед за Лайлом Кэмпбелом, от понятия «языковой союз» и заменяя его на технически аналогичную, но менее нагруженную «зону распространения признаков»; считая фонему на любой стадии заимствования полноценной фонемой языка-реципиента и соглашаясь считать «малейший намек» основанием для признания фонемы заимствованной — список можно продолжать. Каждое из этих решений по отдельности не является чем-то предвзвешенным: любой масштабный лингвистический проект нуждается в многочисленных упрощениях и компромиссах, чтобы сделать исследовательскую задачу решаемой. Такая их концентрация, однако, заставляет подозревать, что за ней стоит стремление сделать выборку больше любой ценой, а анализ сделать как можно менее трудозатратным и поскорее представить научной общественности объемный фундаментальный труд.

Это подозрение подтверждается тем, что почти любое количественное утверждение сопровождается в тексте цветной круговой диаграммой (они составляют львиную долю среди 216 иллюстраций), которые подчас абсурдно избыточны. Так, в разделе про выборку одни и те же данные о представленности в ней разных семей сначала даются как диаграмма со столбцами для количества языков из той или иной семьи (с. 93), а потом круговой диаграммой с долями разных семей в выборке (с. 94). Эти диаграммы можно было бы тривиально совместить в одну, дав столбцам более длинную подпись. При том что круговые диаграммы знамениты своей непрозрачностью, их все можно было бы заменить без ущерба для информативности сносками с числами или меньшими по размеру черно-белыми диаграммами со столбцами — это уменьшило бы размер книги и сделало бы ее существенно дешевле.

Что считать в атласе собственно информационным содержанием, является непростым вопросом. Сами по себе первичные данные о заимствованных фонемах представлены на с. 577–586 в Приложении I. В отличие от проекта SegVo, в первую очередь представляющего собой таблицу с данными, которые все могут скачать с онлайн-репозитория⁴, база данных, на которую опирается Phon@Europe, недоступна: ни в книге, ни в интернете не опубликовано полных фонологических инвентарей разных ЕДЛ, при том что не все из них есть в EURPhon или PHOIBLE. Сочетание данных и географических мета-данных дает возможность любому человеку, который умеет программировать, самому нарисовать карты из Приложения II, используя те же самые бесплатные программы, которыми воспользовались авторы, — это поднимает вопрос о том, почему атлас должен в первую очередь существовать в виде книги, а не бесплатного общедоступного информационного ресурса.

Однако основной объем тома, разумеется, занимает не раздел атласа как таковой, а «кейс-стади» — анализ (разные виды перечисления и описания) распределения заимствованных фонем в европейских документах. В результате представленная читателю

⁴ См. <https://zenodo.org/record/3832072>.

книга является на четверть нерешительным методологическим манифестом, на одну десятую собранием данных и на шестьдесят с лишним процентов монографией. Монография эта, к сожалению, лишена исследовательской цели и внятной методологии и состоит почти полностью из перечисления наблюдений над данными, которые не складываются ни в какую общую картину просто потому, что их слишком много, и на которые будущие исследователи фонологических заимствований смогли бы быстрее и проще получить ответ, сделав нехитрый запрос к соответствующей базе данных — если бы она была доступна. Полемизируя с работами, созданными во второй половине XX — начале XXI в., и декларируя опору на новейшие методологические тенденции, Штольц и Левкович по факту предлагают читателю книгу, которая — со скидкой на наличие опубликованных первичных материалов — могла выйти в свет в 1902 г., когда начал выходить классический *Atlas linguistique de la France*.

Все сказанное выше, разумеется, не должно отвлекать читателя от того факта, что в книге действительно содержится огромное количество фактов и наблюдений, которые, со скидкой на особенности составления выборки и интерпретации материала, могут оказаться незаменимым подспорьем для исследователей фонологических инвентарей языков Европы. Будущие тома серии Phon@Europe обещают еще больше ценной информации такого рода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Décasy 2000 — Décasy G. *The linguistic identity of Europe. Part 1: The 62 languages of Europe classified in functional zones*. Bloomington: Eurolingua, 2000.
- Dryer, Haspelmath 2013 — Dryer M., Haspelmath M. (eds.). *The world atlas of language structures online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. <http://wals.info>.
- Eisen 2019 — Eisen E. *The typology of phonological segment borrowing*. MA thesis. Jerusalem: The Hebrew Univ. of Jerusalem, 2019.
- Grawunder 2017 — Grawunder S. The Caucasus. *The Cambridge handbook of areal linguistics*. Hickey R. (ed.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2017, 356–395.
- Grossman et al. 2020 — Grossman E., Eisen E., Nikolaev D., Moran S. SegBo: A database of borrowed sounds in the world's languages. *Proc. of the 12th International Conf. on Language Resources and Evaluation (LREC 2020)*. Calzolari N., Béchet F., Blache P., Choukri K., Cieri C., Declerck T., Goggi S., Isahara H., Maegaard B., Mariani J., Mazo H., Moreno A., Odijk J., Piperidis S. (eds.). Paris: European Language Resources Association, 2020, 5316–5322.
- Haarmann 1976 — Haarmann H. *Aspekte der Arealtypologie: Die Problematik der europäischen Sprachbünde*. Tübingen: Narr, 1976.
- Heine, Kuteva 2006 — Heine B., Kuteva T. *The changing languages of Europe*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2006.
- Koptjevskaja-Tamm 2011 — Koptjevskaja-Tamm M. Linguistic typology and language contact. *The Oxford handbook of linguistic typology*. Song J. J. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2011, 568–590.
- Levkovich et al. 2019 — Levkovich N., Mazzitelli L. F., Stolz T. Slavic vis-à-vis Standard Average European: An areal-typological profiling on the morphosyntactic and phonological levels. *Slavic on the language map of Europe: Historical and areal-typological dimensions*. Danylenko A., Nomachi M. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2019, 187–224.
- Maddieson 1984 — Maddieson I. *Patterns of sounds*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1984.
- Maddieson 1986 — Maddieson I. Borrowed sounds. *The Fergusonian impact. In honor of Charles A. Ferguson on occasion of his 65th birthday*. Vol. 1: *From phonology to society*. Fishman J. A. (ed.). Berlin: De Gruyter, 1986, 1–16.
- Stolz 2006 — Stolz T. Europe as a linguistic area. *Encyclopedia of language and linguistics*. Vol. IV. Brown K. (ed.). Amsterdam: Elsevier, 2006, 278–295.
- Stolz 2007 — Stolz T. Being monosyllabic in Europe. An areal-typological project *in statu nascendi*. *Linguistics festival*. Andreas A. (ed.). Bochum: Brockmeyer, 2007, 97–134.
- Stolz 2010 — Stolz T. Phonologie und areal Europa. *Handbuch der Eurolinguistik*. Hinrichs U. (ed.). Wiesbaden: Harrassowitz, 2010, 597–622.

- Stolz, Levkovich 2018 — Stolz T., Levkovich N. Convergence and Divergence in the Phonology of the Languages of Europe. *The Cambridge handbook of areal linguistics*. Hickey R. (ed.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2018, 122–160.
- Stolz et al. 2010 — Stolz T., Urdze A., Otsuka H. Europäische Liquiden: rhotische und laterale Phoneme — sprachgeographisch betrachtet. *Von Katastrophen, Zeichen und vom Ursprung der menschlichen Sprache: Würdigung eines vielseitigen Linguisten, Wolfgang Wildgen zur Emeritierung*. Stroh C. (ed.). Bochum: Brockmeyer, 2010, 93–114.
- Stolz et al. 2011 — Stolz T., Urdze A., Otsuka H. The sounds of Europe. *Lingua Posnaniensis*, 2011, 53(1): 87–108.
- Stolz et al. 2012 — Stolz T., Urdze A., Otsuka H. Seltene Klänge: Zu den Marginalien der arealen Phonologie Europas. *Neues aus der Bremer Linguistikwerkstatt: Aktuelle Themen und Projekte*. Stroh C. (ed.). Bochum: Brockmeyer, 2012, 1–22.
- Ternes 1998 — Ternes E. Lauttypologie der Sprachen Europas. *Sprache in Raum und Zeit: Beiträge zur empirischen Sprachwissenschaft*. Boeder W., Schroeder C., Wagner K-H., Wildgen W. (eds.). Tübingen: Narr, 1998, 139–152.
- Ternes 2010 — Ternes E. Phonetische Eigenschaften der Sprachen Europas. *Handbuch der Eurolinguistik*. Hinrichs U. (ed.). Wiesbaden: Harrassowitz, 2010, 577–595.

Получено / received 05.06.2022

Принято / accepted 27.09.2022

[Рец. на: / Review of:] **H. Bromhead, Zh. Ye (eds.). *Meaning, life and culture: In conversation with Anna Wierzbicka***. Canberra: Australian National University, 2020. xviii + 515 p. ISBN 9781760463922.

Вадим Алексеевич Белов

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия; Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия; belov.vadim.a@gmail.com

Vadim A. Belov

Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia; Cherepovets State University, Cherepovets, Russia; belov.vadim.a@gmail.com

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.6.139-151

Коллективная монография посвящена научному наследию одного из самых влиятельных и гениальных¹ лингвистов современности Анны Вежицкой, которая разработала оригинальный подход к лингвистическому значению, описанию языка и культуры.

В своих работах А. Вежицкая последовательно подчеркивала, что значение является важнейшей исследовательской проблемой лингвистики: язык для нее прежде всего инструмент передачи значения [Вежицкая 2011: 19]². Она противопоставляет свой подход «формальному» направлению школ Л. Блумфида и Н. Хомского, поэтому центральная тема ее работ — семантика языка, понимаемая ею широко: семантические исследования поднимают глубокие антропологические, культурологические и психологические проблемы.

В рецензируемом сборнике обсуждаются различные аспекты наследия Вежицкой. В качестве материала выступают данные различных языков мира, но наибольшее внимание уделено языкам коренного населения Австралии. Авторы сборника — прежде всего ученики и коллеги Вежицкой, разделяющие ее научные взгляды и продолжающие ее исследования. Вместе с тем издание включает работы, полемизирующие с Вежицкой (например, глава Кита Аллана).

Первой и ключевой темой рецензируемого сборника является разработанный под руководством А. Вежицкой естественный сематический язык (ЕСЯ), предназначенный для описания значения слов, грамматических значений и синтаксических конструкций любого языка, он обладает свойствами универсальности и врожденности (связанной с общей «частью генетического наследия человека») [Вежицкая 2011: 19]. Толкование с помощью ЕСЯ лексем в различных языках проводится в большинстве разделов книги (например, в работах Клиффа Годдарда, Карстена Левизена, Чжэндао Е, Джока Онн Вонга, Анны Гладковой и других).

Второй важной темой рецензируемого сборника является этноцентризм при описании языка. Методика толкования ЕСЯ предполагает погружение в лингвокультуру, то есть внимание к национальным и культурным особенностям, которые проявляются на лексическом и грамматическом уровнях. Подобная установка реализуется во всех работах сборника.

Согласно точке зрения А. Вежицкой, родной язык оказывает влияние на концептуальный взгляд человека на жизнь, а семантика зависит от человеческих представлений о мире. Для обсуждения взаимодействия языка и культуры она вводит понятие ключевых слов культуры — лингвоспецифичных слов, отражающих образ жизни и мышления общества и имеющих большое значение для понимания культуры. Анализу ключевых слов культуры посвящены работы Берта Петерса, Хелен Бромхед и Алексея Шмелева.

Работы А. Вежицкой в России получили широкое признание, что обусловлено, во-первых, проницательными исследованиями русского языка и культуры, во-вторых, крепкими

¹ Гениальной А. Вежицкую называет Е. В. Падучева во вступительной статье книги [Вежицкая 1996].

² По возможности ссылки даны на русскоязычные издания.

научными и дружескими связями с отечественными лингвистами, в-третьих, любовью самой Вежбицкой к русскому языку и культуре. Основные биографические сведения об ученом представлены в заключительном разделе книги, подготовленном Кевином Уиндлом и дочерью А. Вежбицкой Мэри Бесемерс.

Первая глава, написанная постоянным соавтором Вежбицкой **Клиффом Годдардом** (Cliff Goddard), посвящена описанию с помощью ЕСЯ многозначного английского глагола *climb* 'взбираться', который ранее неоднократно привлекал внимание ученых (А. Вежбицкой, Ч. Филлмора, Р. Джакендоффа и др.). Автор опирается на следующие идеи Вежбицкой: во-первых, полисемия является неотъемлемым свойством языка, проявляющимся в повседневном общении; во-вторых, невозможно четко разграничить лексическое и грамматическое значения слова, в-третьих, толкование значения слов и синтаксических конструкций осуществляется на ЕСЯ. ЕСЯ, состоящий из простых, интуитивно ясных и неразложимых понятий, свойственен всем языкам. К настоящему времени Вежбицкая и ее последователи проанализировали большое количество разноструктурных языков и выделили для них ЕСЯ. Как отмечает автор, подобные эмпирические исследования подтверждают релевантность ЕСЯ.

Разные типы слов описываются определенными семантическими шаблонами. Так, кроме частей речи, в концепции Вежбицкой и ее коллег выделяются естественные и искусственные понятия, глаголы физического действия, понятия животного мира и т. д. Каждый тип слов требует особого семантического описания.

Общая схема толкования на ЕСЯ на современном этапе включает следующие компоненты: (1) лексико-синтаксический фрейм, определяющий значение лексемы в виде описания отношений, действий участников ситуации и представляющий основные грамматические характеристики (например, временные, пространственные); (2) прототипический сценарий, часто реализуемый с помощью фразы «Когда кто-то часто делает это, это выглядит так...» и описывающий интенцию и внутреннее состояние главного участника ситуации; (3) потенциальный результат, дающий характеристику ожидаемого действия после реализации этой ситуации или действия. Представленная схема может дополняться другими компонентами. Например, для глаголов физических действий третий блок содержит также информацию о способе действия, инструменте и наличии физического контакта. Для семантического описания этих глаголов наиболее важным является лексико-синтаксический фрейм в структуре описания значения.

Сами толкования содержат не только семантические примитивы, но и семантические молекулы, обозначаемые символом [m], и деривационные основы [d]. Семантическая молекула понимается как сложное значение или комплекс семантических компонентов, которые повторяются в толковании многих понятий (например, молекулой является понятие *животное*, используемое при толковании слов *кошка*, *собака*). Деривационная основа подразумевает наличие деривационных отношений, они характерны для примеров *ill* 'больной' — *illness* 'болезнь', *knife* 'нож' — *knife* 'резать ножом'.

Пример лексемы *climb* 'взбираться' демонстрирует взаимосвязь не только лексического и грамматического значений, но и фразеологических и синтаксических особенностей употребления слова; благодаря их взаимодействию создаются новые значения лексемы. Базовые значения в процессе употребления расширяются за счет включения в различные конструктивные фреймы. Например, фраза *climb down a tree* 'спускаться с дерева' предполагает обратный процесс, а при сочетании с такими субъектами, как *улитка*, *змея*, действие не предполагает карабкающегося действия и не допускает спуска с какого-либо объекта. Этот глагол пластичен: в зависимости от контекста и ситуации он изменяется.

Современная версия ЕСЯ, с одной стороны, использует в своей программе достижения современной семантики, которые разрабатываются представителями разных направлений лингвистики; с другой стороны, допускает применение не только примитивов, но и более сложных единиц. Отметим, что наиболее спорным пунктом в программе Вежбицкой было обязательное использование примитивов при толковании. Это требование может противоречить принципу антропоцентричности, в соответствии с которым толкования, выполненные на ЕСЯ,

должны быть понятными носителю языка. В экспериментальных работах показывается, что носителям языка оказываются непонятны толкования с примитивами. Так, результаты исследования [Касевич 2013: 93–34] продемонстрировали, что испытуемые понимают толкования на метаязыке значительно хуже, чем фоновые толкования из словаря С. И. Ожегова.

Изучение семантики глаголов в сравнительном аспекте проводится в главе **Феликса Амеки и Деборы Хилл** (Felix K. Ameke, Deborah Hill). Объектом исследования становятся глаголы открытия. В типологической перспективе глаголы открытия относятся к глаголам разделения, которые также включают процессы разборки на части и очистки (peeling). Многие языки дополнительно кодируют процесс открывания несколькими глаголами. Для А. Вежбицкой характерен интерес к семантике австронезийских языков, которые отличаются от хорошо изученных европейских языков.

В этой статье подробно сравниваются два языка — эве (относящийся к языковой семье ква и распространенный в Гане и Того) и австронезийский язык лонггу из Океании. Глаголы открытия в этих языках различаются. В лонггу насчитывается десять глаголов открытия, в то время как в эве представлено только три. Увеличение количества глаголов в первом языке происходит за счет того, что процессы открывания разных объектов требуют отдельных глаголов, то есть они кодируются лексически. Например, для лонггу свойственны уникальные глаголы *suvulia* ‘открыть «глазок» кокоса с помощью какого-то инструмента’ и *tuaa* ‘открыть стенку бамбука, проделав отверстие ножом’.

Напротив, для эве характерно расширение значения и полисемичность этих глаголов: так, глагол открытия *klé* может описывать открытие и очистку предмета, второй глагол *ke* предполагает открытие и разрушение предмета. В эве глаголы открытия могут сочетаться с разными объектами: например, третий глагол *vi* употребляется вместе с объектами, которые воспринимаются как целые (например, коробка, части которой неотделимы) и как разделяемые на части (бутылка с отделяемой крышкой).

Исследование акцентирует внимание на том, как происходят семантические изменения в диахроническом аспекте, что в итоге приводит к формированию различий в глаголах открытия. Для их описания со ссылками на работу [Levinson 2000] выделяют три уровня семантики. Первый уровень представляет стабильное, контекстно-независимое значение знака (слова, синтаксической конструкции, невербального знака). На втором уровне буквальная информация, полученная на первом уровне, взаимодействует с различными прагматическими и семантическими аспектами, связанными со знаниями о мире, культуре. Третий уровень предполагает, с одной стороны, обогащение значения знака благодаря контексту, а с другой стороны, отбор актуальных для конкретного высказывания смыслов. При этом изменение значения происходит благодаря тому, что контекстуальные интерпретации третьего уровня могут стать стабильными и характерными для первого уровня семантики. Несмотря на определенную схожесть на первом уровне глаголов открытия, в обоих языках наблюдаются различия в восприятии открывания и смежных процессов, что проявляется на втором и третьем уровнях семантики.

Таким образом, в представленной работе соединяется подход школы Вежбицкой с достижениями современной функциональной лингвистики, где особая роль в семантической диверсии отводится контексту (см., например, работу [Evans 2006]).

Лексема *gezellig* как ключевому слову датской культуры посвящен раздел **Берга Петерса** (Bert Peeters). Ключевые слова культуры (cultural keywords) занимают важное место в работах А. Вежбицкой, являясь основной характеристикой ЕСЯ. Ключевыми словами культуры, существующими во всех языках, становятся значимые единицы, богатые культурными смыслами, трудно переводимые на другой язык и представляющие определенные способы мышления, чувствования, говорения и пр. Изучение ключевых слов культуры должно проводиться с опорой на ЕСЯ и семантические универсалии.

Лексема *gezellig* непереводима: в других языках не существует полноценного эквивалента, охватывающего все случаи употребления данного слова. Так, значение слова описывается как ‘всё, что называется уютным, дружелюбным, комфортным, расслабляющим,

приятным и общительным'. Лексема, как показывает автор, применима для всех мест, где присутствуют люди: она используется по отношению к местам, где люди чувствуют себя хорошо. Этимологически *gezellig* восходит к многозначному слову *gezel*, означавшему членство в группе или команде; сейчас это слово переводится как 'товарищ, приятель'.

На ЕСЯ толкование «пространственного» значения лексемы выглядит следующим образом: (а) место; (б) люди чувствуют что-то хорошее, когда думают об этом месте; (в) они хотят быть в этом месте; (г) когда люди находятся в этом месте, они чувствуют что-то хорошее; (д) в этом месте с людьми не может случиться ничего плохого. Расширение «пространственного» значения приводит к тому, что нередко встречаются примеры употребления этого слова для характеристики действий, времени, событий и живых существ. Таким образом, ключевое слово *gezellig* универсально, так как употребляется для характеристики разных предметов и ситуаций.

Приложением к статье становится список ЕСЯ, с помощью которого можно толковать значения слов и синтаксических конструкций датского языка.

В целом понятие ключевых слов культуры субъективно: основным их свойством считается непереводаемость, однако перевод подобных единиц может зависеть от стратегии переводчика³, поэтому этот критерий ненадежен. К тому же точный перевод достаточно широкого класса слов невозможен, для этого нужен анализ тонких семантических различий. Важно в дальнейшем уточнять свойства ключевых слов. При этом методика ЕСЯ позволяет детально описать семантику ключевых слов.

Толкование семантики датского адресного местоимения *De*, которое проведено в главе Карстена Левизена (Carsten Levinsen), также требует погружения в лингвокультуру, хотя анализируемая единица не относится к ключевым словам культуры. Автор отмечает, что заслугой А. Вежбицкой является возрождение интереса к адресной семантике. По ее мнению, адресные слова и приемы, являющиеся важной частью лингвокультуры, моделируют разные типы личностных отношений (семейных, дружеских и пр.). К. Левизен, развивая идеи Вежбицкой, предлагает отказаться от традиционной системы T-V (*ты — Вы*), которая нивелирует разнообразие языков, и использовать ЕСЯ для описания адресной семантики.

В европейской адресной семантике выделяются две главные традиции, связанные с обращением, — английская и континентальная. В первой традиции не существует разграничения *ты* и *Вы*, поэтому местоимение *you* является, по словам Вежбицкой, «великим социальным уравнивателем» (great social equaliser) [Wierzbicka 2003a: 47]. Во второй традиции, свойственной немецкому, французскому, итальянскому, русскому языкам, обязательны вежливые слова-местоимения (*Sie, vous, Lei, Вы*). В датском языке существует местоимение *de*, которое обладает схожим с английским словом *you* значением. Однако наряду с ним также есть вариант *De*, который мало используется в современной датской речи. Говорящие хорошо знают это местоимение и соотносят его с королевской семьей — с важной частью датской культуры и истории. Автор соотносит особенности употребления местоимения *De* с «королевским регистром» [Storch 2011: 23–26], известным из африканского языкознания явлением: носитель языка чувствует себя обязанным использовать определенные языковые средства при общении с членами королевской семьи.

Ситуация общения с членами королевской семьи является прототипической для местоимения *De*, однако такая коммуникация в современной Дании невозможна. Сегодня местоимение иногда употребляется в консервативных кругах или используется в иронических и саркастических целях.

Таким образом, датская лингвокультура имеет собственную, отличную от немецкой и английской культуры логику, что, в частности, проявляется в употреблении датского местоимения *De*. С формальной точки зрения система личных местоимений *de — De* сближается с континентальной традицией, однако с семантической точки зрения употребление этих слов близко английскому местоимению *you*, которое нейтрализует различия. Значимым оказывается то, что систему местоимений в датском языке невозможно описать только

³ См. ниже обсуждение проблемы перевода лингвоспецифических слов в работе А. Д. Шмелева.

с опорой на их формальные свойства, а необходим дискурсивно-прагматический подход, учитывающий употребление единиц в определенной лингвокультурной среде.

Важной заслугой А. Вежбицкой можно считать то, что она одна из первых обратила внимание на уникальность сингапурского варианта английского языка (Singlish). Синглиш является одним из языков этой многонациональной страны и выполняет функции лингва франки для разных этнических групп [Wierzbicka 2003b]. Несмотря на то что на английском языке в разной степени говорят около шести миллионов сингапурцев, для большинства из них этот язык не является родным, поэтому английский язык подвергается значительному влиянию других языков, распространенных в Сингапуре.

В представленной в сборнике статье **Джюка Онн Вонга** (Jock Onn Wong) приведен анализ междометия *bojio*. Оно вошло в синглиш пять-семь лет назад и активно используется молодыми людьми. В концепции А. Вежбицкой междометия занимают особое место: это одно из характерных проявлений культуры, связанное с выражением намерения, чувств и установки говорящего [Wierzbicka 2003a; Goddard 2011]. Слово *bojio* заимствовано из языка хоккиен (южноминьский язык, на котором говорят на юго-востоке Китая, в Тайване и Гонконге) и переводится как 'не приглашать'.

Как восклицание слово *bojio* употребляется в ситуации, когда хочется упрекнуть собеседника, что тот не пригласил говорящего на мероприятие, в котором говорящий желает принять участие. В употреблении слова прослеживается интенция заставить собеседника чувствовать себя неловко.

Сингапурцы воспринимают свою страну как общество с жесткой конкуренцией, где нельзя упускать возможности, поэтому они употребляют междометие *bojio* в болезненных и неприятных для себя ситуациях. Вежбицкая, которая занималась изучением поведения людей в этой стране, отмечает, что для их культуры характерно стирание личных границ и повышенная эмоциональность, что проявляется в активном употреблении междометий, функциональных частиц, повышенной громкости речи и частых прикосновениях друг к другу [Wierzbicka 2003b]. В сопоставлении с английской культурой, для которой ценны личная автономия и уважение интересов другого человека [Wierzbicka 2003a], употребление местоимения *bojio* было бы ограничено, так как для информантов, говорящих на британском английском языке, подобная ситуация, где используется местоимение, оказывалась бы унижительной. Семантическое описание лексем, выполненное с опорой на анализ лингвокультурных особенностей, является важной частью подхода Вежбицкой. Толкование лексем в соответствии с ЕСЯ требует глубокого погружения в культуру, обращения к речевой практике носителей языка, а также учета социальных, экономических и географических факторов. В следующих главах, посвященных анализу австралийского варианта английского языка, Хелен Бромхед и Чжэндао Е наглядно реализуют эти принципы.

По мнению **Хелен Бромхед** (Helen Bromhead), важной для австралийского варианта языка оказывается концептуализация экстремальных погодных и природных феноменов. В ее работе анализируется лексема *bushfire* 'лесной пожар' как ключевое слово австралийской лингвокультуры. В понимании А. Вежбицкой и ее учеников ключевые слова управляют общим когнитивным мировоззрением носителей языка и задают логику, определяющую интерпретацию мира [Вежбицкая 2001; Levisen, Waters 2017]. Концепт *bushfire*, которому посвящено большое количество текстов в Австралии, представляет определенный сценарий (script) действий, связанных с лесными пожарами. Это слово используется только в австралийском варианте, в то время как в британском английском распространена лексема *wildfire*.

Для анализа значения слова используется коллокационный анализ, выполненный на основе корпусов и других источников. Как ключевое слово лексема *bushfire* связана с определенными сценариями действий людей. Здесь можно также выделить несколько важных моментов, которые находят отражение на лексическом уровне. Значение этой лексемы концептуализируется как разрушительное событие. Она часто сочетается со словами *horror* 'ужас', *catastrophe* 'катастрофа', *danger* 'опасность', *victim* 'жертва', *destruction* 'разрушения'. Слово *bushfire* предполагает неконтролируемый огонь, что противопоставляет его

сочетаниям с лексемой *burn*, которая описывает контролируемые возгорания. По мнению А. Вежбицкой [2001], для австралийской культуры, носители которой часто сталкиваются со стихийными бедствиями, важными ценностями являются партнерство и взаимопомощь, так как борьба с пожарами требует коллективных действий, взаимопомощи и поддержки пострадавших. В целом при описании лесных пожаров часто используется военная метафора, то есть сравнения действий при пожаре с военными событиями.

Австралийскому варианту английского языка посвящена также глава **Чжэндао Е** (Zhengdao Ye), где анализируется семантика слова *мигрант* (*migrant*). В Австралии одна из самых высоких в мире доля мигрантов: 29 % населения страны родилось за границей.

Теоретической базой этого исследования являются положения А. Вежбицкой об именах существительных, для которых главным оказывается свойство категоризации, то есть присвоение людям и предметам определенных ярлыков и отнесение их к категории, типу. Вторым свойством существительных, которое оказывается важнейшим для имен прилагательных, является дескрипция (представление характеристик предмета) [Вежбицкая 2011]. Другим ключевым положением Вежбицкой является отказ от традиционного подхода в семантике, предполагающего выделение признаков (распространенным примером такого толкования может служить сведение слова *мужчина* к признакам *человек, мужской пол, взрослый*). Существительные представляют понятия, которые не могут быть сведены к набору признаков, а обозначают категории, которые можно идентифицировать с помощью определенного образа, стереотипа [Там же].

Для разработки обобщенного толкования слова *мигрант* по методике ЕСЯ использованы данные корпуса. Подобное развернутое толкование включает не только лингвистическую, но и экстралингвистическую информацию, касающуюся категоризации, атрибутов, социального отношения к мигрантам и пр. Так, мигрантами называются люди, которые родились за пределами Австралии, но которые приехали в страну для «лучшей жизни», которые получили от правительства разрешение и сейчас живут в стране.

В целом слово *мигрант* обладает положительными коннотациями, что связано с историей страны, открытой для иностранцев. Напротив, слово *иммигрант* (*immigrant*) обладает негативным смыслом, так как большая часть сочетаний с этим словом связано с определением *нелегальный*. Например, в новостном корпусе Oznews, который был использован для сбора материала, не отмечается сочетаний лексики *иммигрант* с положительно окрашенными глаголами (*помогать*) и существительными (*общество*).

Важным в подходе Вежбицкой прежде всего представляется принципиальный отказ от признаковой семантики и описание значения лексики — имени существительного с опорой на когнитивные свойства категоризации и дескрипции. Когнитивный подход школы Вежбицкой сочетается с тщательным и многоаспектным толкованием значения и анализом лингвокультурной среды. Безусловно, представленная методика может быть продуктивна в семантических исследованиях при условии ее детализации.

Анализ визуально-эстетической семантики русских глаголов *налюбоваться* и *любоваться* проводится на основе корпусных данных в статье **Анны Гладковой**. Лексема *налюбоваться* относится к структурному типу глаголов со значением ‘сделать что-то до полной степени удовлетворения’ (также к этому типу относятся слова *напиться, послушаться, нагуляться*). Слово предполагает полностью завершенное действие, приносящее абсолютное (complete) удовлетворение субъекту. В работе особое внимание уделяется визуально-эстетическому значению этого многозначного слова, которое предполагает детальное рассматривание и восхищение природой, ландшафтом, людьми и другими объектами, которые представляют ценность для наблюдателя. Такое значение предполагает удовольствие от визуального действия, представляющего собой длительный, повторяющийся процесс. Глаголы *налюбоваться* и *любоваться* занимают важное место в системе ценностей русского человека, так как они предполагают нетипичные для русской картины мира положительные переживания, связанные с удовольствием и положительной оценкой предмета [Шмелев 2005]. Анализируемые слова часто используются

по отношению к близким и родным людям, на которых субъект хочет смотреть в течение длительного времени.

В главе анализируются способы перевода этих слов на английский язык: точный перевод невозможен из-за детальной чувственной дифференциации в русском языке. В целом эстетическое восхищение является важной чертой отечественной культурной традиции. В русской картине мира эстетическое удовольствие прежде всего ассоциируется со зрительным и слуховым восприятием, в то время как в английском языке оно распространяется на все типы восприятия.

Христианское влияние на итальянский язык обсуждается в работе **Джана Марко Фарезе** (Gian Marco Farese). По мнению А. Вежбицкой, язык в целом выражает христианские представления и их изучение возможно с помощью ключевых слов [Wierzbicka 2019]. Хотя анализируемая в статье лексема не относится к ключевому слову культуры, ее анализ позволяет выявить религиозные смыслы, актуальные для носителей языка. Итальянский язык богат словами и выражениями, связанными с христианскими ценностями, которые могут как употребляться в христианском значении, так и использоваться идиоматично, без христианского смысла. Ярким примером такой двупланности является итальянское слово *carità*, которое переводится как 'милосердие, акты любви' и подробно анализируется в этом разделе. Христианское и идиоматическое значения дифференцируются в контексте: на основе корпуса современных письменных текстов в работе представлено описание обоих значений слова.

Существительное *carità* обозначает выражение добрых чувств к кому-либо. В христианской традиции лексема означает особую любовь Бога к людям, которая объединяет Бога и людей. Слово *carità* выражает чувства с помощью действия; ситуацию, характерную для этого слова, можно представить следующим образом: 'делать что-то хорошее для тех, кто страдает и нуждается в помощи'. Подобно другим словам, связанным с христианскими ценностями, лексема *carità* не только выражает определенный образ мыслей, но и задает определенные этические и моральные правила отношений с другими людьми.

Идиоматическое значение проявляется в многозначном сочетании с предлогом *per carità* (буквально 'для милосердия'), имеющем значение интенции говорящего и раскрывающем его намерения. Контексты, в которых употребляется это сочетание, разнообразны. Автор выделяет шесть значений этого сочетания, реализация которых определяется контекстом. Нумерация толкований зависит от степени отдаленности от христианского значения слова *carità*; такой порядок отражает диахроническую перспективу. Так, при реализации первого идиоматического значения 'субъект сделал что-то хорошее другому нуждающемуся человеку из-за того, что субъект хорошо относится к нему'. В других значениях постепенно усиливается компонент, связанный с нежеланием субъекта что-то делать для другого человека или говорить что-то. Процесс развития метафорических значений характерен для многих слов христианского дискурса.

Параллельное сосуществование двух типов значений слова *carità* подчеркивает напряженное противостояние религиозного и атеистического мировоззрения в современном итальянском обществе. В теоретическом плане важным оказывается подход к контекстуальному описанию семантики слова с детальным выделением разных значений лексемы. Однако такой подход реализует общие установки когнитивного и функционального направлений в лингвистике.

Проблеме заимствований в наваррском варианте испанского языка посвящена статья **Моники Аснарес-Маулеон** (Mónica Aznárez-Mauleón). В автономной испанской области Наварра проживает более 600 тысяч человек, которые говорят на баскском и испанском языках.

Существование заимствований объясняется необходимостью обозначать объекты, обычаи и социальные явления, наименования которых отсутствуют в родном языке. В разделе анализируются заимствования, существующие в разновидностях одного языка, но не зафиксированные в литературном испанском. В качестве материала используется несколько лексикографических источников (в том числе корпус) и интервью с 20 информантами. В исследовании анализируется заимствование из баскского языка *chirrinta*, которое имеет

несколько графических вариантов написания и обозначает ‘сильное желание сделать что-то’. Подобные заимствования привносятся преимущественно билингвами, владеющими испанским и баскским языками: для них существуют понятия, которые не имеют аналогов в другом языке и которые используются ими при общении на обоих языках. По словам А. Вежбицкой, подобные понятия глубоко укоренены в лексиконе носителя языка и связаны с ключевыми словами культуры [Wierzbicka 2011].

Прототипически лексема *chirrinta* употребляется по отношению к определенным видам еды — сладостям и особым блюдам, которые употребляют не каждый день. Обычно это слово используется для описания прошедших событий, о которых субъект вспоминает с любовью. В испанском языке есть близкий по значению аналог *antojo* ‘прихоть’, однако он не подразумевает никакого эмоционально-чувственного восприятия и связи с определенными ситуациями.

Подобные заимствования не имеют полноценных аналогов в литературном языке и несут определенные культурные смыслы, важные для наваррцев.

В главе **Зузанны Булат Силва** (Zuzanna Bułat Silva) обсуждается связь категории времени с выражением эмоций. Анализ проводится на примере понятия *saudade* из португальского языка, которое можно перевести как ‘тоска, тоска по дому, ностальгия’. Методология ЕСЯ, разработанная А. Вежбицкой, позволяет описать человеческие эмоции с универсальной точки зрения, с учетом особенностей конкретного языка и культуры, так как подход предполагает детальное описание семантики единицы в соответствии с ее представлением носителем языка. Эмоции в большой степени зависят от культуры: названия эмоций — языковые артефакты, в которых кристаллизован прошлый опыт данного общества. В ЕСЯ эмоции обычно трактуются с помощью прототипического когнитивного сценария, где субъект ощущает что-то хорошее или плохое в определенное время.

Португальское слово *saudade* связано с историей колонизации мира (когда Португалия была одной из самых могущественных империй) и вынужденной разлукой семей во время морских экспедиций. Долгое время португальцы называли это понятие **маркером национальной идентичности**. В этом чувстве сочетаются тоска, меланхолия, воспоминания о хорошем, о доме и гордость. Эти эмоции тесно связаны с временными планами: во-первых, субъект вспоминает о хороших событиях в прошлом, которые приносили ему удовольствие; во-вторых, настоящее время оценивается субъектом как плохой период; в-третьих, субъект мечтает в будущем вернуться домой и снова испытать хорошие эмоции.

С опорой на предшествующие работы подчеркивается, что эмоции не являются статичными, а различаются во временной перспективе. Так, некоторые эмоции свойственны прошлому, другие — настоящему и будущему. Существует зависимость продолжительности эмоций от их интенсивности: можно выделить продолжительные и неинтенсивные / моментальные и сильные эмоции. Восприятие времени — субъективный процесс; например, когда человек счастлив, время летит быстро; а когда он в глубокой печали, время как бы останавливается. Сравнение этой лексемы с аналогами из других языков показало, что она уникальна с лингвокультурной точки зрения, так как не может быть переведена с сохранением всех реализуемых смыслов.

Таким образом, методика ЕСЯ, основанная на детальном и последовательном описании значения и обращении к лингвокультурным аспектам семантики, оказывается продуктивна при лингвистическом описании эмоций.

В статье **Фрэнсис и Ховарда Морфи** (Frances Morphy and Howard Morphy) исследуется концептуализация понятий разума (mind) и души (soul) в кросс-культурной перспективе. По мнению А. Вежбицкой, понятие разума — это метакатегория, представляющая культурно укоренившийся, зависящий от языка способ концептуализации психических состояний и ментальных процессов. В этой статье сравниваются понятия разума в английской традиции и в языке аборигенов Австралии иолнгу, на диалектах которого говорит более 4600 человек. Согласно европейской традиции разум находится в мозге, в верхней части головы. Разум отвечает за мыслительные процессы (*думать* — главный глагол в этом

аспекте), передачу и накопление знаний (что, например, описывается глаголом *знать*) и психологическое состояние в целом. Однако такое представление исторически обусловлено: до эпохи Просвещения разум ассоциировался с душой и добром, без преобладания интеллектуальной составляющей [Wierzbicka 1989]. Сейчас же разум противопоставлен душе, что связано с влиянием религиозных, схоластических и философских учений.

В языках иолнгу разум включает не только интеллектуальную деятельность, но и душевную составляющую. Это понятие оказывается близко к концепции разума, распространенной в европейской традиции до эпохи Просвещения. Разум, по представлениям аборигенов, находится не только в человеке (в передней верхней части головы), но и в тотемных существах Вангарра, которые являются источником знаний. Передача знаний осуществляется через голову человека (особенно интенсивно в младенчестве через родничок). Контакт с источником знаний активизируется в сакральных местах. У иолнгу не существует четкого разграничения между разумом и духом (*spirit*), который живет вне человека (например, в виде ветра) после смерти. Также тесно связанными оказываются понятия *разум* и *душа*: в европейской традиции они достаточно четко разделены.

Вторая метакатегория — *душа* — в европейской традиции может относиться только к человеку (а не вещам). Как отмечает А. Вежбицкая, душа имеет моральный характер и связана с идеей добра: наличие души проявляется в способности быть добрым [Ibid.]. Для иолнгу душа (*birrimbirr*) не связана с моральной категорией добра, так как поведение человека определяется не выбором человека, а следованием правилам, определенным предками: для них душа — наследуемая сущность, которая переходит в младенца из трансцендентного мира, а после смерти душа покидает тело и живет в природных объектах. В теле душа живет в голове рядом с разумом.

Авторы статьи дополняют подход Вежбицкой прежде всего использованием антропологических сведений о культуре, религии и традициях общества. Работа показывает, как методология ЕСЯ может быть интегрирована в антропологические исследования, а современная когнитивная лингвистика тесно связана с культурологическими проблемами.

Следующий раздел, написанный **Гарольдом Кохом** (Harold Koch), также является хорошим примером взаимодействия лингвистического и антропологического подходов в области изучения терминов родства: с одной стороны, наименования родства могут обсуждаться как лингвистическая проблема, но, с другой стороны, их оригинальная, не похожая на европейскую традицию организация вызвана антропологическими причинами, для исследования которых требуются нелингвистические методы изучения.

В качестве материала исследования были взяты данные языков юга Австралии — дурга (Dharumba), нгарринджери (Ngarrindjeri), нгангуруку (Ngangaruku), севера — вик-мунган (Wik Mungkan). В этих языках различаются родственники по материнской и отцовской линиям (существуют отдельные наименования для матери отца и матери мамы), старшие и младшие сестры и братья.

Автор предлагает для описания понятий родства термин «тектоцентрический» (*teknocentric*, от греческого слова *teknon* ‘потомство’). Развитая система наименований в анализируемых языках объясняется прагматически: она связана с особыми условиями жизни и социальной организации народов. Во-первых, родство в этих языках описывается с точки зрения ребенка, поэтому оказывается значимо различие между старшими и младшими братьями и сестрами. Во-вторых, в этих языках развито косвенное наименование коммуникантов и использование для этого терминов родства; в европейских языках для этого чаще употребляются дейктические местоимения *я*, *ты* и др. В-третьих, в этих языках табуированы брачные отношения, поэтому сложные наименования родства — своеобразный эвфемизм; это приводит к разграничению родственников по мужской и женской линиям.

Раздел **Алексея Шмелева** посвящен использованию параллельных корпусов для описания семантики лингвоспецифичных слов русского языка, которые не имеют точного словарного эквивалента в другом языке и оказываются вариативны при переводе. Они могут быть связаны с ключевыми словами культуры (в понимании А. Вежбицкой).

Лингвоспецифичность единиц проявляется в коннотации, пресуппозиции и фоновых аспектах значения, которые носитель языка не может адекватно перевести на другой язык. Характер перевода конкретных лингвоспецифических единиц зависит от общей стратегии перевода. Первая стратегия (стратегия значения) ориентирована на то, что автор хочет сказать, поэтому переводчик может делать комментарии, добываясь более полного смыслового понимания оригинала и при этом жертвуя целостным впечатлением о тексте. Вторая стратегия (стратегия формы) ориентирована на читателя, в ее рамках переводчик стремится добиться схожего впечатления от переводного текста; эта стратегия часто свойственна художественным текстам.

Русское слово *авось* анализируется как лингвоспецифичное: такой статус оно получает благодаря своей вариативности при переводе на европейские языки. Оно обычно переводится как *maybe* 'может быть', *possibly* 'возможно'; лексема связывается с предположением, сделанным без достаточных оснований (за исключением желания говорящего). Семантически слово *авось* отражает особенности употребления лексемы *надежда*, которая выражает желание говорящего, чтобы наступила определенная ситуация без гарантий того, что она произойдет. Также значение единицы *авось* связано со словом *удача* в том смысле, что говорящий хочет, чтобы определенная ситуация наступила, но сам не может повлиять на нее.

К лингвоспецифичным словам также относится лексема *тоска*, которую А. Вежбицкая называет ключевым словом русской культуры [Wierzbicka 1992]. Автор статьи дополняет определение этого слова, представленное Вежбицкой, и связывает его с ситуацией, когда человек чувствует сильное неудовлетворенное и сложно объяснимое желание, при этом ощущая, что это желание невыполнимо, отчего ему плохо. Такое сложное с семантической точки зрения слово не имеет универсального переводного эквивалента. В каждом конкретном случае переводчик решает, какие имплицитные смыслы важны для понимания текста, а какими можно пожертвовать.

Теоретические установки современной лингвистики рассматриваются в работе **Джона Ньюмана** (John Newman), который отмечает, что идея о языке как системе, не связанной с его носителями и существующей независимо от человека, больше не имеет влияния в науке. Автор выделяет два направления исследований антропоцентрической лингвистики: (1) исследования, объясняющие язык с помощью обращения к эмпирическому опыту и поведению человека; (2) работы, делающие акцент на отдельном говорящем.

Первое направление предполагает описание функционирования языка как составляющей поведения человека с учетом его опыта, особенностей восприятия и других психических характеристик. Важной здесь оказывается связь разума и тела: интеллектуальное познание мира протекает во взаимосвязи с физическим телом и окружающей средой. В рамках этого направления активно развиваются экспериментальные исследования. К этому же типу автор относит концепцию ЕСЯ А. Вежбицкой: семантические примитивы, используемые для толкования значения, являются психически реальными для носителей языка концептами. Однако, несмотря на очевидную общую когнитивную направленность подхода Вежбицкой, психическая реальность ЕСЯ, как нам кажется, требует обсуждения. Работы, выполненные в рамках ЕСЯ, чаще всего используют корпус и базы данных в качестве источников материала, однако упускают нейропсихологическую основу гипотезы и экспериментальные методики.

Второе направление смещает исследовательский акцент на изучение языка отдельного человека. Как известно, язык существует только в социуме, однако переключение исследовательского внимания на отдельного носителя языка может быть полезным. Наиболее известным примером подобных «индивидуальных» исследований являются изучение творчества писателей, лонгитюдные исследования детской речи и изучение речевой деятельности на протяжении всей жизни, которые регистрируют оригинальные изменения произношения, лексики и грамматики отдельного говорящего. Диахронические вариации языка отдельного человека нельзя объяснить простым

изменением общественных норм или старением: существуют индивидуальные вариации в течение всей жизни.

Теоретические основания методики ЕСЯ критически обсуждаются в главе **Кита Аллана** (Keith Allan), который во многом полемизирует с А. Вежбицкой. В работе анализируются семантические примитивы и их способность объяснить значение слов в разных языках. Отмечается, что семантическая теория должна быть интегрирована с теориями прагматики (объясняющими значение в социальном и культурном контексте) и дискурса, а также с общей теорией когнитивной деятельности, так как значение является отражением человеческого восприятия и обработки действительности. Как нам представляется, текущая версия концепции Вежбицкой использует достижения современной лингвистики, однако изначальное ядро ее подхода, связанное с существованием семантических примитивов и ЕСЯ, по-прежнему вызывает вопросы. В настоящее время отсутствуют сильные доказательства, что ЕСЯ является не абстрактным исследовательским инструментом, а реально существующим в психике носителя языка явлением. К. Аллан сравнивает поиск семантических примитивов ЕСЯ с установлением списка Сводеша (то есть перечня 100–215 базовых и наиболее устойчивых лексем, используемых для оценки степени родства языков). Базовые слова, включенные в список Сводеша, обозначают важные понятия, которые редко заимствуются из другого языка: личные местоимения, числительные, локативы, слова, обозначающие части тела, движения, простые манипуляции и др. Список Сводеша обладает очевидными когнитивными основаниями, связанными с историческим развитием языка и освоением языка в онтогенезе. Однако Вежбицкая не выделяет диахронического аспекта ЕСЯ. При этом с точки зрения состава ЕСЯ и список Сводеша принципиально похожи.

В современной версии ЕСЯ включает 65 примитивов (не считая их словоформ), которые представлены во всех языках. При этом, как показывает К. Аллан, количество примитивов в разных языках должно различаться, так как значения некоторых понятий не могут быть идентичными (прежде всего из-за их многозначности). Иначе говоря, ставится под сомнение универсальность ЕСЯ, то есть способность этого метаязыка описать значение единиц разных языков. С одной стороны, сторонники Вежбицкой провели большое количество эмпирических исследований на материале разноструктурных языков, показывающих применимость ЕСЯ; с другой стороны, подобные работы не предполагали изучения того, насколько этот метаязык психологичен и является *lingua mentalis* (то есть языком, отображающим мыслительные процессы носителя языка).

Положительно оценивается К. Алланом антропоцентрический и субъективный подход А. Вежбицкой при толковании, что, в частности, проявляется в опоре на чувственное восприятие: например, описание слова *красный* строится на указании 'цвет крови или огня', а не на отсылке к физическим данным. Однако конкретная практика толкования лексем может не соответствовать заявленным требованиям. Так, автор обсуждает недостатки толкования слова *чаюшка* (*cup*), данного А. Вежбицкой. Во-первых, оно оказывается чрезвычайно длинным (830 слов), в него включены подробные характеристики, некоторые из которых являются неважными и малопонятными для носителя языка, что нарушает антропоцентрический принцип. Во-вторых, толкование содержит не только семантические примитивы, но и более сложные понятия, что размывает методику ЕСЯ.

Таким образом, научная эволюция подхода А. Вежбицкой предполагает постепенный отход от первоначальной концепции, предполагающей существование семантических примитивов, способных описать значение любых языковых единиц. Под влиянием критики и успехов когнитивного и функционального направлений Вежбицкая обогащает свою исследовательскую программу, при этом жертвуя некоторой оригинальностью. Подход Вежбицкой, благодаря постоянному обновлению, становится **макроконцепцией**, интегрирующей многие положения современной лингвистики. Во многом похожий путь проходит научная концепция Н. Хомского: американский лингвист, которого Вежбицкая считает своим главным оппонентом, со временем пересматривает подход, адаптируя его под новые эмпирические данные.

Завершает сборник очерк о жизни А. Вежбицкой, написанный **Кевин Уиндлом** и **Мэри Бесемерес**, дочерью Вежбицкой (Kevin Windle and Mary Besemer)⁴. Анна Вежбицкая (девичья фамилия — Смоленска) родилась в 1938 г. в Варшаве. Ее родной город был оккупирован немцами во время Второй мировой войны. Осенью 1944 г. после подавления Варшавского восстания ее семья была разделена: Анна вместе с матерью и старшей сестрой Мартой были отправлены в немецкий Хамельн работать на швейной фабрике. 14 марта 1945 г. их освободили американские военные.

Еще в раннем детстве Анна под влиянием отца увлеклась польским языком и словарями. Вместе они сочиняли юмористические стихи о своей семье. В возрасте 16 лет, благодаря серьезным школьным успехам, Анна поступила в Варшавский университет, чтобы изучать польскую филологию. В это время польская наука, в том числе филология, развивалась под влиянием марксизма и идей Иосифа Сталина. Ее преподавателями были выдающиеся ученые Мария Рената Майенова и Зофья Шмыдтова, которым удавалось противостоять идеологическим притеснениям. Во время обучения Анна встретила писателя и ученого Петра Вежбицкого, за которого вышла замуж после окончания университета.

Кандидатская диссертация⁵, посвященная изучению синтаксиса и стилистики прозы польского Возрождения, была выполнена под руководством М. Р. Майеновой в Институте литературы. Докторская степень была присуждена ей за книгу «Семантические исследования». Научный руководитель помогла Анне уехать на шестимесячную стажировку в Москву в 1964–1965 гг., где она познакомилась с группой ученых, занимающихся семантикой, в том числе с И. А. Мельчуком и Ю. Д. Апресяном.

Поворотным в ее научной карьере стала встреча в 1964 г. с Анджеем Богуславским, который прочитал в Варшавском университете лекцию «Основы семантики». В ней была высказана мысль о существовании нескольких врожденных и универсальных понятий, из которых построены значения всех слов всех языков и человеческих мыслей. Эта идея стала основной для ее последующей научной деятельности.

В 1966 г. Вежбицкая при поддержке Романа Якобсона получила стипендию на годовое обучение в Массачусетском технологическом институте. В США она знакомится с работами Н. Хомского и сразу понимает, что не хочет заниматься генеративной лингвистикой, так как увлечена людьми, которые используют язык, и значениями, а не формальными отношениями. Перед возвращением на родину Вежбицкая проводит две недели в Оксфорде, где знакомится с аспирантом-славистом из Австралии Джоном Бесемересом, который в 1970 г. становится ее вторым мужем. В 1972 г. у пары рождается дочь Мария, семья переезжает в Канберру. Через три года у них появляется вторая дочь Клэр.

В 1973 г. Вежбицкая становится преподавателем Австралийского национального университета в Канберре, где ей удается собрать сильную команду лингвистов. Она активно занимается научными исследованиями, в том числе описанием малоизученных австралийских языков.

В 1996 г. исследовательница получила стипендию Фонда Гумбольдта на стажировку в Кельне (Германия), куда на полгода переехала вся семья. Одним из наиболее значимых событий в профессиональной жизни стало сотрудничество с Клиффом Годдардом, который был студентом Вежбицкой и первоначально в 1970-х гг. являлся ее «оппонентом». Но с 1980-х гг. они становятся соавторами, и вместе коллеги разрабатывают ЕСЯ. Благодаря своей команде (многие члены которой были ее студентами) Вежбицкой удалось провести изучение ЕСЯ на материале различных языков.

В последние два десятилетия Вежбицкая увлекается английским языком в культурно-исторической перспективе, богословием и библейскими исследованиями. Так, в ее работах по английской культуре отмечается опасность этноцентризма из-за глобального статуса английского языка.

⁴ На русском языке основные вехи жизни А. Вежбицкой представлены в книге [Вежбицкая 2011].

⁵ В польской научной традиции кандидатская диссертация называется докторской, а вторая (докторская) диссертация — *habilitacja*.

На протяжении 1980-х и 1990-х Анна каждые несколько лет приезжала в Польшу навещать мать и сестру. Анна — любимая бабушка шестерых внуков. Используя данные речи внуков, она выделила пять стадий детского мышления на ЕСЯ.

После выхода на пенсию в 2016 г. Вежбицкая становится почетным профессором Школы литературы, языков и лингвистики Австралийского национального университета. Даже на пенсии она продолжает заниматься исследованиями и публиковаться, руководить аспирантами и читать гостевые лекции, а также проводить еженедельные семинары по семантике и теологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Вежбицкая 1996 — Вежбицкая А. *Язык. Культура. Познание*. М.: Русские словари, 1996. [Wierzbicka A. *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow: Russkie Slovarei, 1996.]
- Вежбицкая 2001 — Вежбицкая А. *Понимание культур через посредство ключевых слов*. М.: Языки славянских культур, 2001. [Wierzbicka A. *Understanding cultures through their key words*. New York: Oxford Univ. Press, 1997. Transl. into Russian.]
- Вежбицкая 2011 — Вежбицкая А. *Семантические универсалии и базисные концепты*. М.: Языки славянских культур, 2011. [Wierzbicka A. *Semanticheskie universalii i bazisnye kontsepty* [Semantic universals and basic concepts]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2011.]
- Касевич 2013 — Касевич В. Б. *Когнитивная лингвистика: В поисках идентичности*. М.: Языки славянских культур, 2013. [Kasevich V. B. *Kognitivnaya lingvistika: V poiskakh identichnosti* [Cognitive linguistics: In search of identity]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2013].
- Шмелев 2005 — Шмелев А. Д. Сквозные мотивы русской языковой картины мира. *Ключевые идеи русской языковой картины мира*. Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. (ред.). Москва: Языки славянской культуры, 2005, 452–464. [Shmelev A. D. Crosscutting motifs of the Russian linguistic worldview. *Key ideas of the Russian linguistic worldview*. Zaliznyak Anna A., Levontina I. B., Shmelev A. D. (eds.). Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2005, 452–464.]
- Evans 2006 — Evans V. Lexical concepts, cognitive models and meaning-construction. *Cognitive Linguistics*, 2006, 17(4): 491–534.
- Goddard 2011 — Goddard C. *Semantic analysis: A practical introduction*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2011.
- Levinson 2000 — Levinson S. *Presumptive meanings: The theory of generalized conversational implicature*. Cambridge (MA): MIT Press, 2000.
- Levisen, Waters 2017 — Levisen C., Waters S. How words do things with people. *Cultural keywords in discourse*. Levisen C., Waters S. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2017, 1–23.
- Storch 2011 — Storch A. *Secret manipulations: Language and context in Africa*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2011.
- Wierzbicka 1989 — Wierzbicka A. Soul and mind: Linguistic evidence for ethnopsychology and cultural history. *American Anthropologist*, 1989, 91(1): 41–58.
- Wierzbicka 1992 — Wierzbicka A. *Semantics, culture, and cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations*. New York: Oxford Univ. Press, 1992.
- Wierzbicka 2003a — Wierzbicka A. *Cross-cultural pragmatics: The semantics of human interaction*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2003.
- Wierzbicka 2003b — Wierzbicka A. Singapore English: A semantic and cultural perspective. *Multilingua*, 2003, 22: 327–366.
- Wierzbicka 2011 — Wierzbicka A. Bilingualism and cognition: The perspective from semantics. *Language and bilingual cognition*. Cook V., Bassetti B. (eds.). Hove: Routledge, 2011, 191–218.
- Wierzbicka 2019 — Wierzbicka A. *What Christians believe: The story of God and people*. New York: Oxford Univ. Press, 2019.

[Рец. на: / Review of:] **A. Alexiadou, H. Borer (eds.). *Nominalization: 50 years on from Chomsky's Remarks***. (Oxford Studies in Theoretical Linguistics, 76.) Oxford: Oxford University Press, 2020. 480 p. ISBN 9780198865582.

Екатерина Анатольевна Лютикова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; lyutikova2008@gmail.com

Благодарности: Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 22-18-00037 (МГУ им. М. В. Ломоносова).

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.6.152-160

Ekaterina A. Lyutikova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; lyutikova2008@gmail.com

Acknowledgements: The work was supported by the Russian Science Foundation (project No. 22-18-00037 at Lomonosov Moscow State University).

Рецензируемое издание посвящено пятидесятилетию публикации статьи Ноама Хомского «Заметки о номинализации» («Remarks on nominalization» [Chomsky 1970], далее RoN), послужившей в свое время поворотным пунктом в развитии генеративной парадигмы. Обычно считается, что RoN провозглашают необходимость перехода к лексикализму — такому взгляду на грамматику, при котором минимальной синтаксической единицей является слово, а формально производные единицы, такие как отглагольные существительные (deverbal nominals, DN), не деривируются в синтаксисе действием трансформаций, а принадлежат словарю. Но это утверждение верно лишь отчасти: нужно понимать, какому альтернативному представлению об архитектуре грамматики оппонируют RoN.

Конец 1960-х годов — эпоха зрелости первой генеративной модели, Стандартной теории. Грамматика состояла из двух компонентов: правил фразовой структуры, создающих глубинную структуру предложения, и трансформационного компонента, преобразующего глубинную структуру в поверхностную. Важным достижением виделась гипотеза Катца — Постала [Katz, Postal 1964], согласно которой семантический модуль интерпретирует исключительно глубинную структуру; соответственно, трансформации не меняют значение предложения. В этой связи казалось чрезвычайно заманчивым предположение, что глубинная структура универсальна и представляет собой репрезентацию значения, а различия между языками связаны исключительно с работой трансформационного компонента. Это предположение активно разрабатывалось в рамках порождающей семантики ([Fodor, Katz (eds.) 1964; Lakoff 1971; McCawley (ed.) 1976] и др.), которая ставила своей целью создание универсального семантического представления и значительно более мощного трансформационного компонента, способного представить все случаи внутриязыковой и межъязыковой синонимии как результат альтернативных дериваций¹. Но и независимо от тезиса о семантическом характере глубинной структуры господствовал деривационный подход к синтаксической синонимии, объясняющий идентичность условий истинности предложений *John hit me* ‘Джон меня ударил’ и *I was hit by John* ‘Меня ударил Джон’ их деривацией из общей глубинной структуры [Chomsky 1965: 132ff]. В рамках этого подхода герундий, DN и клауза (1a–c) также признавались деривационно связанными.

- (1) a. *his criticizing the book*
‘его критика книги’

¹ Об истории порождающей семантики см., например, [Newmeyer 1980].

- b. *his criticism of the book*
‘его критика книги’
- c. *He criticizes the book.*
‘Он критикует книгу’.

В RoN обращение к материалу номинализаций позволило Н. Хомскому показать принципиальное отличие регулярных соответствий между финитной клаузой (1c) и герундием (1a) от значительно менее предсказуемых соотношений между финитной клаузой и DN (1b). Идиосинкразии деривационной морфологии (ср. *criticism* ‘критика’, *refusal* ‘отказ’, *proof* ‘доказательство’, *amusement* ‘удовольствие’, *destruction* ‘разрушение’, *growth* ‘рост’), различия аргументной структуры (ср. *Tomatoes grow / John grows tomatoes* ‘Томаты растут’ / ‘Джон выращивает томаты’, но *tomatoes’ growth / *John’s growth of the tomatoes* ‘рост томатов’ / ожд.: ‘выращивание томатов Джоном’), непредсказуемое развитие собственных значений (ср. *transmission* ‘передача, коробка передач’) и, наконец, различия в применении трансформаций к глаголам и DN (ср. трансформацию «Dative Shift», создающую конструкцию с двумя именными объектами, которая может применяться в клаузах, но не в DN: *John gave the book to Bill* → *John gave Bill the book* ‘Джон дал книгу Биллу / Джон дал Биллу книгу’, но *John’s gift of the book to Bill* → **John’s gift of Bill of the book* ‘Джоново дарение книги Биллу / *Джоново дарение Билла книги’) — все эти факты служат эмпирической основой для отказа от синтаксической деривации DN из глубинной структуры клауз. Вместо этого Н. Хомский предложил описание DN в лексиконе — негенеративном компоненте грамматики, хранящем идиосинкразичные свойства лексических единиц, такие как субкатегоризация, селективные ограничения, фонологические характеристики.

Эвристическим обоснованием этого предложения является потребность в ограничении трансформационного компонента. Деривация DN в синтаксисе с неизбежностью приводит к такому усложнению правил, что их усвоение ребенком становится принципиально невозможным, и к такому росту выразительной силы грамматики, что перепорождение не может быть эффективно ограничено. При этом очевидно, что существительные, никак деривационно не связанные с глаголами, также способны иметь аргументную структуру, аналогичную аргументной структуре DN (ср. *his picture of Mary* ‘его портрет Марии’, *the author of the book* ‘автор книги’, *my question whether John should leave* ‘мой вопрос, следует ли Джону уйти’), и она должна возникать в результате действия правил фразовой структуры. Следовательно, правила фразовой структуры в любом случае должны быть способны порождать развернутые именные группы, имеющие зависимые разных синтаксических категорий, так что существительные (N) в этом отношении не столь отличны от глаголов (V), как это было принято считать. Способность иметь аргументную структуру (и необходимость ее проецирования) определяется в первую очередь лексическим значением соответствующей единицы, а не ее категорией и, таким образом, правила переписывания (*rewriting rules*) не должны быть жестко привязаны к синтаксической категории. Соответственно, возникает возможность сформулировать обобщенные правила фразовой структуры, постулирующие единое, категориально нейтральное устройство синтаксических групп — правила, которые в дальнейшем образуют X-штрих-теорию, базовый компонент Теории управления и связывания. Трансформации же, напротив, оказываются чувствительны к лексическим категориям, что вполне ожидаемо для контекстно-зависимого компонента грамматики.

Таким образом, значение RoN для теории грамматики состоит в первую очередь в стремлении к созданию более ограничительной теории трансформационного компонента. Лексикализм RoN следует рассматривать как антитезу трансформациям определенного типа, меняющим уже сформированную глубинную структуру. Однако, как справедливо отмечает Алек Марантц [Marantz 1997], RoN выявляют не только идиосинкразии DN, но и регулярности определенного типа (например, отсутствие переходных употреблений у DN типа *growth* ‘рост’), что снова открывает повестку поиска синтаксических закономерностей

внутри слова. Поэтому неудивительно, что подавляющее большинство современных подходов как к регулярным номинализациям типа герундия, так и к различным классам DN, опираясь на теоретическое наследие RoN, тем не менее постулируют синтаксическую деривацию этих структур, то есть по сути антилексикализм.

Юбилейный сборник под редакцией Артемис Алексиаду и Хагит Борер ставит своей целью продемонстрировать современное состояние исследований в области морфологии, синтаксиса и семантики номинализаций. В открывающей сборник редакторской главе I предлагается краткий очерк изучения номинализаций в генеративной парадигме. Рассматриваются тематические и конструктивистские подходы к лицензированию аргументов, теории категоризации и межкатегориальной конверсии, взаимосвязь между событийной интерпретацией и аргументной структурой, специфика продуктивных и непродуктивных номинализаций. Как важные вехи в развитии области отмечаются такие достижения как «Пролегомены словообразования» Морриса Халле [Halle 1973], формирование и развитие Распределенной морфологии [Halle, Marantz 1993], теория аргументной структуры Реляционной грамматики [Perlmutter 1980] и наследующая ей тета-теория в рамках Теории управления и связывания, теория расширенных проекций Джейн Гримшо [Grimshaw 1991]. Значительно обогатились наши представления о типологии номинализаций: систематическое изучение номинализаций как во внутриязыковом, так и в межязыковом аспекте [Grimshaw 1990; Alexiadou 2001; Alexiadou, Rathert (eds.) 2010; Borer 2003; 2012; 2014] позволило установить важнейшую дихотомию событийных номинализаций, проецирующих аргументную структуру («complex event nominals» у Дж. Гримшо, «argument structure nominals» у А. Алексиаду — напр., *the student's frequent collection of mushrooms* ‘частый сбор грибов учеником’), и несобытийных номинализаций, способных лишь к присоединению обычных приемных зависимых («result nominals» — напр., *John's collections* ‘принадлежащие Джону коллекции’); выделяются также простые событийные номинализации («simple event nominals» — напр., *The exam lasted 5 hours* ‘Экзамен продолжался 5 часов’), обозначающие события, но не проецирующие аргументную структуру. Завершает главу обзор содержания сборника — в общей сложности 16 глав, призванных скорее проиллюстрировать современную повестку дня в исследовании номинализаций, чем дать окончательные ответы на вопросы, связанные с их структурой и значением.

Особняком стоит глава 2 — в ней автор статьи-юбиляра Н. Хомский предлагает взгляд из сегодняшнего дня на исторический контекст и мотивацию появления RoN, на место этой работы в общей логике развития генеративной грамматики. Лексикализм RoN предстает как необходимый шаг на пути к объяснительно адекватной теории, радикально сокращая «пространство поиска» (search space) при парсинге и усвоении языка. Другая инновация RoN — универсальная теория групп — получает окончательное развитие в модели пустой фразовой структуры (Bare phrase structure, [Chomsky 1994]), сокращающей избыточные понятия уровня проекции и вводящей единый механизм лейблинга (labeling). Таким образом, констатирует Н. Хомский, анализ структуры номинализаций послужил основой для исследования более глубоких теоретических вопросов. Такую же тенденцию можно наблюдать и во многих главах рецензируемого издания.

Для понимания того, какую важную роль в развитии теории сыграло появление RoN, стоит сделать небольшое отступление и обратиться к истории советской лингвистики². Влияние идей порождающей семантики на отечественную семантико-синтаксическую школу было чрезвычайно велико; более того, в 1960-х — 1970-х годах ведущие отечественные лингвисты — Е. В. Падучева, Ю. С. Мартемянов, И. А. Мельчук — создают оригинальные версии порождающих моделей грамматики, исходящих из формально организованного представления значения как «глубинной структуры», соотносящейся с синонимичными или связанными регулярными соответствиями вариантами поверхностных морфосинтаксических репрезентаций. Однако RoN и последовавшая дискуссия

² Благодарю анонимного рецензента за предложение обсудить этот вопрос.

в советской лингвистике на долгие годы остались не востребуемыми и неосмысленными, что стало одной из причин кардинального расхождения исследовательской повестки и критического непонимания логики развития генеративной грамматики в последующие годы. Как справедливо отмечает Я. Г. Тестелец [2001: 16, 502 и сл.], этот разрыв в конечном итоге привел к угасанию интереса отечественных лингвистов к формальному моделированию в 1980-х годах и был преодолен лишь в конце XX века.

Большой объем и содержательное разнообразие сборника не позволяют подробно осветить в рецензии основные тезисы и аргументацию каждой главы; к тому же эти сведения можно найти в редакторской главе. По этой причине рецензент склоняется к тематической организации изложения: ниже будут перечислены основные вопросы, обсуждаемые в связи с анализом номинализаций, и представлен вклад авторов сборника в их решение.

Ввиду очевидных корреляций между наличием аргументной структуры и событийной интерпретации в номинализациях встает вопрос об источнике этих свойств: означают ли они присутствие глагола (или его расширенной проекции) или же могут быть в равной мере присущи именным или акатегориальным корням. В сборнике представлены обе точки зрения. С одной стороны, глагольная категоризация и связанные с ней событийный аргумент и аргументная структура предполагаются в номинализациях, использующих шаблон $nXYaZ$, в иврите (Оделия Ахдут и Итамар Кастнер, глава 4), в английских DN, как проецирующих, так и не проецирующих внешний аргумент (Хагит Борер, глава 6), в ряде английских «нулевых» номинализаций типа *crash* ‘крушение’ или *melt* ‘таяние’ (Джанина Йордэжкэя, глава 10), в романских *nomina agentis* — в отличие от прочих имен, обозначающих функцию, например наименований инструментов (Изабель Руа и Елена Соаре, глава 13), и в польских номинализациях экспериенциальных глаголов (Божена Розвадовска, глава 14). Следует отметить, что размер номинализованной составляющей может быть достаточно большим, так что оказываются возможными такие операции, как рефлексивизация (глава 14), A-передвижения, сходные с пассивизацией (глава 6), и даже A'-операции, подразумевающие передвижение нулевого оператора (Хайди Харли, глава 9).

С другой стороны, имеются свидетельства того, что по меньшей мере часть аргументов ассоциирована не с проекцией глагола, а с корнем. Так, исследование номинализаций двух майяских языков — чольского и чуйского — показывает, что функциональные оболочки расширенной проекции глагола отвечают лишь за синтаксическое лицензирование внутреннего аргумента, в то время как необходимость насыщения соответствующей валентности является свойством корня (Джессика Кун и Джастин Ройер, глава 7). Существование уровня тета-проекции, имеющего синтаксическую природу, но связанного с корнем, а не с максимальными проекциями, аргументируется на материале нулевых номинализаций в английском языке, сохраняющих, в отсутствие реализованных аргументов, информацию о семантических ролях имплицитных аргументов и их способность к контролю (Том Рупер, глава 12). По-видимому, функциональные оболочки глагола делают синтаксическое выражение аргументов обязательным, однако имплицитная аргументная структура, характеризующаяся событийно-ориентированными семантическими ролями (агенса, пациенса), имеется не только у глагольных лексических единиц.

Продолжает тему сопоставления глагольных и именных синтагм изучение специфики согласования (Петер Акема и Ад Нелеман, глава 3). Исследователи подвергают критическому анализу известное обобщение, согласно которому согласование и конкорд³ дополнительно распределены как в отношении категорий (ср. [Baker 2008], где подчеркивается специфика согласования по лицу), так и в отношении областей: согласование характеризует расширенную проекцию глагола (клаузу), в то время как конкорд — расширенную

³ Термины «согласование» (agreement) и «конкорд» (concord) используются для различения двух типов контекстов унификации формальных признаков — внутри одной расширенной проекции (конкорд) и между разными расширенными проекциями (согласование). О других параметрах, отличающих конкорд от согласования, см. [Norris 2014].

проекцию существительного. В действительности, утверждают авторы, возможны все четыре комбинации: наряду с согласованием в именной группе (например, согласование посессивного D с генитивным посессором) имеются случаи конкорда в пределах клаузы (к таким феноменам относится, например, согласование наречий и послелогов с абсолютным клаузы в нахско-дагестанских языках). Таким образом, для противопоставления согласования и конкорда дихотомия N и V скорее нерелевантна. Однако отличие именных и глагольных синтагм может наблюдаться в системах падежного маркирования аргументов, как это происходит, например, в двух языках Амазонии — каяпо (Mëbêngôkre) семьи же и чакобо паноанской семьи (Андрес Пабло Саланова и Адам Толман, глава 15).

Несмотря на значительное разнообразие номинализаций в языках мира, обнаруживаются определенные закономерности в соотношении именных и глагольных свойств номинализаций. Уже в 1980-е годы было высказано предположение, что сходство номинализации с полноценной клаузой определяется уровнем присоединения номинализующей морфологии: чем большее количество функциональных оболочек расширенной проекции глагола вложено в номинализацию, тем большим количеством глагольных / клаузальных свойств она обладает (см. развернутый анализ в [Alexiadou 2001], где морфема-номинализатор, принимая в качестве комплемента одну из глагольных проекций, меняет ее категорию и позволяет ей иметь именные зависимые и именную дистрибуцию). Однако сопоставление номинализаций с различным объемом глагольной структуры позволяет выявить и еще одну корреляцию: чем большим числом глагольных свойств обладает номинализация, тем в меньшей степени проявляются именные свойства. Так, например, способность номинализации к выражению аспектуальных и темпоральных противопоставлений исключает возможность именной квантификации. Это обобщение довольно давно известно типологам (ср. [Givón 1990: 25ff]) и кажется интуитивно понятным, учитывая противопоставление имен и глаголов, однако до недавнего времени оно не получало принципиального объяснения в формальном анализе номинализаций. Действительно, если количество именных свойств номинализации определяется количеством доминирующих над номинализатором именных функциональных проекций, логически возможны любые соотношения объема именных и глагольных свойств, ср. (2a–b):

- (2) а. высокое присоединение номинализующего аффикса, низкое расположение аффикса в иерархии именных проекций

$$\underbrace{[_{Fn1} \dots [_{Fn2} \dots [_{Fn3} \dots [NMNL [_{Fv1} \dots [_{Fv2} \dots [_{Fv3} \dots [_{VP} V \dots]]]]]]}_{\text{много именных свойств}} \quad \underbrace{[_{Fv1} \dots [_{Fv2} \dots [_{Fv3} \dots [_{VP} V \dots]]]]}_{\text{много глагольных свойств}}$$

- б. низкое присоединение номинализующего аффикса, высокое расположение аффикса в иерархии именных проекций

$$\underbrace{[_{Fn1} \dots [NMNL [_{Fv3} \dots [_{VP} V \dots]]]]}_{\text{мало именных свойств}} \quad \underbrace{[_{Fv3} \dots [_{VP} V \dots]]}_{\text{мало глагольных свойств}}$$

Возможное решение этой проблемы предлагается в серии работ А. Алексиаду, обобщенной в главе 5 «D- и n-номинализации во внутриязыковом и межъязыковом аспекте». Решение основывается на гипотезе параллелизма [Wiltschko 2014], предполагающей, что архитектура расширенных проекций имени и глагола однотипна и включает последовательность функциональных вершин, отвечающих за определенные аспекты значения: лексическое значение (nP / vP), точку зрения (DivP / AspectP), привязку к действительности (QuantityP / TP) и встраивание в дискурс (DP / CP). В рамках этой гипотезы естественное предположение об ограничениях на структуру номинализации состоит в том, что определенная семантическая зона может быть представлена в номинализации лишь

единожды — либо глагольными, либо именными функциональными проекциями. Именно по этой причине n-номинализации, обладающие категориями рода и числа, допускающие модификацию прилагательными и комбинацию с определителями разного типа, неспособны включать развернутую клаузальную структуру. И наоборот, номинализации, способные выражать темпоральные и аспектуальные противопоставления и даже содержать подчинительные союзы, обладают вырожденными именными свойствами: комбинируются лишь с некоторыми определителями, не могут выражать число и неспособны к адъективной модификации, что позволяет отнести их к D-номинализациям.

Еще одно важное направление исследований — изучение взаимосвязи между номинализующей морфологией и свойствами номинализации, в первую очередь — ее размером и, как следствие, возможностью событийной интерпретации и проецирования аргументной структуры. В работе Дж. Гримшо [Grimshaw 1990] на материале английского языка были выделены следующие закономерности: *-ing*'овые номинализации всегда событийные (то есть относятся к классу *complex event nominals*), «нулевые» номинализации только индивидуальные (*result nominals*), а морфологически маркированные номинализации (суффиксы *-ation*, *-ence*, *-al* и т. д.) могут обозначать и события, и индивидов. Однако дальнейшие исследования ставят под сомнение строгие корреляции между деривационной морфологией и типом номинализации; для «нулевых» номинализаций английского языка обнаруживаются такие употребления в корпусах, которые свидетельствуют о наличии событийной интерпретации и содержат аргументную структуру: *Beijing's continuing export of dangerous missiles* 'продолжающийся экспорт опасных ракет Пекином', *his first daily walk of the dog* 'его первый из ежедневных выгулов собаки' (глава 10). Чрезвычайно интересно соотношение между префиксацией и выбором предложного дополнения в глаголах и номинализациях исландского языка (Джим Вуд, глава 16). Автор показывает, что предложное управление в глагольной синтагме может иметь две функции: предлог может обладать собственным значением и/или обуславливать специальное значение глагола. В клаузе лексический глагол и предлог находятся в отношении вершины и зависимого, что позволяет предлогу влиять на выбор значения глагола. При номинализации лексический глагол оказывается вложен в именную проекцию, и присоединение предложной группы происходит слишком поздно для того, чтобы создать контекст для выбора идиосинкретичного значения. В таких случаях наблюдается обязательная префиксация номинализации, отсутствующая в финитных употреблениях, ср. (3a–b).

(3) а. финитная клауза: специальное значение глагола лицензируется предлогом

Þeir laga sig að breytingunum.

они чинить.PRS.3PL REFL к изменениям

'Они адаптируются к изменениям'.

б. номинализация: специальное значение глагола лицензируется префиксом

**(að)-lög-un að breytingunum*

к-чинить-NMNL к изменениям

'адаптация к изменениям'

В связи с исследованием номинализующей морфологии следует отметить также задачу объяснения регулярной полисемии, вовлекающей событийные номинализации. Возможные типы предметных значений, развивающихся у событийных номинализаций, исчислены достаточно давно (см., например, [Апресян 1974: 196]). Синхронный анализ таких явлений обычно опирается на предположение, что один и тот же аффикс может присоединяться как до, так и после того уровня, на котором в структуре появляется событийный аргумент — так, например, объясняется регулярное противопоставление событийных имен деятеля и инструментов в романских языках (глава 13). Однако по-прежнему непонятно, каким образом одна и та же морфология оказывается

задействована при деривации событийных номинализаций и других видов зависимых клауз, интерпретация которых предполагает наличие событийной переменной, — относительных конструкций. В рецензируемом сборнике эта проблема обсуждается применительно к материалу двух языков: удмуртского (Эва Декань и Екатерина Георгиева, глава 8) и юто-ацтекского языка яки (Х. Харли, глава 9). Исследователи приходят к разным выводам об источниках полисемии. Для удмуртского языка показатель причастия / номинализации признается вершиной некоторой функциональной проекции глагола, так что два употребления этой глагольной составляющей предопределяются синтаксическим контекстом: относительная конструкция возникает в атрибутивной позиции при лексическом существительном, а номинализация — при вложении в DP в качестве комплемента. В языке яки относительные конструкции имеют разную форму в зависимости от того, какая синтаксическая позиция выступает мишенью релятивизации. Особый интерес представляют субъектные относительные конструкции: в том случае, когда в клаузе отсутствует подлежащее (например, при безличных «погодных» глаголах и при имперсональных пассивах), субъектная относительная конструкция обозначает событие, то есть соответствует по интерпретации событийной номинализации. Автор главы Х. Харли предлагает элегантное объяснение: при отсутствии термовых аргументов событийный аргумент оказывается «подлежащим» предиката, единственным доступным аргументом для экстернализации. Таким образом, будучи формально идентичными, субъектные относительные конструкции получают разную интерпретацию в зависимости от их аргументной структуры.

Наконец, наименее изученный вопрос в связи с номинализациями — это соотношение их структурных характеристик и их семантики. Из предположения о различном размере расширенной проекции глагола внутри номинализаций, объясняющего разнообразие их синтаксических свойств, следует и разнообразие их значений. Предметом обсуждения обычно оказывается противопоставление событийных и несобытийных номинализаций, а семантике номинализаций большего размера — TP или CP — практически не уделяется внимания. Тем больший интерес представляет анализ пропозициональных номинализаций (Кир Мултон, глава 11), опирающийся на оппозицию двух D+CP номинализаций испанского языка — с показателями *el que* и *lo de que*. Обнаруживается, что только вторая из них допустима в контексте предикатов 'истинно' / 'ложно' и предикатов пропозициональной установки. Автор приходит к выводу, что естественный язык не позволяет осуществлять референцию к пропозициям непосредственно, но допускает деривацию «объектов пропозициональной установки» («attitudinal objects», [Moltmann 2013]) из пропозиций путем соединения с некоторой именной сущностью (выраженным или нулевым существительным типа *идея*, *утверждение*).

К сожалению, объем рецензии не дает возможности подробнее представить многие другие интересные главы, например увлекательный анализ майянских номинализаций от основ разных структурных классов (глава 7) или филигранное исследование английских номинализаций «малой аргументной структуры» (short argument structure nominals), убедительно показывающее, что в их основе лежит пассивная конструкция (глава 6). Конечно, не все главы рецензируемого сборника одного уровня, и это, пожалуй, единственное серьезное замечание рецензента редакторам — как кажется, экзотичность языкового материала не является достаточным основанием для включения в коллекцию юбилейного издания тривиальных описательных статей, едва ли представляющих новые аргументы в дискуссии о синтаксическом моделировании морфологической структуры слова, иницированной RoN. Нельзя не согласиться и с тем, что диапазон проблем, обсуждаемых в связи со структурой и семантикой номинализаций, очень велик, что неизбежно приводит к слабой связи статей друг с другом. Тем не менее, книга прекрасно представляет диапазон современных исследований номинализаций и содержит много новаторских работ, что делает ее почти обязательной к прочтению как для типолога, так и для теоретического лингвиста.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- 3 — 3-е лицо
 DN — отглагольное существительное
 NMNL — номинализация
 PL — множественное число
 PRS — настоящее время
 REFL — возвратное местоимение
 RoN — «Remarks on nominalization», см. [Chomsky 1970]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Апресян 1974 — Апресян Ю. Д. *Лексическая семантика*. М.: Наука, 1974. [Apresjan Yu. D. *Leksicheskaya semantika* [Lexical semantics]. Moscow: Nauka, 1974.]
- Тестелец 2001 — Тестелец Я. Г. *Введение в общий синтаксис*. М.: РГГУ, 2001. [Testelelets Ya. G. *Vvedenie v obshchii sintaksis* [Introduction to general syntax]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2001.]
- Alexiadou 2001 — Alexiadou A. *Functional structure in nominals: Nominalization and ergativity*. Amsterdam: John Benjamins, 2001.
- Alexiadou, Rathert (eds.) 2010 — Alexiadou A., Rathert M. (eds.). *The syntax of nominalizations across languages and frameworks*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2010.
- Baker 2008 — Baker M. *The syntax of agreement and concord*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008.
- Borer 2003 — Borer H. Exo-skeletal vs. Endo-skeletal explanations: Syntactic projections and the lexicon. *The nature of explanation*. Polinsky M., Moore J. (eds.). Chicago: Chicago Univ. Press (CSLI), 2003, 31–67.
- Borer 2012 — Borer H. In the event of a nominal. *The theta system: Argument structure at the interface*. Everaert M., Marelj M., Siloni T. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2012, 103–149.
- Borer 2014 — Borer H. Derived nominals and the domain of content. *Lingua*, 2014, 141: 71–96.
- Chomsky 1965 — Chomsky N. *Aspects of the theory of syntax*. Cambridge (MA): MIT Press, 1965.
- Chomsky 1970 — Chomsky N. Remarks on nominalization. *Readings in English transformational grammar*. Jacobs R., Rosenbaum P. (eds.). Waltham (MA): Ginn, 1970, 184–221.
- Chomsky 1994 — Chomsky N. *Bare phrase structure*. Cambridge (MA): MIT Working Papers in Linguistics, 1994.
- Fodor, Katz (eds.) 1964 — Fodor J. A., Katz J. J. (eds.). *The structure of language*. Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall, 1964.
- Givón 1990 — Givón T. *Syntax: A functional-typological introduction*. Vol. II. Amsterdam: John Benjamins, 1990.
- Grimshaw 1990 — Grimshaw J. *Argument structure*. Cambridge (MA): MIT Press, 1990.
- Grimshaw 1991 — Grimshaw J. *Extended projection*. Ms., Brandeis Univ., 1991.
- Grimshaw 2005 — Grimshaw J. Extended projection. *Words and structure*. Grimshaw J. Stanford: CSLI Publications, 2005, 1–74.
- Halle 1973 — Halle M. Prolegomena to a theory of word formation. *Linguistic Inquiry*, 1973, 4: 3–16.
- Halle, Marantz 1993 — Halle M., Marantz A. Distributed Morphology and the pieces of inflection. *The view from building 20: Essays in linguistics in honor of Sylvain Bromberger*. Hale K., Keyser S. J. (eds.). Cambridge (MA): MIT Press, 1993, 111–176.
- Katz, Postal 1964 — Katz J. J., Postal P. M. *An intergrated theory of linguistic description*. Cambridge (MA): MIT Press, 1964.
- Lakoff 1971 — Lakoff G. On generative semantics. *Semantics: An interdisciplinary reader in philosophy, linguistics and psychology*. Steinberg D. D., Jakobovits L. A. (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1971, 232–296.
- Marantz 1997 — Marantz A. No escape from syntax: Don't try morphological analysis in the privacy of your own lexicon. *UPenn Working Papers in Linguistics*, 1997, 4(2): 201–225.
- McCawley (ed.) 1976 — McCawley J. D. (ed.). *Syntax and semantics 7: Notes from the linguistic underground*. New York: Academic Press, 1976.
- Moltmann 2013 — Moltmann F. *Abstract objects and the semantics of natural language*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2013.

- Newmeyer 1980 — Newmeyer F. *Linguistic theory in America*. New York: Academic Press, 1980.
- Norris 2014 — Norris M. *A theory of nominal concord*. Ph.D. diss., Univ. of California, Santa Cruz, 2014.
- Perlmutter 1980 — Perlmutter D. Relational grammar. *Syntax and semantics: Current approaches to syntax*. Vol. 13. Moravcsik E. A., Wirth J. R. (eds.). New York: Academic Press, 1980, 195–229.
- Wiltschko 2014 — Wiltschko M. *The universal structure of categories: Towards a formal typology*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2014.

Получено / received 01.06.2022

Принято / accepted 22.07.2022

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

научный журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ ПИ № ФС77-77284 от 10.12.2019 г.)

Оригинал-макет подготовлен С. С. Белоусовым

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»,
тел.: +7 495 637-25-16, e-mail: voprosy@mail.ru

Подписано к печати 30.11.2022 Дата выхода в свет 14.12.2022
Формат 70×100¹/₁₆ Уч.-изд. л. 15,5 Тираж 270 экз. Зак. 5/6а Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

16+

Издатель: Российская академия наук
20 экземпляров распространяется бесплатно

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-134-21 ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 13–14

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»
Адрес типографии: 170021, Тверская область, г. Тверь, Дачная улица, дом 33, офис 1

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

БАКАЛАВРИАТ

История
Культурология
Археология

МАГИСТРАТУРА

Модели всемирной истории
Культура массовых коммуникаций
Теория и практика археологических исследований

АСПИРАНТУРА

Исторические науки
и археология
Теория и история культуры

Комплексные образовательные программы разработаны специалистами исторического факультета с учетом последних научных достижений и современных общемировых тенденций.

В основе образовательного процесса — передовые технологии обучения, направленные на развитие мышления и творческого потенциала личности, достижение успеха в профессиональной среде. Студенты факультета с первого курса погружаются в мир академической науки, слушают лекции ведущих российских ученых с мировыми именами и сами участвуют в научных мероприятиях. В образовательные программы, помимо обязательных дисциплин, предусмотрены федеральными стандартами, включены уникальные авторские учебные курсы.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Научные сотрудники ведущих институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Преподаватель общается с каждым студентом индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Отдельные лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
с 1994 года

Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% – доктора наук
- более 45% – кандидаты наук

Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах

Интеграция науки
и образования

Бюджетные
места

Насыщенная
студенческая жизнь

Отсрочка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

• История

• Философия

• Политология

• Социология

• Международные отношения

• Зарубежное регионоведение

• Востоковедение и африканистика

• Психология

• Культурология

• Археология

• Менеджмент

• Юриспруденция

• Экономика

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

facebook.com/gaugn

instagram.com/gaugn_/

gaugn.ru

E-mail: info@gaugn.ru

vk.com/gaugn

